

HISTORIA ROSSICA

Эрнест Зицер

Царство

Преображения:

Священная пародия
и царская харизма
при дворе
Петра Великого

Ernest A. Zitser

THE
TRANSFIGURED
KINGDOM:

*Sacred Parody and Charismatic
Authority at the Court
of Peter the Great*

Cornell University Press:
Ithaca and London

2004

Эрнест Зицер

ЦАРСТВО
ПРЕОБРАЖЕНИЯ:

*Священная пародия
и царская харизма
при дворе Петра Великого*

Новое
Литературное
Обозрение

2008

УДК 316.728(47+57)(091)"16/17"
ББК 63.3(2)51-75
3-66

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии

М. Долбилов

Зицер Э.

3-66 Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / *Авторизованный перевод с англ. Д. Хитровой и К. Основата.* — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 240 с., ил.

В новаторском исследовании российской придворной культуры конца XVII — начала XVIII века американский историк Эрнест Зицер выступает с методологически изощренной трактовкой карнавальных действий, связанных со «Всешутейшим и всепьянейшим собором» и фаллократическим культом личности Петра Великого. «Потешной» мир мнимых монархов, рыцарей и клириков предстает той сферой, где создавалась «компания» уверовавших в новое «Евангелие от Петра». Освещая аспекты петровской политической теологии, до этого игнорировавшиеся историками, данная работа доказывает, что превращение Московии в императорскую Россию было столько же предметом бюрократического переустройства, сколько и переходом в новую веру, то есть столько же преобразованием, сколько и *преображением*. Книга оспаривает многие из распространенных представлений о религиозной и кадровой политике Петра I и стимулирует дальнейшее изучение его правления в общеевропейском контексте барочной придворной культуры раннего Нового времени.

ISBN 978-5-86793-603-7

УДК 316.728(47+57)(091)"16/17"
ББК 63.3(2)51-75

The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority
at the Court of Peter the Great,
by Ernest A. Zitser, originally published by Cornell University Press
Copyright © 2004 by Cornell University
This edition is a translation authorized by the original publisher.
© Д. Хитрова, К. Основат, авториз. пер. с английского, 2008
© «Новое литературное обозрение», 2008

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю всех благодарных всем, кто любил свои книги и выступал со мной, — само собой, в первую очередь, — в память тех, кто увез меня в новую Землю Обетованную, и тех, кто остался

в родной стране и продолжает жить и благоденствовать. Среди них мои учителя в Колумбийском университете, от которых были получены прекрасные рекомендации к России, — Людмила Хаймановна и Марселлен Хейлман, а также мои коллеги по работе в университете, особенно мои друзья и коллеги по кафедре истории, особенно профессор Ивонн Рейрман и д-р Смит. Их постоянная поддержка и помощь помогли мне справиться с материалами, подготовить различные статьи, сделать исчерпывающие выкладки в контексте. Семинар по истории и культуре России в рамках Проекта в области наук о человеке при Колумбийском университете и семинар по истории культуры в рамках Проекта в области наук о человеке при Колумбийском университете помогли мне справиться с материалами, подготовить различные статьи, сделать исчерпывающие выкладки в контексте. Семинар по истории и культуре России в рамках Проекта в области наук о человеке при Колумбийском университете и семинар по истории культуры в рамках Проекта в области наук о человеке при Колумбийском университете помогли мне справиться с материалами, подготовить различные статьи, сделать исчерпывающие выкладки в контексте.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражение благодарности всем, кто вложил свои усилия в настоящий труд, — самый приятный и ответственный этап работы. Автор многим хотел бы высказать свою признательность, однако, несмотря на рвение, вынужден ограничиться самым кратким списком тех, без чьей помощи книга не смогла бы выйти в свет. Программа индивидуальных исследовательских проектов по Евразии (IARO) при Комиссии по международному научному обмену (IREX) обеспечила мне годовое пребывание в Москве и Санкт-Петербурге. Программа финансовой поддержки диссертаций по Евразии при Совете по общественным наукам (SSRC), стипендии фонда Josephine de Kármán и Harriman Institute при Колумбийском университете сопровождали начальную стадию подготовки настоящего исследования. Окончательный этап работы начался на западном побережье Америки в рамках гранта в Центре по изучению XVII—XVIII вв. при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и завершился на восточном берегу в Davis Center for Russian and Eurasian Studies при Гарвардском университете. Ранний вариант Введения и Главы 2 был частично опубликован вскоре после того, как я вступил в должность научного сотрудника этого Центра (см.: *Politics in the State of Sober Drunkenness: Parody and Piety at the Court of Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Vol. 51. № 1. P. 1—15).

С особенным удовольствием я благодарю моих учителей в Колумбийском университете, от которых было нетрудно заразиться интересом к России, — Леопольда Хеймсона и Марка фон Хагена. Их исследовательские и педагогические усилия создали плодотворную научную атмосферу, способствовавшую моим разысканиям, куда бы они меня ни вели. В лучших традициях университетской славистики и истории Ирина Рейфман и Дж. Смит постоянно побуждали меня шире смотреть на материал, привлекать различные методы, глубже искать источники и контексты. Семинар по истории и культуре России раннего Нового времени под руководством Роберта О. Крамми впервые обратил мое внимание на Московию XVII в., а его воодушевляющий интерес к моим опытам в этой об-

ласти укрепил меня в выборе темы. Более всего я обязан Ричарду Уортману, моему научному руководителю и наставнику, от которого я неизменно получал и получаю новые интеллектуальные импульсы, не говоря о всесторонней и постоянной поддержке.

В процессе подготовки книги я пользовался советами множества ученых для уточнения целей и выводов своей работы, хотя всю ответственность за них я, разумеется, беру на себя. Я очень признателен Полу Бушковичу, Полу Холлингсворту, Линдси Хьюз, Джону П. Ле Донну, Ив Левин, Марку Раеву, Л.И. Сазоновой и В.М. Живову. Все они щедро делились со мной сведениями и советами, оставившими свой след в моей работе. Я должен особо выделить вклад Джеймса Крэйкрафта. Его подробный отзыв на ранние наброски настоящего исследования положил начало постоянному, хотя и заочному, диалогу, не только открывшему мне путь к завершению книги, но и обучавшему подлинной коллегиальности. Наконец, я благодарю Джона Г. Аккермана, директора издательства Cornell University Press, который проявил столь неподдельный интерес к моему труду, что я перестал сомневаться, стоит ли добавлять еще одну монографию к длинному списку литературы о Петре Великом.

Самую горячую признательность я выражаю своим родителям, Александру и Ларисе Зицерам, и всем моим близким в Лос-Анджелесе, в особенности Диане, Марку и Лео Гольденбергам. С их помощью я нашел свою цель, обрел силы стремиться к ней и упорство, чтобы достичь ее. Эта книга не смогла бы появиться без их поддержки. К счастью для них, ее ошибки остаются только на моей совести.

ВВЕДЕНИЕ

Перу Иоганна Георга Корба (ок. 1670—1741), секретаря имперского посольства в Московии 1698—1699 гг., принадлежит скандально известное описание царского двора, превзошедшее эпатажирующими подробностями все ожидания его читателей¹. В записи от 21 февраля 1699 г. он так описывал торжественное освящение нового загородного дворца царя Петра Алексеевича:

Особа, играющая роль патриарха, со всей труппой своего комического духовенства праздновала торжественное посвящение Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Шествие, назначенное по случаю этого обряда, выступило из дома полковника Лимы. Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан первосвященника: митра его была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготой страстные желания. Амур с Венерой украшали посох, чтобы показать, какой паствы был этот пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вакханалии: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие — сосуды с медом, иные — фляги с пивом и водкой, последние из приношений во славу сына земли. И так как по причине зимнего времени они не могли обвить свои чела лаврами, то несли жертвенные сосуды, наполненные табаком, высушенным на воздухе, и, закурив его, ходили по всем закоулкам дворца, испуская из дымящегося рта самые приятные для Вакха благоухания и приличнейший фимиам. Чубук, имеющий то достоинство, что воображение человека, даже наименее наделенного в этом отношении природой, разыгрывается, когда он для удовлетворения своей привычки втягивает в себя дым из этого орудия, был также на сцене при этом обряде. Театральный первенствующий жрец подавал чубуком знак одобрения достоинству приношения. Он употреблял для этого два чубука, накрест сложенные. Кто бы в самом деле подумал, что изображение креста, драгоценнейшего символа нашего спасения, могло служить игрушкой!²

Действительно, кто? Венский двор, за несколько месяцев до того принимавший молодого русского монарха как важного союзника в новом крестовом походе против мусульманской Порты?

Православные морализаторы, смело и небезнаказанно осуждавшие «потехи непотребные» царя и его беспутных любимцев?³ Соотечественники Петра не меньше Корба возмущались «отступническими делами» христианского владыки, превратившего публичные демонстрации власти в издевательство над священными таинствами «самого Христа Бога нашего»⁴. Однако, несмотря на недоумение иностранцев и протесты подданных, царь и его приближенные в течение 30 лет — с начала единоличного правления Петра в 1689 г. и почти до самой его смерти в 1725 г. — постоянно участвовали в кошуновских церемониях, с точки зрения богобоязненного христианина подобающих скорее шайке «плутов». Анонимный обличитель царских святочных забав конца семнадцатого века объявлял их делом рук «врага Божия, мужика, плута, блядина сына... Никиты Зотова», показавшего пример своим товарищам, которые «яко бы славят Христа, но ругаются ему»⁵. По его словам, царь со своими спутниками «учинил его [Зотова] ложным патриархом с постановлением, яко бы поставляются патриархи. Также и митрополитов вместо Киевского и Новгородского и прочих и все одеяние архиерейское исподелано. <...> Взем с чиновной книги образ, в против в поругание Божие и отрицание и обещаются всю веру имя называют некоего Бага», т. е. римского бога вина, Бахуса, чье имя отзывается при русском заимствовании кошуновским искажением слова «Бог»⁶. Две или три недели после Рождества царь и весь его «бесовский сонм» разъезжали по домам «всех царских советников» и членов Освященного собора в поповском платье. Распевая коляды, участники этого «неосвященного собора» вымогали подарки у настоящих иерархов и угощались за их счет, а духовные особы не только «ничто <...> не возбраняху» царю и его спутникам, но и «с ними пияху и веселяхуся»⁷. Разгневанный современник отказывался приравнять эти зимние царские забавы к традиционным святочным обходам кремлевских певчих дьяков и усматривал в них прямое богохульство⁸.

В настоящей работе я попробую объяснить, почему основатель Российской империи постоянно участвовал в такого рода «карнавальных» действиях и организовывал их⁹. Меня будет интересовать связь между пародированием священных таинств и утверждением божественной природы царской власти при дворе Петра I¹⁰. Речь пойдет о том, как на протяжении длинного и бурного царствования Петр вместе со своим окружением создавал на основе традиционных «потех» перевернутый мир, только на первый взгляд ка-

завшийся шуткой. Церемониал, антураж и постоянно расширявшаяся топография этого игрового мира, возникшего в подмосковном Ново-Преображенском и позднее переместившегося в Петербург, объединяли ближайших сподвижников царя и обозначали границы его ближнего круга — «кумпании»¹¹. Это Преображенное царство (как мы будем его называть) было «общим местом» одновременно в риторическом и географическом отношении¹². Оно постоянно присутствовало в пространстве публичных церемоний и в частной переписке Петра и его приближенных и символизировало веру в личное избранничество царя (его «харизму», в первоначальном, религиозном смысле, которого мы будем придерживаться и дальше)¹³. За пределами Преображенного царства оставались те, кто не разделял этой веры и не одобрял избранных Петром способов правления, а также его истолкования реформистской программы внешнеполитической экспансии и внутренней конфессионализации, запущенной еще при Алексее Михайловиче.

Политические таинства Преображенного царства возвышали Петра над придворными группами и кланами, демонстрировали его власть над церковью и создавали вокруг него своего рода экуменическую религиозно-рыцарскую общину. Вовлекая придворных в вакхические обряды, царь и его ближайшие советники фактически навязывали им новые представления о подлome и благородном, священном и мирском, старом и новом и тем самым приобщали их к харизматическому сценарию петровского правления¹⁴. Благодаря этому еще до первого европейского путешествия 1697—1698 гг. приближенные Петра стали приверженцами реформистского курса, предполагавшего имперскую экспансию, административные преобразования, обогащение государства и нравственное обновление подданных. Эта приверженность питалась верой в божественное предназначение царя, призванного свыше преобразить Московское царство.

Настойчивое возвращение Петра и его советников к ритуалам мужского братства, одновременно сакральным и богохульным, объясняется тем, что они составляли символический язык «кумпании» последователей царя-помазанника¹⁵. Петровская модель осуществления власти нуждалась в исполнителях, которые поддерживали бы иллюзию (*illuſio* — лат. «в игре»¹⁶) всевластия царя. С первых лет его правления ключевые фигуры правительственной иерархии — глава Преображенского приказа (тайной полиции) Ф.Ю. Ромодановский, глава Посольского приказа Ф.А. Головин,

глава Разрядного приказа Т.Н. Стрешнев, глава Монастырского приказа И.А. Мусин-Пушкин и личный наставник, а позднее секретарь и главный фискал царя Н.М. Зотов — были участниками «Всешутейшего собора» Преображенного царства и придавали видимость устойчивости хрупкой конструкции, известной под названием «регулярного государства»¹⁷. Хрупкой потому, что правление Петра, как и других европейских монархов раннего Нового времени, в значительной мере строилось на личных связях; от способности монарха сформировать собственную партию на основе родственных и клиентарных отношений прямо зависело исполнение его намерений, даже если они диктовались камералистской идеей «полицейского государства» (Polizeistaat)¹⁸. Запустить сложную машину полицейского государства должен был монарх-избранник¹⁹, однако эту роль он не мог играть без окружения, которое разделяло бы веру в его ниспосланную свыше харизму. Оформляя элитарный статус своей группы при помощи карнавального нарушения нравственных, политических и религиозных норм, сподвижники Петра закрепляли за ним искупительную роль богоизбранного помазанника, призванного учредить порядок по новому закону²⁰. Таким образом, гипертрофированная харизма Петра способствовала, а не препятствовала укреплению административной практики нового типа. У истоков петровского «регулярного» государства стояла идея о личной внеюридической власти, непосредственно дарованной Богом. Именно по этой причине многим современникам и приближенным Петра превращение Московского царства в петербургскую империю представлялось столько же бюрократическим *преобразованием*, сколько и мистическим *преображением*.

Источники

Предлагаемая читателю работа основывается на источниках четырех типов — это сообщения очевидцев, официальные бумаги, изобразительные свидетельства и переписка царя с его приближенными. Современные описания петровских травестийных действий, составленные русскими и иностранцами, сохраняют свое значение, хотя их авторы зачастую не понимали и не одобряли царских забав. С одной стороны, такого рода свидетельства часто очень подробны; с другой стороны, внимательный анализ их умолчаний позво-

ляет восстановить реакцию современников на ритуалы Преображенного царства²¹. Административная документация, освещающая подготовку публичных «потешных» действ, относится главным образом к XVIII в.; благодаря этому можно предположить, что в допетербургский период истории петровского двора высочайшие игры не имели столь официального характера. Изобразительные источники — гравюры, картины и рисунки, запечатлевшие эти игры и их участников, — также выдают противоречие между закрытым устройством сообщества посвященных и использованием его обрядов для публичных зрелищ. Однако самым ценным источником для нас остается переписка Петра и его окружения, отчасти увидевшая свет в вышедших томах «Писем и бумаг императора Петра Великого», но в значительной мере до сих пор не опубликованная²².

Для реконструкции отношений царя с его корреспондентами и применявшегося ими политического языка я прибегнул к некоторым методологическим новациям, которые могут вызвать возражения и потому нуждаются в изъяснении. До начала специальных архивных разысканий я полагал, что так называемый Всешутейший и всепьянейший собор представлял собой своего рода пародийное учреждение с фиксированным членством и собственным архивом и может быть описан по аналогии с другими петровскими учреждениями. Этот взгляд подкреплялся существованием в РГАДА особого дела о «князь-папе и его соборе»²³. Оказалось, однако, что это дело заключает в себе не утраченный архив Всешутейшего собора, а случайный набор писем царя и его приближенных, написанных в 1708—1724 гг., а также недатированные списки чинов избрания и постановления князь-папы. В особое дело эти документы были собраны еще М.М. Щербатовым²⁴, и в этом виде их в XIX в. опубликовал издатель «Русской старины» М.И. Семевский²⁵. Однако по прочтении этого дела и других бумаг, касающихся придворных зрелищ Петровской эпохи, мне пришлось признать, что учреждения, «потешного» или серьезного, под названием «Всешутейший собор» не существовало. Существовал особый язык личного господства Петра, элемент властных отношений, отражавший распределение сил при царском дворе. История Всешутейшего собора, таким образом, неотторжима от общей истории «языков власти» и риторических стратегий Петра и его свиты²⁶.

Опираясь на источники такого рода, я не мог не столкнуться с двумя важнейшими методологическими проблемами, сопутствующими

щими разработанному Р. Уортманом подходу к «сценариям власти» в имперской России: это вопрос об их авторстве и вопрос об их общественном восприятии²⁷. Немногочисленные и исключительно лапидарные автобиографические тексты русских придворных начала Нового времени не позволяют сколько-нибудь подробно описать их побуждения и намерения и тем более не предоставляют достаточных сведений о сторонней реакции на них. Самый добросовестный анализ источников зачастую бессилён дать ответы на эти вопросы, и исследователь вынужден удовлетворяться гипотезами, выдвинутыми на свой страх и риск. Это касается и шутовских потех Преображённого царства, всю серьёзность которых понимал только узкий круг причастившихся к божественной харизме Петра. Даже личные письма Петра к его приближенным не могут рассматриваться как полностью объективное свидетельство его политических побуждений. Вместе с тем они несомненно представляют собой образчик кружкового языка придворной группы — одновременно откровенного и зашифрованного, игрового и политически значимого. Эрнсту Канторовичу, описавшему феномен такого рода на ином материале, принадлежит точная формулировка: «Если слова верующего воспринимают всерьёз, они превращаются в насмешку, но когда в них видят придворную игру, они вдруг обретают прямое значение»²⁸.

Переписка Петра с придворными, в особенности с членами его «кумпании», полна преднамеренно грубоватой и ироничной словесной игры²⁹. Как мы увидим, в такого рода дружеских письмах отсылки к священному тексту значат не меньше, чем в ученом конкордансе. Библейские и литургические реминисценции были устойчивым элементом петровского эпистолярного стиля и выдавали в Петре хорошее знание священных книг (что само по себе немаловажно, учитывая привычные представления о безрелигиозном строителе светского государства). Трудно переоценить значимость этих отсылок для группового сознания военно-религиозного братства, сложившегося внутри бродячего и разгульного русского двора конца XVII — начала XVIII в., а также для процесса самосакрализации, благодаря которому приближенные царя увидели в себе светских апостолов августейшей харизмы и выработали особый язык для вакхических таинств Преображённого царства³⁰. Перенесение на монархию символических атрибутов священства хорошо описано в историографии (в первую очередь в фундаментальной работе Канторовича о средневековом «политическом богосло-

вии»³¹. «Потешная» корреспонденция Петра и его приближенных фактически документирует этот процесс.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В этой книге речь пойдет о публичных зрелищах, при помощи которых Петр и его окружение утверждали священный характер самодержавной власти. С одной стороны, такая постановка вопроса вызывает к корректировке привычного тезиса об исключительно светском характере петровской реформистской программы; с другой стороны, настоящая работа вливается в нарастающий поток исследований, посвященных роли обряда в политическом устройстве Европы начала Нового времени. Рассматривая русские придворные зрелища как инструмент отправления власти, я опираюсь на разработанное Н. Элиасом представление о «придворном обществе» — особой «фигурации» наряду с такими социальными образованиями, как «деревня», «город» или «империя»³². Не менее значимы для меня были работы историков литературы и искусства, освещающие взаимоотношения между эстетической продукцией и властью, между официальными торжествами и устройством придворного общества. Как показали Ф. Йейтс, Р. Стронг и другие исследователи европейской придворной культуры XV—XVIII вв., во время представлений во славу монарха их высокородные участники в театральном пространстве воспроизводили действительную властную иерархию, ставившую придворное общество — и государство в целом — в личную зависимость от монарха. Благодаря этому спектакли не только позволяли придворным упражняться в ловкости, но и закрепляли определенный образ монархической власти³³.

В европейском придворном обществе начала Нового времени даже странная, на сегодняшний взгляд, аллегорическая параллель между христианским монархом и римским богом вина могла казаться вполне уместной³⁴. Согласно выводам С. Орсо, именно так следует истолковывать картину самого прославленного художника испанских Габсбургов, Диего Веласкеса, «Триумф Вакха», написанную в первой половине XVII в. для короля Филиппа IV. На этой картине король выведен в образе Вакха, а распивающие вино «пьяницы» (*Los Borrachos* — таково расхожее прозвание картины) образуют своего рода апостольскую общину³⁵. Гордившийся своим тонким вкусом Людовик XIV в юности исполнял партию в придворном

балете «Празднества Вакха»; по устоявшейся традиции, бог вина и покоритель Востока символизировал имперскую экспансию Франции³⁶. Однако, как мы увидим, распространение вакхической политической символики не ограничивалось западноевропейскими дворами; во второй половине XVII в. она сказалась в одном из святочных представлений при дворе благочестивого («тишайшего») московского царя Алексея Михайловича. От этого опыта освоения европейской барочной темы при московском дворе оставался только один шаг до вакхических празднеств, наблюдавшихся Корбом в 1699 г.³⁷.

Представляется, что установленная Петром «потешная» властная иерархия, его военные игры и шутовские религиозные процессии были частью общеевропейской придворной культуры, описанной историками и искусствоведами³⁸. Как и другие монархи того времени, Петр использовал внутреннюю структуру двора, в котором он обитал, чтобы окружить себя группой приверженцев, разделявших его реформаторский пыл и понятия о политической роли публичных зрелищ³⁹. Привычные развлечения русских царей (театр, военные потехи, карлов и шутов) он превратил в инструмент господства, используя их для мобилизации своих сторонников и демонстрации своей (не)милости к отдельным членам придворного общества. Однако в культурной среде московского двора конца XVII в. карнавальные зрелища царя исполняли и более важную роль: они легитимировали неизбежное личное и государственное преобразование, приучая верующих и принуждая неверующих видеть в странных поступках монарха если не Промысел Божий, то созидательную деятельность Его помазанника. Благодаря этому военные игры и травестийные таинства Петра, может быть, даже в меньшей степени, чем придворные зрелища при других европейских дворах начала Нового времени, были легкомысленной игрой или просветительской пропагандой: наоборот, они составляли самую суть власти.

Аргументируемое мною воззрение на военные игры и шутовские обряды первого императора, объединенные под именем Преображенного царства и вписанные в петровский сценарий правления, расходится с их традиционными истолкованиями, которые распадаются на две группы⁴⁰. Адепты первой, если вообще считают нужным упоминать в печати недостойные забавы царя⁴¹, видят в них предвестие позднейших государственных реформ. Они уделяют основное внимание «потешным» войскам последних лет XVII

столетия, но игнорируют существовавший тогда же и не отделимый от них Всешутейший собор. Сторонники такого взгляда усматривают в военных играх Петра образец будущего преобразования русской армии и своего рода учебный полигон для боевых частей, обеспечивших территориальную экспансию России⁴². Слова самого Петра в письме к одному из членов своей «кумпании» — «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем» — как будто подтверждают учебное назначение маневров 1694 г., самой масштабной военной игры его царствования. Однако, как мы постараемся показать в главе 2, и эта, и другие «потешные» баталии Петра должны рассматриваться в прямой связи с травестийными таинствами Преображенного царства. Это видно хотя бы из того факта, что цитированное письмо царь подписал своим игровым прозвищем «смиранный диакон Петр», прибавив его к подписи другого члена Всешутейшего собора — «преосвященного митрополита Киевского Гидеона»⁴³.

Сталкиваясь с «потешной» риторикой Всешутейшего собора, современные исследователи петровского времени прибегают к объяснениям второго рода. Они считают ее пропагандистским приемом, продиктованным секуляризационной и «просвещенной» государственной политикой Петра, направленной против церкви и патриарха⁴⁴. Однако Всешутейший собор образовался в 1691—1692 гг., когда Петр не думал еще об упразднении патриархии, и продолжал существовать после учреждения в 1721 г. Духовной коллегии. Можно заключить, что между пародированием московского Освященного собора и религиозными реформами Петра не было прямой связи⁴⁵. Как будто в ответ на это возражение русскими семиотиками была разработана намного более тонкая гипотеза, согласно которой кощунственные церемонии Всешутейшего собора представляли собой едва ли не самый главный образец «антиповедения» в русской культуре Нового времени⁴⁶, т.е. намеренного нарушения запретов, при помощи которого царь предполагал дискредитировать благочестивую старину и обосновать необходимость обновления России по образцу светского Запада. Однако жесткость бинарных оппозиций, лежащих в основе такого подхода (прошлое — будущее, старое — новое, Россия — Запад), выдает в нем продукт структуралистской методологии, а также современных нам споров об «особом пути» России, совершенно несходных с историческим самосознанием первого императора и его подданных. Усматривая в игровых обрядах инструмент пропаганды, советская наука мол-

чливо предполагает существование адресата этой пропаганды, т.е. зрительской аудитории. Между тем, в отличие от массовых пропагандистских действий XX в., важнейшие таинства в истории Всешутейшего собора (как, например, поставление его первого патриарха в 1692 г.) происходили без зрителей, но при личном участии царя и его приближенных.

Собственно, оба описанных нами подхода к петровским «потехам» вполне обоснованы; нарочитая политизированность придворных зрелищ конца XVII — начала XVIII в. не может быть поставлена под сомнение. Однако оба они подменяют многомерность петровского политического богословия анахронистическими антиномиями (игровое — серьезное, религиозное — светское). Вместе с тем, сводя священные пародии Петра к деятельности Всешутейшего собора, исследователи маргинализируют культурную стратегию, пронизывавшую весь петровский сценарий правления, и видят в ней чуть ли не следствие личной патологии царя. Однако даже если объяснять «потехи» Петра его психическими свойствами (будь то веселый нрав или, наоборот, душевное заболевание), приходится задаться вопросами о том, как эти увеселения соотносились с его государственной деятельностью и почему приближенные царя на протяжении десятилетий послушно исполняли назначенные им роли⁴⁷. Ни одна из упомянутых выше гипотез не объясняет, почему так называемые «игры» продолжались более тридцати лет и не прекратились даже тогда, когда царь оставил юношеские забавы, превратился в зрелого политика и приступил к масштабным государственным преобразованиям.

Не претендуя на решение всех историографических проблем, связанных с этой темой, я попытался рассмотреть обряды Преображенного царства Петра Великого в контексте политической и интеллектуальной истории московского двора конца XVII — начала XVIII в. Изучение придворного общества этого времени приводит к следующим предварительным выводам: во-первых, военные игры, карнавальные зрелища и священные пародии составляли один из самых значимых и до сих пор малоизученных пластов культуры петровского двора; во-вторых, они служили источником личной и коллективной власти, необходимой царю и его приближенным для осуществления их дерзких проектов. Как будет показано ниже, даже в моменты серьезных неудач «кумпания» могла благодаря публичному исполнению обрядов Преображенного царства оживлять в общей памяти случаи божественного заступничества за

Петра, подтверждавшие его харизму и верность избранного им пути. Возвращение к этому лейтмотиву — в устной или письменной форме, во время камерных потех или публичных зрелищ — позволяло приближенным царя почувствовать себя членами апостольского и рыцарского братства, причастными божественному чуду и следующими за русским помазанником⁴⁸. Таким образом, травестийные таинства, устраивавшиеся при дворе Петра Великого, не только не доказывают «безбожия» первого императора, но и обнаруживают прямую преемственность между его «сценарием власти» и политическим богословием Московского царства.

Эта преемственность составляет основную тему первых двух глав, посвященных аллегорическому языку династического противостояния, разделившего братьев Ивана и Петра Алексеевичей и закончившегося условной победой младшего брата. В главе первой речь пойдет об аргументации сторонников Петра, апеллировавших к представлениям о семейной чести и монаршей харизме, несмотря на то что их собственная позиция была в обоих отношениях уязвима. Глава вторая рассказывает о том, как ставленник Нарышкиных отказался следовать этим консервативным представлениям и основал Преображенное царство. Следующие три главы описывают дискурсивную и географическую экспансию петровских «потех» в ходе Северной войны (1700—1721); если ранее они служили для самоутверждения молодого монарха и его приближенных в рамках московского двора, то теперь они стали инструментом формирования новой рыцарственной элиты, символическим средоточием которой был вновь основанный Петербург. В главе четвертой предпринята попытка объяснить, почему апофеоз новой имперской столицы, ее царственного основателя и космополитичной элиты принял форму шутовской свадьбы, до этого практиковавшуюся только в узком кругу ближайших друзей Петра. В этой же главе обсуждается петровский династический сценарий, семейная драма, от которой рукой подать до трагической развязки. Смерть царевича Алексея рассматривается в главе пятой в связи с предшествовавшими ей «потешными» обрядами, а также последовавшей за ней официальной отменой патриаршества и поднесением Петру титула «Отца Отечества».

Структура книги соответствует моему убеждению в том, что изучение аллегорического языка Петра и его окружения способствует лучшему пониманию механизмов политической легитимации монаршей харизмы при русском дворе конца XVII — начала

XVIII в. Я стараюсь проследить, как Петр и его окружение на основе традиционного для Московского царства обожествления самодержавной власти создавали смелую картину личной избранности первого императора и сопутствующего ему рыцарского братства. Оно, это братство, воплощало новый тип отношений, основанный не на клановом родстве или свойстве, но на вере и верности богоизбранному военному вождю. Благодаря этому харизма и рыцарственность, две главные составляющие Преображенного царства, стали центральными темами предлагаемого читателю исследования идеологических основ русского самодержавия конца московского и начала петербургского периода.

Я сочту свою задачу выполненной, если мне удастся показать, что «потехи» Петра были не постыдным и побочным элементом модернизирующей политики, но неотъемлемой частью петровской придворной культуры, намного более сложной («барочной»), чем можно предположить, исходя из привычных представлений о ее западническом и светском характере.

---

¹ О Корбе и источниках его дневника см.: *Dukmeyer F. Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Bd 1—2. Berlin, 1909—1910* [Historische Studien. Bd 70, 80]; *Bushkovitch P. Aristocratic Faction and Opposition to Peter the Great: The 1690s // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1995. Bd 50. S. 98—99, 117—120*; *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001. P. 204, примеч. 85.*

² *Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварента... в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 125—126.*

³ Так, например, судил настоятель Андреевского монастыря Авраамий. См.: *Бакланова Н.А. Тетради старца Авраамия // Исторический архив. 1951. № 6. С. 145, 148*; *Волков М.Я. Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 311—336. См. также: Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 79—81*; *Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. London, 1971. P. 19—20.*

⁴ Отрывок обличения на Всешутейший собор. Ок. 1705 // *Белокуров С.А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 539. Рассмотрение упомянутых в документе обстоятельств заставляет отвергнуть гипотетическую датировку Белокурова и отнести его составление к периоду между 1692 и 1700 гг. К такому выводу приходит и Н.Б. Голикова, обнаружившая оригинал текста в РГАДА (ф. Секретных дел, кн. 2, письмо 12 «ё»). См.: *Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. С. 132.**

⁵ Отрывок обличения на Всешутейший собор. С. 539. Литературные «плуты» в русской литературе XVII в. ассоциировались с бесовскими святочными

играми. См.: *Душечкина Е.В.* Святочный рассказ. Становление жанра. СПб., 1995. С. 48—56, 56—64. О святочных игрищах в Московии см.: *Поньрко Н.В.* Русские святки XVII века // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 84—99; *Поньрко Н.В.* Святочный смех // *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154—174; *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

⁶ Отрывок обличения на Всешутейший собор. С. 539—540. Истолкование этого текста в связи с механизмами усвоения античной мифологии в Петровскую эпоху см.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Из истории русской культуры. Т. IV. М., 1996. С. 482.

⁷ Отрывок обличения на Всешутейший собор. С. 540.

⁸ О святочных обходах певчих дьяков более раннего времени см.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. М., 1872. Т. 1. С. 331—332; *Хмыров М.Д.* Графиня Е.И. Головкина и ее время (1701—1791). Исторический очерк по архивным документам. СПб., 1867. С. 34; *Богданов А.П.* Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 69. Записи даров, получавшихся кремлевскими священниками и певчими дьяками, свидетельствуют, что еще в конце петровского царствования традиционная форма святочного обхода существовала наряду с шествыми «всешутейшего собора». См.: Общий архив Министерства императорского двора. Описание высочайших повелений по придворному ведомству (1701—1740 гг.). СПб., 1888. С. 87, 87—101; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 254, 517, примеч. 55.

⁹ Понятие «карнавализации», применяемое как к литературным текстам, так и к публичным действиям, восходит к трудам М.М. Бахтина. Мы следуем его истолкованию, предложенному в работах: *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси; *Stallybrass, P., White, A.* The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca, N.Y., 1986.

¹⁰ Риторические руководства того времени обозначали термином *parodia* (переделки или подражания). «Священной пародией» (*parodia sacra*) именовалось любое подражание священному тексту — библейскому, литургическому или гомилетическому, вне зависимости от его предназначения и авторства. Под это определение подходили и сатирические антиклерикальные тексты, но в практике «священных пародий» им принадлежало далеко не первостепенное место. См.: *Lewin P. Jan Kochanowski: The Model Poet in Eastern Slavic Lectures on Poetics of the Seventeenth and the Eighteenth Centuries* // The Polish Renaissance in Its European Context. Bloomington, 1988. P. 442, примеч. 44; *Curtius E.* Jest and Earnest in European Literature // *Curtius E.* European Literature and the Latin Middle Ages. N.Y., 1953. P. 433, примеч. 35; 435, примеч. 40; *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XX вв.). М., 1994. С. 103—105.

¹¹ Здесь и далее я использую слово «кумпания» для обозначения тех членов царской свиты конца XVII—начала XVIII в., которые, по словам А.И. Заозерского, «друг друга узнавали и сближались “за делом и на потехе”» (*Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 200—201). См. также: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 36—37; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 177—183. Заозерский, впервые реконструировавший состав окружения Петра, обратил внимание на то, что примерно с 1694 г. «самый термин “компания”

ному из высших иерархов Всешутейшего собора, кн. Ю.Ф. Шербатову (1686—1737). См. Приложение к наст. изд.

²⁵ Мы отчасти опираемся здесь на разработанную Мишелем Фуко концепцию «дискурса» и «механизмов власти». См.: *Foucault M. Truth and Power // Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977 / Ed. by C. Gordon. New York, 1980. P. 115—116.*

²⁶ Превосходный анализ методологического значения работы Уортмана см.: Как сделана история: обсуждение книги Р. Уортмана // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42—66. См. также: *Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of the Autocrat // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. № 2. P. 773—795; Wortman R. Reply to Mikhail Dolbilov // Ibid. P. 797—801.*

²⁷ *Kantorowicz E. Frederick the Second, 1194—1250. London, 1931. P. 522.*

²⁸ О свойствах эпистолярного жанра и, в частности, переписки Петра I см.: Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII в. (Историко-лингвистический аспект). Алматы, 1995.

²⁹ О «государственных таинствах» см.: *Kantorowicz E. Mysteries of State: An Absolutist Concept and Its Late Medieval Origins // Harvard Theological Review. 1955. № 38. P. 65—91.*

³⁰ См.: *Kantorowicz E. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.* Новаторский подход Канторовича был применен к истории России одним из его учеников: *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961.* В том же методологическом ключе написаны новейшие работы о сакрализации царской власти в России. См.: *Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. I. С. 205—337; Baehr S. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991; Казагулицкий Ю. Сакрализация как прием: Ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII в. // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 66—77.*

³¹ См.: *Элиас Н. Придворное общество. М., 2002; Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб. 2001. Т. 1—2.* Проницательную критику концепций Элиаса см.: *Duindam J. Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1999.*

³² *Yates F. Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century. London, 1985; Strong R. Art and Power: Renaissance Festivals, 1450—1650. Woodbridge, 1984. P. 185—215; Franko M. Dance as Text: Ideologies of the Baroque Body. Cambridge, 1993; Aercke K. Gods of Play: Baroque Festive Performances as Rhetorical Discourse. Albany; N.Y., 1994. P. 253—270.* Две другие работы также оказали существенное влияние на мои выводы о придворных представлениях: *Starkey D. Representation through Intimacy: A Study in the Symbolism of Monarchy and Court Office in Early-Modern England // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism. London, 1977; Geertz C. Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. Princeton, 1980.*

³³ О политической аллегории см.: *Monod P. The Power of Kings: Monarchy and Religion in Europe, 1589—1715. New Haven, 1999. P. 54—57, 340, примеч. 74; об одном образчике «вакхической» аллегории см.: Ibid. P. 363, примеч. 192.*

³⁴ См.: *Orso S. Velásquez, «Los Borrachos», and Painting at the Court of Philip IV*. Cambridge, 1993.

³⁵ *Blitzer C. Age of Kings*. New York, 1967. P. 129; *Yates F. Astraea*. P. 140—146.

³⁶ О другом современном случае придворного вакхического триумфа см.: *Jordan T. «Bacchus Festival, or a New Medley...» (1660) // Illustrations of Early English Popular Literature*. Vol. 2. № 6. London, 1864. Речь идет о музыкальном представлении, устроенном лондонскими виноторговцами в честь генерала Монка, восстановившего монархию после кровопролитной гражданской войны.

³⁷ Пионерские попытки описания петровского царствования в контексте «русского барокко» см. в работах: *Морозов А.А. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII в. (состояние вопроса и задачи изучения) // Русская литература*. 1962. № 3. С. 3—38; *Лихачев Д.С. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII — XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО*. Москва, 1978. С. 170—174. См. также: *Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.)*. М., 1991.

³⁸ О понятиях зрелища в Московском царстве предпетровского времени см.: *Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ*. 1955. Т. 11. С. 280—299; более общий взгляд см.: *Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко*.

³⁹ Лаконичный, но основательный обзор историографии петровских увеселений, и в частности Всешутейшего собора, см.: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. P. 249—257; *Hughes, L. Playing Games: The Alternative History of Peter the Great // SSEES Occasional Papers*. № 41. London, 2000. См. также: *Zguta R. Peter I's 'Most Drunken Synod of Fools and Jesters' // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. № 21. S. 18—28; *Hollingsworth P. The 'All-Drunk, All-Joking Synod': Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great* (доклад, прочитанный на семинаре «The Image of Peter the Great in Russian History and Thought» в Университете Калифорнии в Беркли в 1982 г.); *Hollingsworth P. Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great* (доклад, прочитанный на съезде Американской ассоциации историков в декабре 1985 г.). Отдельного упоминания заслуживают работы В.М. Живова, заново обратившегося к архивным документам и указавшего на значимость так называемых увеселений Петра для понимания его культурных реформ. См.: *Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. М., 2002. С. 381—435, особенно 428—430.

⁴⁰ См., напр.: *Sumner B. Peter the Great and the Emergence of Russia*. London, 1958. P. 29.

⁴¹ Первым эту точку зрения сформулировал Г.-Ф. Миллер в работе: «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков гвардии» (Собрание записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Т. 7. С. 299—328). Ее поддержал и старейшина советского петроведения Н.И. Павленко. См.: *Павленко Н.И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I*. М., 1973. С. 40—102; *Павленко Н.И. Петр Великий*. С. 26, 47.

⁴² Петр — Ф. М. Апраксину, ок. апреля 1695 г. См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 28 (№35). См. также следующее письмо, направленное тому же адресату 16 апреля 1695 г. Рассмотрение приведенной фразы в связи с организацией учений 1694 г. см.: *Warner R. The Kozhukhovo Campaign of 1694; or, The Conquest of Moscow by Preobrazhenskoe // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1965. Bd 13. S. 487—496, особенно 493—494.*

⁴³ См. эту точку зрения в ее классическом виде: *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... М., 1794. Т. 12. С. 325. Существенно усложненный вариант этого же объяснения травестийных обрядов Петра см.: *Wittram R. Peters des Grossen Verhältnis zur Religion und den Kirchen: Glaube, Vernunft, Leidenschaft // Historische Zeitschrift. 1952. Bd 173. S. 266; Wittram R. Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd 1. S. 106—111.*

⁴⁴ Этот важный вывод впервые сформулирован в работе: *Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. London, 1971. P. 13.* См. также: *Живов В.М.* Церковные преобразования в царствование Петра Великого // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. С. 364—380.

⁴⁵ Определение «антиповедения» см.: *Успенский Б.А.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. С. 460—476; *Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Там же. С. 71—82.*

⁴⁶ О «темной» стороне Петра в связи с его увеселениями см.: *Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great P. 18—19; Anderson M. Peter the Great. London, 1995. P. 121—122.* О «черном юморе» императора см.: *Семевский М.И.* Петр Великий — как юморист. С. 279—334.

⁴⁷ Феофан Прокопович прямо доказывал, что царей следует считать «богами» и «христами», т.е. помазанниками. См.: *Прокопович Ф.* Слово в неделю осмуюнадесятую // Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 84—85.

Глава 1

НАРЫШКИНСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

Корни Преображенного царства Петра Великого, как и многих других элементов политического богословия Московии конца XVII — начала XVIII в., восходят к кровавой борьбе придворных кланов, последовавшей за кончиной царя Федора Алексеевича. Две группировки при русском дворе боролись за право возвести на престол своего кандидата и утвердить за ним имперскую власть и божественную харизму царя Алексея Михайловича. В этой перспективе спор о наследовании, выигранный сторонниками Петра Алексеевича, не сводился к распре двух семей — Милославских, родственников первой жены царя Алексея Михайловича, и Нарышкиных, родственников второй. Этот спор обнажал более общий конфликт разных поколений московской элиты и разделявшие их политические и религиозные противоречия¹. Вопрос наследования, таким образом, оборачивался вопросом о судьбе преобразовательной программы Алексея и об идеологических основах правления дома Романовых.

Участники этой закулисной борьбы могли спорить о том, кто из детей Алексея Михайловича смог бы вернуть золотые времена его царствования, но они все оглядывались на трагические события, предшествовавшие воцарению его деда, Михаила Федоровича. Придворные клики конца XVII в. исходили из исторического опыта Смуты, подсказывавшего, что за гражданскими неурядицами должно последовать «чудесное» восстановление законной династии². Даже тайные организаторы дворцовых переворотов 1682 и 1689 гг., которые меньше других должны были обманываться относительно исторической предначертанности своих корыстных действий, старались обратиться к своей пользе традиционные представления о том, что Смута есть божья кара за грехи бунтовщиков, неправедных царских советников и безбожных самозванцев — «козлов отпущения» в благочестивом православном царстве³. В частно-

сти, поэтому организаторы дворцового переворота 1689 г., принесшего окончательную победу Нарышкиным, затеяли расследование якобы имевшего место заговора против Петра Алексеевича и возложили главную вину на латинофильствующего монаха и художественного пособника своевольной регентши. Члены следственной комиссии представляли устранение от власти царевны Софьи Алексеевны как восстановление божественного порядка наследования по мужской линии, нарушенного правлением самозванки. Пародируя и осмеивая придворные установления свергнутой правительницы, сторонники Петра тем самым ставили под сомнение не только ее приверженность программе государственного и религиозного обновления, пущенной в ход ее отцом, но даже законность участия женщины в осуществлении этой программы. Согласно их утверждениям, только ее младший брат Петр мог исполнить отцовскую политическую программу и божественное предназначение Московского царства.

Начиная по меньшей мере с середины XVII в. для легитимации («сакрализации») царской власти использовался сложный политико-аллегорический язык московского варианта барокко⁴. Зная его, не приходится удивляться, что способы определения избранного богом царя были лучше всего описаны во время богословской полемики, инициированной двором и посвященной главному христианскому таинству — Причастию. В ходе этой полемики придворная партия Нарышкиных и их союзников сформулировала свою аргументацию, в том числе претензии к религиозной и внешней политике регентства царевны Софьи. Эту аргументацию нельзя понять, не беря в расчет как будто бы схоластического и далекого от политики спора о том, в какой именно момент церковной службы происходит «пресуществление святых даров» — превращение вина и хлеба в тело и кровь Христову.

СДЕЛКА 1682 г.

В апреле 1682 г., после скоропостижной кончины царя Федора Алексеевича, составилась придворный заговор во главе с Нарышкиными, имевший целью возвести на престол царевича Петра Алексеевича в обход его старшего сводного брата Ивана. 27 апреля патриарх Иоаким (Савелов) и Нарышкины представили Петра наспех созванному Земскому собору, состоявшему из придворных, думных

чинов, приказных дьяков и московских купцов⁵. Эта торопливая инсценировка полузабытой процедуры всенародного избрания царя, однако, не смогла предотвратить недовольства расквартированных в Москве и ее окрестностях стрельцов и не помешала распространению слухов о том, что старший («настоящий») царь убит самозванцем из Нарышкиных⁶. Несмотря на всю расчетливость заговорщиков, идея заменить умственно и телесно неполноценного Ивана десятилетним Петром не только не осуществилась, но и привела некоторых из них к гибели.

Недовольство Нарышкиными и патриархом вылилось в бунт, начавшийся 15 мая, в день убиения царевича Дмитрия и символического начала Смуты. Этот факт позволяет заключить, что династическая мифология Романовых была хорошо знакома московским стрельцам⁷. Стрельцы нескольких полков московского гарнизона взбунтовались против своих командиров и, ловко пользуясь разногласиями придворных групп, стали протестовать против проводившейся тогда военной реформы (предвосхищавшей будущие преобразования самого Петра)⁸. При поощрении Милославских стрельцы вторглись внутрь Кремля, расправились с несколькими наиболее ненавистными сановниками и после трех дней кровопролития потребовали венчания на царство Ивана. Священный обряд должен был закрепить победу вооруженного восстания. Взяв на себя право выбирать царя, бунтовщики таким образом возобновляли первоначальный договор между Романовыми и их православными подданными.

Нарышкиным ничего не оставалось делать, как согласиться на требования Милославских и их низкородных союзников (впрочем, временных). Немногочисленные выжившие члены клана должны были удалиться от дел, а патриарх осуществил неслыханную двойную коронацию⁹. Благодаря этой прагматической мере удваивалась вероятность дальнейшего законного воспроизводства правящей династии. Эти соображения не могли, однако, оправдать отступление от священного обряда венчания на царство, низводившего божественную благодать на единственного помазанника¹⁰. Не могли они и успокоить религиозного пыла бунтовщиков, по крайней мере отчасти исходивших из старообрядческих эсхатологических верований и требовавших более решительного политического переустройства¹¹. Чтобы избежать угрозы царям и их власти, двор счел за лучшее удалиться из беспокойной Москвы и скрыться в укрепленных стенах Троице-Сергиевой лавры, откуда призвал потом-

ственных царских слуг со всех русских земель собраться для защиты монархов.

Выбор убежища был далеко не случаен и объяснялся не только практическими обстоятельствами. Троице-Сергиева лавра, усыпальница св. Сергия Радонежского, издавна считалась важным оплотом в борьбе с неверными, угрожавшими чистоте православной церкви и господству богоизбранных царей. В Смутное время лавра действительно выдержала осаду католических польских войск, поддерживавших Лжедмитрия¹². Лавре, воплощавшей одновременно чистоту веры и военную мощь, принадлежало первостепенное место в символической географии Московского государства¹³. Благодаря этому двор, нашедший там убежище, получил значимый козырь в борьбе за общественное мнение и выиграл идеологическое противостояние с бунтовщиками и староверами, возобновителями Смуты.

ВЫСОЧАЙШАЯ ТРОИЦА

Несмотря на исторические параллели, восстановленная после событий 1682 г. монархическая власть имела мало общего с политическими традициями Московской Руси. Возвращение двора в Москву не означало возвращения к временам предшествовавших царствований. Харизма царствующего дома, рассчитанная на единовластного монарха-помазанника, в правление двух братьев-царей была рассредоточена. В то же время Милославские добились не только коронации Ивана, но и главенства в делах регентства одной из дочерей Алексея Михайловича от первого брака. Более семи лет, с 1682 по 1689 г., царевна Софья управляла страной от имени двух царей, считавшихся недееспособными (Петр по возрасту, Иван по здоровью). Софья приняла на себя обязанности регентши, несмотря на то что царица Наталья Кирилловна (урожденная Нарышкина), вторая жена Алексея и мать Петра, была еще жива. Неопределенный статус Софьи отвечал, однако, действительному распределению сил при русском дворе, а Петр даже после венчания на царство оставался второстепенной фигурой в сложной политической игре.

Установившаяся в 1682 г. форма государственного правления провоцировала появление новых политико-богословских концепций, опиравшихся на различные истолкования запущенной Алек-

сеем программы религиозного обновления. Настоятель Заиконоспасского монастыря в Москве и один из первых защитников политической системы регентства Сильвестр Медведев, отправляясь от имени царевны, обратил богословское понятие Премудрости Божией в центральную политико-аллегорическую тему тех лет¹⁴. Подобно своему знаменитому предшественнику Симеону Полоцкому, библейские образы «премудрости» он использовал в рамках общей параллели между божественным космосом и политическим микрокосмом Московского государства. Эта аналогия осложнялась тем фактом, что Софья не была коронованной монархиней и по русским обычаям не могла претендовать на царство. Однако софийные политические аллегории быстро прижились в московской панегирической продукции, а также в сочинениях высших иерархов Киевской митрополии¹⁵, особенно после того, как Софья благодаря дипломатическому сближению с Речью Посполитой сумела направить войска на защиту православного населения юго-западных областей от татарских набегов¹⁶. Образ «Премудрости Божией» стал главенствовать в панегириках царевне и ее правлению, а Софья, получившая власть благодаря расколу в царской семье, оказалась символом православного единства¹⁷.

В этот политически напряженный период к авторитету Софьи все чаще апеллировали противники растущей церковной власти патриарха. Патриарх претендовал на монопольное право изменять церковный канон и осуществлять религиозную легитимацию царской власти. В то же время отстаивавшие самостоятельность Киевской митрополии и славившиеся ученостью русинские православные иерархи при помощи доступных им новейших средств книгопечатания предлагали царевне свою систему политического богословия и свой взгляд на политико-религиозное обновление страны. Книги и гравюры, отпечатанные в типографии архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича, отдавали Софье первенство во всем православном мире. На втором году регентства Баранович написал экзегетическую апологию двойного правления Петра и Ивана под заглавием «Благодать и истина» (Чернигов, 1683). Хотя это заглавие отсылает к добродетелям святых покровителей двух царей, апостолов Иоанна и Петра, из сопровождавшей книгу гравюры следовало, что только Премудрость Божия (София) способна осуществить государственное и религиозное преобразование Русского царства. Баранович усматривал в Софье, Иване и Петре защитников киевского религиозного

просвещения и призывал их оборонить новоприобретенные юго-западные территории, но не советовал подчинять киевскую духовную жизнь власти московского патриарха. В конце трактата была помещена «конклюдия» — гравюра, резюмировавшая идеи книги¹⁸. Она показывала, что сохранить Русь от «неверных» может только правительство, причастное к Премудрости Божией и черпающее свою власть от Святой Троицы. Эта гравюра, как и другие конклюдии эпохи регентства, соотносила мистическое могущество Премудрости Божией с политической властью царевны Софьи. Шаткая система регентства изображалась здесь как элемент божественного порядка, небесной цепочки, снисходившей от Святой Троицы к небесным соименникам трех правителей, а от них — к киевскому митрополиту и московскому патриарху. Святая Троица выступала, таким образом, небесным прототипом тройного правления¹⁹.

Сторонники московского патриарха также использовали эту аллегорическую параллель. Основатели Славяно-греко-латинской академии братья Лихуды, выписанные патриархом Иоакимом из Греции в качестве конкурентов Сильвестру, в похвальном слове царевне Софье не преминули упомянуть Премудрость Божию²⁰. Они, однако, не говорили о главенствующей роли Софьи в царской троице, хотя и титуловали ее «императрицей» (*imperatrix*). Претензии Софьи на византийское имперское наследие почти не сказались в речи Лихудов. Опираясь на православную иконографическую традицию, изображавшую Богоматерь в виде Стены плача, они увидели в Софье посредницу между Богоматерью и русским войском, сражавшимся против Крымского ханства. Вообще похвалы царской троице отходят у Лихудов на второй план, а центральной темой речи становится священная борьба православного воинства с неверными. После поражения этого воинства в 1687—1689 гг. шаткое политическое равновесие, достигнутое в 1682 г., было уничтожено, и участники царской троицы получили совершенно иные политические роли.

НАРЫШКИНСКИЙ МАНИФЕСТ

В новом заговоре, обеспечившем престол младшему сыну Алексея Михайловича, сам он исполнял только символическую роль²¹. Это довольно показательно для политических методов, использовавшихся его сторонниками. По традиции, идущей со времен Сму-

ты, придворные заговорщики не брезговали подлогами, насилием и политическими подтасовками, отстаивая интересы своего претендента на престол. Как и в 1682 г., царский двор неожиданно отправился в «Троицкий поход» и оттуда призвал восстановить истинное самодержавие. Как и за семь лет до того, противники беглецов оказались в роли бунтовщиков, самозванцев и нечестивцев.

Однако если в 1613 и отчасти в 1682 г. добровольные пленники лавры бежали от народного восстания, то Нарышкины наносили упреждающий удар. Пользуясь подозрительным скоплением стрельцов в Кремле, приближенные Петра посоветовали ему бежать из подмосковного Ново-Преображенского и искать убежища в лавре. Это бегство пришлось на день Преображения (который, как мы увидим, имел особое значение в пригородном дворце, управлявшемся партией Петра). Через некоторое время представитель наспех собранного в лавре войска известил двор Ивана Алексеевича о казни главы Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитого, обвиненного в покушении на жизнь Петра и его родственников по матери, об устранении имени Софьи из государственной переписки, а также о замещении правительственных чинов верными Нарышкиным людьми²².

Предводители нового дворцового заговора хотели показать, что, упразднив регентство, они восстановили законное правление двух царей, оскверненное вмешательством женщины. Такова мысль письма, отправленного от имени Петра его брату Ивану 12 сентября 1689 г.²³. «От имени» — потому что Петр не сочинял и не подписывал этого письма²⁴. Неизвестно, принимал ли он вообще какое-нибудь участие в составлении документа, ставшего *de facto* манифестом его самостоятельного правления. Настоящий автор письма, осведомленный о подробностях секретного дела Шакловитого, видимо, был причастен к нарышкинскому расследованию предполагаемого заговора.

Это расследование, собиравшее обвинения против главы Стрелецкого приказа, а по сути, против самой царевны Софьи и ее правительства, было поручено людям, прямо заинтересованным в победе нарышкинской партии²⁵. Так, кн. И.Б. Троекуров (ум. 1703) выступал свидетелем на свадьбе Петра и Евдокии Лопухиной в январе 1689 г. и сам женился на А.Ф. Лопухиной, сестре царицы. Благодаря этому Троекуров был одновременно связан с кланами Нарышкиных и Лопухиных, к которым принадлежало большинство укрывшихся в лавре спутников Петра²⁶. Второй участник рас-

следования, кн. Б.А. Голицын (1654—1714), несмотря на относительно скромные звания кравчего и комнатного стольника Петра, был одним из главных организаторов свершившегося переворота. Его преданность младшему царю была столь рьяной, что фаворит царевны Софьи издевательски сравнивал его с апостолами, никто из которых не предлагал умереть на кресте вместо Спасителя²⁷. Третий член комиссии, Т.Н. Стрешнев (1649—1719), один из «дядек» царя, занимал ключевое место в нарышкинской партии; брачные узы связывали его с кланом Голицыных и царствующим домом²⁸. Итак, все три следователя не только относились к ближайшему окружению Петра, но и состояли в родстве либо с Романовыми, либо с Нарышкиными, либо с царицей Евдокией. Вместе со своими не столь высокородными помощниками, в первую очередь дьяком Н.М. Зотовым (1643/44—1718), будущим «князь-папой»²⁹, они составили костяк Преображенного царства.

Адресуя письмо от имени Петра «братцу-государю» Ивану, члены комиссии пытались сохранить видимость двоевластия в тот момент, когда действительная власть перешла от Милославских к Нарышкиным. Переворот 1689 г. якобы возвращал к престолу двух царей благочестие и справедливость, отличавшие их отца. Автор письма вкладывал в уста младшему царю принятые при дворе Алексея религиозно-аллегорические доводы: «Милостию Божиею вручен нам двум особам скипетр правления прародительного нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери нашею восточные церкви соборное действо [7]190 году, также и братиею нашим, окрестным государем, о государствовании нашем известно». Синекдоха «скипетр правления» восходит к сочинениям Симеона Полоцкого, которые оправдывали предпринятое Алексеем религиозное обновление царства (и сопутствовавшее ему преследование инакомыслящих)³⁰. Появление этой фразы в письме 1689 г. обозначало претензии двух царей на политическое и духовное главенство над величайшей православной общиной в мире. Это главенство подтверждалось решениями церковного собора 1682 г. и согласием соседствующих монархов, признавших царские титулы за обоими братьями.

Описанная аргументация, однако, позволяла считать законными всех трех правителей Московского государства. Все они были детьми Алексея Михайловича, получили благословение церкви и дипломатическое признание (в частности, от польского короля, «вечный мир» с которым был заключен в годы правления Софьи³¹).

Между тем автору письма требовалось обосновать ниспровержение Софьи вместе со всем кланом Милославских и изыскать доказательства того, что «скипетр правления» по закону принадлежал только Петру и Ивану. Для этого он использовал принятые в высших кругах Московского царства нормы наследования, согласно которым старшие дочери имели право на приданое из наследства, были правомочны даже осуществлять опеку над имуществом до совершеннолетия братьев, но не могли выступать полноправными наследницами своих отцов³². «Скипетр правления», таким образом, должен был передаваться от отца к сыну; это соответствовало и династической политике Романовых, содержавших своих дочерей в безбрачии³³.

В начальной части нарышкинского манифеста 1689 г. дается понять, что Софья злонамеренно нарушила установившийся порядок и взяла на себя больше, чем подобало женщине. Она присвоила назначенный Господом царский труд: защиту гражданского мира, справедливости и православной церкви³⁴. Проводя, по всей видимости, тонкое различие между законным «правлением» и самозванным «владением», автор письма ставил под сомнение легитимность регентства и личную нравственность царевны Софьи: «О третьей особе, чтоб с нами быть в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша <...> государством нашим учела владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, извесно»³⁵. Поставив свое имя вместе с именами царей, Софья самовольно возвела себя в царское достоинство и «учела владеть» наследством своих братьев. Отступив от правил наследования по мужской линии, она противоправно овладела знаками как их царственности, так и маскулинности и стала отправлять политическую власть, воплощенную в «скипетре правления». Этот противоестественный акт узурпации выглядел кощунственным посягательством на отеческую власть и имущество царского дома, если не самого Господа Бога. Итак, в 1682 г. сторонники Милославских рассказывали, что И.К. Нарышкин примерял царский венец; теперь приближенный Петра, обыгрывая двойной смысл слова «владение», ставил в вину Софье колдовство, якобы обеспечившее ей сверхъестественную власть над братьями. Обвинение в ведовстве не было столь редким при русском дворе. Как показывают сохранившиеся материалы «слова и дела государева», в политических спорах этой эпохи противникам довольно часто

инкриминировались ворожба, сглаз, обращение к нечистой силе и насылание болезней³⁶. В письме 1689 г. на нечистую силу, покорившуюся самозваной правительнице, возлагалась ответственность за внутренний разлад в государстве и недееспособность царей, утеравших власть над своими (фаллическими) скипетрами. Таким образом, в изображении своих противников Софья представляла карнавальную ведьмой, вывернувшей наизнанку устойчивый порядок патриархальной власти³⁷.

Предваряя выводы следственной комиссии, автор письма докладывал далее, что пришло время двум царям выйти из-под опеки старшей сестры:

Се топерь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли если в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей Ц.С.А., с нашими двумя мужескими особами в титлах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б государя моего брата воля склонилося, потому что учела она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас³⁸.

Как видно, партия Петра призывала «государя-братца» разрушить колдовское заклятие, наложенное «ззорным лицом» «Ц. С. А.», и взять на себя роль, подобающую совершеннолетним мужчинам. В последних строках нужно, видимо, усматривать намек на беременность молодой жены царя Петра Алексеевича — своего рода символ его мужской и политической состоятельности. Следует обратить внимание и на сам термин «ззорное лицо», характеризующий Софью и употребленный в разбираемом письме два раза подряд. Ему принадлежит важное место в гендерной риторике нарышкинского манифеста. «Ззорным», среди прочего, называлось общение духовных лиц с незамужними женщинами, открывающее путь к соблазну³⁹. Возобновляя устаревшее значение слова, автор письма косвенно ставил Софье в вину отступление от благочестивых (чуть ли не монашеских) порядков, принятых при дворе Алексея Михайловича⁴⁰. Опровергая претензии Софьи, он опирался на развитую традицию обличения плотских грехов мужского и женского монашества. Этой темы касались бесчисленные прозаические и стихотворные тексты той эпохи, зачастую написанные в пародий-

ной форме. Греховность монашества составляла один из важнейших аргументов в пользу никоновской реформы, которая должна была очистить истинное православие от чуждых ему «языческих» наслоений⁴¹. Инкриминируя Софье намерение выйти замуж, венчаться «царским венцом» (фигурировавшим как в коронационном, так и в свадебном чине⁴²) и объединить православную и католическую церкви, Нарышкины ставили вверх дном панегирический образ Софьи как главной защитницы православной веры и династического наследия Романовых. В изображении Нарышкиных ниспровержение регентства означало восстановление политического, религиозного и гендерного порядка, разрушенного вмешательством женщины; в конце письма «царь Петр» предлагал старшему брату вернуться к патриархальной политике их отца⁴³. Нарышкинский переворот оборачивался «реставрацией» дома Романовых.

В действительности, конечно, и письмо 1689 г., и расследование предполагаемого заговора против младшего царя задним числом создавали оправдания для этого переворота. Расследование началось еще до того, как письмо было доставлено окружению Ивана. Следователям не составило труда найти козла отпущения, который должен был взять на себя вину за кровавые последствия ожесточенной борьбы придворных группировок. Им оказался Ф.Л. Шакловитый, относительно незнатный сторонник Софьи, назначенный в годы ее правления главой Стрелецкого приказа⁴⁴. Такой выбор напоминал, среди прочего, об одном из предшественников Шакловитого на этом посту — кн. И.А. Хованском, чье имя было неразрывно связано с истреблением Нарышкиных в 1682 г.⁴⁵

Под пытками Шакловитый признался, что был осведомлен о планах стрельцов напасть на Ново-Преображенское и сам подучивал их поджечь имение, с тем чтобы захватить и убить молодого царя вместе с его родственниками и приближенными (в первую очередь Б.А. Голицыным и боярином Л.К. Нарышкиным, дядей Петра по матери). Глава Стрелецкого приказа якобы знал о намерении Софьи венчаться на царство и сам обдумывал убийство патриарха⁴⁶. Эти показания, однако, больше говорили о страхах нарышкинской партии, чем о действительных замыслах Софьи и ее сторонников. Быстрая казнь Шакловитого и его сообщников должна была развеять опасения победителей и припугнуть их врагов, но не способствовала дальнейшему расследованию событий⁴⁷.

ЦАРСКОЕ ТАИНСТВО

Хотя следствию не удалось обнаружить прямой связи между Шакловитым и Милославскими (помимо необоснованных слухов о его любовных отношениях с незамужней царевной⁴⁸), были найдены доказательства вины Сильвестра Медведева, пользовавшегося личным покровительством царевны Софьи Алексеевны. Сильвестр якобы обладал доказательствами преступного желания регентши венчаться на царство и сам имел виды на патриарший престол. Следственная комиссия не была распущена до тех пор, пока Сильвестра не поймали недалеко от польской границы; после этого его доставили обратно в Москву и заключили в Троице-Сергиеву лавру, где незадолго до того был казнен Шакловитый вместе со своими сообщниками. Усилия, потраченные на поиски беглого монаха, свидетельствовали о решительном намерении Нарышкиных выставить его главным идеологом регентства и включить его в число заговорщиков.

Предъявленные Сильвестру обвинения показательны для идеологической стратегии Нарышкиных, использовавших богословский инструментарий для оправдания переворота. Помимо противоречивых показаний Шакловитого и других участников предполагаемого заговора, вину Сильвестра доказывали только две аллегорические гравюры, иллюстрировавшие тезис о божественной избранности Софьи. Как видно, язык богословских прений московского двора конца XVII в. имел существенное политическое измерение; именно по этой причине споры между Нарышкиными и Милославскими перекликались с недавней полемикой между сторонниками московского патриарха, непокорными малороссийскими иерархами и близким к Софье Сильвестром о пресуществлении тела Христова. Конечно, значение этих богословских споров не исчерпывалось борьбой за религиозную легитимацию враждующих политических кланов; однако даже самый беглый анализ спора о пресуществлении обнаруживает за богословскими абстракциями идеологические интересы придворных группировок, по-разному толковавших учение о божественном происхождении царской власти⁴⁹.

Политика и богословие естественно переплетались в России во времен собора 1666—1667 гг., одобрившего никоновскую реформу и положившего начало расколу. В единственной православной державе обитаемого мира истинная вера шла рука об руку с полити-

ческой властью — а значит, существовало обширное поле для обвинений в ереси и измене. Политическими значениями наделялось и главное таинство православной церкви — Причастие. После того как Алексей Михайлович начал осуществлять масштабную программу государственного и религиозного обновления, вопрос об истинно православном богослужении занял центральное место в русском политическом богословии. Политизация таинства Причастия вызвала недовольство и противников, и сторонников никонианской реформы. Точку зрения Московской патриархии, защищавшей продолжавшуюся реформу богослужения, отражали несколько богословских сочинений, в том числе переводная «Скрижаль» Арсения Грека и работы иноземных православных ученых вроде Паисия Лигарида и Симеона Полоцкого⁵⁰. Однако до конца XVII в. патриархия не высказывалась о времени пресуществления; решение этого богословского вопроса было вынесено только в напряженные времена династического кризиса, в ходе полемики с Сильвестром Медведевым.

Спор о причастии вели духовные лица различной политической ориентации: защитники династических прав Софьи и сторонники самостоятельного правления двух братьев-царей. Еще до свержения регентства патриарх Иоаким (Савелов), связанный с партией Нарышкиных, ввязался в богословскую распрю с Сильвестром и несколькими видными малороссийскими православными иерархами, апологетами Софьи и ее внутренней и внешней политики, в том числе курса на сближение с католической Речью Посполитой. Стремясь вернуть себе власть над религиозной политикой государства, патриарх выписал из Падуи двух ученых греков, братьев Лихудов, которые должны были возглавить школу при Богоявленском монастыре и составить конкуренцию Сильвестру⁵¹. 15 марта 1685 г., через девять дней после их прибытия, в Москве состоялся диспут о пресуществлении, устроенный окружением Иоакима и царицы Марфы Матвеевны (урожденной Апраксиной), вдовы царя Федора⁵². Диспут должен был показать ученость Лихудов и поставить под сомнение благочестие их оппонентов (подобно тому, как собор 1666—1667 гг. единодушно осудил «раскольников»). В данном случае это был принявший православие поляк Андрей Белободский, называвший себя философом и рассчитывавший сделать карьеру в Москве⁵³. В частности, Белободский одновременно с Сильвестром претендовал на руководство будущей московской академией. Нападая на него, Лихуды готовились к борьбе

с самим Сильвестром. Они косвенно обвиняли его в «латинской ереси» и тем самым давали понять, что полонофильская внешняя политика царевны и ее относительная веротерпимость угрожают чистоте русского православия.

Сильвестру к тому времени уже приходилось опровергать взгляды Белободского на пресуществление, осужденные Иоакимом на соборе 1681 г. Патриарх и собор согласились тогда с точкой зрения Сильвестра, убедительно доказавшего, что в вопросе о пресуществлении противоречий между православной и католической церквями нет: оно происходит в тот момент, когда священник произносит слова Иисуса, сказанные во время Тайной вечери: «примите, ядите» (Мф. 26:26—28). Менее чем через четыре года патриарх изменил свое мнение и увидел в рассуждениях Сильвестра, возведенных уже в ранг церковной догмы, «латинскую ересь»⁵⁴. Теперь Лихуды с одобрения патриарха доказывали, что все три части православной причастной молитвы составляют единый акт освящения хлеба и вина, и пресуществление их происходит «не Христовыми словесы, а призванием Св. Духа через молитву иерея (“и сотвори убо”), благословением и знамением креста». В аргументации Сильвестра усматривалась отныне «хлебопоклонная ересь» — языческое поклонение хлебу до его пресуществления⁵⁵.

Тот факт, что диспут 1685 г. был организован противниками Софьи, подтверждается списком присутствовавших на нем «боляры и знатных людей». Этот список включен в более позднее сочинение Лихудов «Акос, или врачевание, противопологаемое ядовитым угрызением змиевым» (1687), направленное против Белободского и затем использовавшееся противниками Сильвестра в споре о пресуществлении⁵⁶. Перечисляя слушателей диспута, Лихуды давали понять, что помимо патриарха их поддерживали многие влиятельные светские лица, связанные с двором царицы Марфы Матвеевны. Это были прежде всего братья царицы, позднее занимавшие высокие посты при Петре Великом⁵⁷, пользовавшийся покровительством Нарышкиных ученый-переводчик Посольского приказа Николай Спафарий⁵⁸ и свойственник патриарха боярин И.А. Мусин-Пушкин, слывший внебрачным сыном царя Алексея Михайловича⁵⁹. Неофициальный характер диспута и его политическую значимость подтверждает тот факт, что даже после «победы» Лихудов, доказавшей будто бы их право возглавить академию, подчинявшийся Софье Посольский приказ потребовал дополнительных подтверждений их учености⁶⁰.

С диспута 1685 г. начался напряженный и длительный спор о пресуществлении, происходивший главным образом при дворе. Опытный полемист Сильвестр Медведев не боялся богословских прений и не был склонен без боя упускать руководство будущей академией. Через голову церковного начальства он стал апеллировать к самой Софье, надеясь получить от нее поддержку своим богословским воззрениям и долгожданное назначение. В свое время учитель Сильвестра Симеон Полоцкий увязал с политикой Романовых традиционную тему участия монарха в духовном обновлении подвластных ему земель; теперь Сильвестр, рассуждая о пресуществлении, ссылаясь на политический авторитет Софьи, унаследовавшей земное могущество и божественную харизму своих предков. Сильвестр утверждал, что она и без помазания имела право стоять во главе духовного просвещения России, подобно тому как он сам мог возглавить академию без позволения патриарха. Апеллируя к Софии, Премудрости Божией, через голову церковной иерархии, он одновременно ставил под сомнение авторитет патриарха и право царей Ивана и Петра на самостоятельное правление⁶¹.

Богословские суждения о времени пресуществления и уподобление царевны Софьи Премудрости Божией равно служили в сочинениях Сильвестра аргументами в пользу непомазанной царевны. В составленном им «Вручении благородной и христоролюбивой великой государыне... Софье Алексеевне, привилия на Академию...» (1685) говорится:

Несть дано людем совершенно знати,
кто от них сосуд духа благодати.
Обаче яко огнь явлен бывает
чрез знамения, где ся обретает.
Тако дух святой творит знамения,
благодати си в душах вселения.
Егда убо той в душу ся вселяет,
три благодати действием исполняет <...>

«Три благодати» — названные ниже «Вера, надежда, любовь» — соименны трем дочерям св. Софии, небесной покровительницы царевны⁶². Начальные стихи, реминисцирующие картину сошествия Святого Духа на апостолов в праздник Троицы, предваряют сформулированную ниже концепцию власти Софьи, «от святых Троицы возлюбленной»⁶³. Софья, «сосуд духа благодати», доказывает причастность ей своими делами (в том числе заступничеством за Сильвестра) и не нуждается в особом помазании.

Сам Сильвестр выступает при этом в роли мудрого толкователя высшей воли, умеющего усмотреть в действиях Софьи знаки божественной милости.

В ходе полемики о пресуществлении Сильвестр оспаривал монополию церкви на Божию благодать, доказывая право своей покровительницы и свое собственное на непосредственную причастность Богу. Согласно его истолкованию евхаристического таинства, чудотворной силой обладали слова Спасителя; это означало, что никакие иные слова, в том числе входящие в литургию, не могли обратить вино и хлеб в тело и кровь Христову. Тем самым Сильвестр отрицал мистическую силу литургического текста и особый статус священников, отправляющих службу; они оказывались простыми смертными, исполняющими свой земной долг. Исходя из этого, можно было утверждать, что рукоположение не является обязательным условием благодати⁶⁴, а помазание — праведной царской власти. Таким образом, причастность к Премудрости Божией ставила Софью выше любых земных иерархий — гендерных, церковных или государственных⁶⁵.

В ответ патриаршие богословы (Лихуды и Евфимий Чудовский, составлявший сочинения самого патриарха) утверждали, что благодать нисходит на хлеб и вино (и, соответственно, на царя)⁶⁶ только при посредстве рукоположенного духовенства. Подобно тому как во время литургии совершается чудо пресуществления, только патриарх, призывая Святой Дух, может низвести благодать на земное тело монарха. Помазание и причащение, составлявшее часть коронационного обряда, противники Сильвестра увязывали со священством русских царей. Ссылаясь на греческих отцов церкви, в том числе Симеона Фессалоникийского, Евфимий Чудовский отстаивал право царя принимать причастие за закрытыми воротами, скрывавшими алтарь от мирян во время литургии. В таком случае на царя распространялась привилегия духовенства; соответствующий обычай, подчеркивавший божественный характер монархической власти, был введен в России при Алексее Михайловиче по образцу византийского коронационного обряда⁶⁷. Так как женщина не имела права ни причащаться в алтаре, ни получать рукоположения, этим нововведением фактически санкционировалось наследование престола по мужской линии. Взгляды Русской православной церкви на наследование власти согласовывались, таким образом, с традиционными правовыми представлениями московского служилого слоя. Это сочетание обеспечивало весомые аргу-

менты противникам регентства Софьи, в том числе нарышкинской следственной комиссии 1689 г.

Спор о пресуществлении, как и спор о праве на престол, был решен силой оружия. После переворота 1689 г. по личному указу патриарха келью Сильвестра обыскали и обнаружили там уже упоминавшиеся гравюры, прославлявшие Софью в качестве правительницы Русского государства и доказывавшие, по мнению следователей, причастность Сильвестра к заговору Шакловитого⁶⁸. Одна из этих гравюр была заказана Шакловитым малороссийскому художнику А. Тарасевичу и представляла собой аллегорическое изображение правящего триумvirата. Она опиралась на конклюдизию к книге Барановича «Благодать и истина» и должна была сопровождать книгу Якова Богдановского «Дары Духа Святого», посвященную правительнице⁶⁹. На гравюре изображалось «над персоною ж ее великие государыни изливание семь даров Духа Святого», в то время как над фигурами двух царей были написаны только их отчества. Сильвестр признавал на допросе, что «похвала вся и честь написана великой государыне болшая»⁷⁰. Как видно, гравер, в соответствии с замыслом автора книги, подчеркивал особый статус Софьи; ссылаясь на часто цитировавшийся библейский стих, он наделял царевну божественной харизмой, ставившей ее выше законов наследования или гендерных ограничений⁷¹. Подобно тому как сошествие Святого Духа претворяет Святые Дары в тело и кровь Христову, «дары Святого Духа» позволяли женщине, по обычаю лишенной права на власть, стать земным воплощением богоугодной монархии.

На второй гравюре, найденной у Сильвестра и создававшейся при его прямом участии, «дары Святого Духа» вновь выступали основным символом богоизбранности Софьи. Эта гравюра построена по образцу овальных царских портретов из официального «Титулярника» и изображает Софью с обычными атрибутами царей из династии Романовых: скипетром, державой и венцом (хотя без нагрудного креста). Картуш содержит полный царский титул Софьи и хвалебные стихи Сильвестра, в которых перечисляются добродетели царевны, а сама она в очередной раз сопоставляется с Премудростью Божией. Изображение Софьи помещено на грудь московского геральдического орла в окружении семи медальонов с аллегориями семи даров Святого Духа (мудрости, целомудрия [«девства»], правосудия, кротости, благочестия, милости, кротости), упоминаемых в стихах Сильвестра. По словам Шакловитого,

заказавшего и эту гравюру, она повторяла идею императорского герба Священной Римской империи, где также фигурировал двуглавый орел и семь медальонов, соответствовавших семи курфюрстам-выборщикам⁷². Естественно, следователи усмотрели в этой гравюре не столько попытку укрепить международный престиж московского двора, пошатнувшийся после поражений в Крыму, сколько свидетельство преступного замысла Софьи венчаться на царство⁷³.

В глазах Нарышкиных и патриарха причастность Сильвестра к изготовлению этих гравюр служила прямым доказательством его преступлений против царского величества, благочестия верующих и православной церкви. Ни духовная, ни светская власть не могла оставить эти преступления безнаказанными. Как мы видели, следственная комиссия бросила значительные силы на поиски Сильвестра. Патриарх, в свою очередь, созвал подобие собора, осудившее «папешников» и «латинствующих» Великой и Малой России⁷⁴. Сильвестр вынужден был отречься от своих взглядов на Причастие и лишился духовного сана; тем самым Иоаким не только навязал малороссийским иерархам свои богословские мнения, вскоре после этого возведенные в догму, но и переложил на плечи Сильвестра вину за кровавый исход борьбы за престол.

В публицистических сочинениях, написанных по следам собора 1690 г. и включавших, например, «Остен» Евфимия Чудовского и «Щит веры» епископа Холмогорского Афанасия, Сильвестр изображался еретиком и смутьяном, угрожавшим благоденствию Московского царства. В одном анонимном тексте «Сенька Медведев» сравнивался с Лжедмитрием, затеявшим Смуту при помощи ненавистных католиков: «Яко прежний лжемонах рострига Гришка Отрепьев, побежа в Польское государство, хотя не ино что токмо смущение воздвигнути, и на православную нашу веру восточного благочестия брань воставити от римского костела, и всему благочестивейшему российскому царству некое зло сотворити»⁷⁵. Однако, как и всенародное избрание Михаила Романова, положившее конец внутреннему раздору конца XVI — начала XVII в., восстановление двоецарствия его внуков (и патриаршего единовластия в церковных делах) обозначало счастливый исход новой Смуты. Таким образом, воцарение Романовых служило историческим прецедентом для нарышкинского переворота, произведенного якобы прямым вмешательством божьей воли на стороне Петра.

¹ См. краткое описание этих расхождений: *Коллман Н.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001 (гл. 4—6, эпилог); см. также: *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001.

² О Смуте см. ревизионистскую работу: *Dunning C.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park, 2001. Об истолковании опыта Смуты в допетровской культурной традиции см.: *Rowland D.* The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles / *Russian History / Histoire russe.* 1979. V. 6. № 2. P. 259—283.

³ См.: *Maureen P.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995. О роли «козлов отпущения» в коллективном самосознании религиозных сообществ см.: *Журар Р.* Насилие и священное. М., 2000; *Monod P.* The Power of Kings: Monarchy and Religion in Europe, 1589—1715. New Haven, 1999. P. 14—15, 71, 88—89, 127.

⁴ О «сакрализации» царской власти в контексте барокко см.: *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 205—337.

⁵ Об этих событиях см.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001. С. 84—85.

⁶ Приписывавшиеся И.К. Нарышкину злодеяния ставили его в один ряд с «самозванцем» Борисом Годуновым, якобы убийцей последнего Рюриковича и виновником Смуты. Говорили, что Нарышкин примерял знаки царского достоинства, оскорблял царствующий род и замышлял убийство царевича Ивана. См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 88—89, 350, примеч. 43.

⁷ См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 91—92. Одно из официальных описаний майских событий 1682 г., составленное в Разрядном приказе, было озаглавлено «Смутное время».

⁸ О причинах стрелецких бунтов см.: Там же. С. 82—83. О преемственности петровской военной реформы по отношению к упомянутым нами ранним начинаниям см.: *Hellie R.* The Petrine Army: Continuity, Change, and Impact // *Canadian-American Slavic Studies.* 1974. Vol. 8. № 2. P. 237—253; *Stevens C.* Evaluating Peter's Military Forces // *Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives* / Ed. by A. Cross. Cambridge, 1998. Vol. 2. P. 89—103.

⁹ Трое Нарышкиных было убито, а остальные лишились доступа к власти. Дед Петра по материнской линии был насильно пострижен в монахи и сослан в монастырь на Крайнем Севере. После этого у Нарышкиных не осталось представителей в Боярской думе. См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. М., 1999. С. 125—126. Описание коронации, датированное 25 июня 1682 г., см.: ПСЗ-1. Т. 2. № 931.

¹⁰ О священном статусе царской коронации см.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Straub M.-K.* Les couronnements des tsars en Russie du XVIe au XVIIIe siècle: Essai d'historiographie // *La royauté sacrée dans le monde chrétien.* Paris, 1992. P. 137—148.

¹¹ О расколе см.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995; см. также ревизионистскую работу:

Michels G. At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999.

¹² О Лжедмитрии I см.: *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Dunning C.* Who was Tsar Dmitrii? // *Slavic Review.* 2001. Vol. 60. № 4. P. 705—729.

¹³ О месте лавры в средневековой Руси см.: *Gonneau P.* La Maison de la Sainte Trinité: Une grande monastère russe au Moyen Age tardif (1345—1533). Paris, 1993.

¹⁴ О Сильвестре (Симоне Агафонниковиче) Медведеве см.: *Козловский И.П.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. Киев, 1895; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896; *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // *Вопросы истории.* 1988. № 2. С. 84—98; *Богданов А.П.* Разум против власти // *Перо и крест.* Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 231—383. О его роли в распространении культа Софии — Премудрости Божией см.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God as a Rhetorical Device during the Regency of Sofia Alekseevna, 1682—1689. Ph. D. Diss. Georgetown, 1992 (гл. 4); *Богданов А.П.* София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII в. // *Герменевтика русской литературы.* 1994. Т. 7. № 2. С. 399—428; *Thyrkt I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001 (гл. 5).

¹⁵ См.: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 210—278; *Он же.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // *Источниковедение отечественной истории.* Сборник статей за 1981 г. М., 1982. С. 225, 229.

¹⁶ О геополитических измерениях этого сближения см.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. Гл. 8; *Wyjciak, Z.* From the Peace of Oliwa to the Truce of Bakhchisarai: International Relations in Eastern Europe, 1660—1681 // *Acta Poloniae Historica.* 1976. Vol. 34. P. 255—280; *Бабушкина И.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 г. // *Исторические записки.* 1950. Т. 33. С. 159—161.

¹⁷ Отчасти особое положение Софьи объясняется традиционными представлениями о благочестии представительниц русского царского дома. См.: *Thyrkt I.* Between God and Tsar. P. 162.

¹⁸ О жанре конклюдии, популярном в западнорусских духовных школах, см.: *Алексеева М.А.* Жанр конклюдии в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // *Русское искусство барокко: Материалы и исследования.* М., 1977. С. 7—29.

¹⁹ Настоящая интерпретация сочинения Лазаря и так называемой «гравюры Щиринского» опирается на следующие работы: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God P. 307—312; *Thyrkt I.* Between God and Tsar. P. 157—161.

²⁰ Русский перевод Слова см.: Похвальное слово Лихудов царевне Софье. М., 1910. О Лихудах см.: *Chrissidis N.* Creating the New Educated Elite: Learning and Faith in Moscow's Slavo-Greco-Latin Academy, 1685—1694. Ph. D. Diss. Yale, 2000.

²¹ О внутри- и внешнеполитических обстоятельствах переворота 1689 г. см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 15—16, 92; *Хьюз Л.* Царевна Софья. Гл. 9.

²² См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 167—168, 182—190.

²³ См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 13—14.

²⁴ См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 488; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 167, 244, примеч. 50.

²⁵ О составе следственной комиссии см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 168—169, 245, примеч. 70.

²⁶ О придворном положении и семейных связях Троекурова см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 169; *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 319. О его служебной карьере см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 538; *Crummey R.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689—1700 // *Canadian-American Slavic Studies.* 1974. Vol. 8. P. 284. Об участии Троекурова в бракосочетании Петра см. официальное описание этой церемонии: Древняя российская вивлиофика. М., 1789. Т. 11. С. 196. Сыном И.Б. Троекурова был комнатный стольник Ф.И. Троекуров, ближайший товарищ царя, смертельно раненный во время потешной баталии 1695 г. См. письмо Петра к Ф.Ю. Ромодановскому от 8 сентября этого года: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 49. По словам Б.А. Голицына, младшего Троекурова «похоронили яко спаса», как подобает члену «кумпаний». См.: Письмо Б.А. Голицына Петру от ноября 1695 г.: Там же. Т. 1. С. 538—539. О роли младшего Троекурова в свите Петра см.: Там же. С. 26, 32, 503.

²⁷ Эта острота принадлежит кн. В.В. Голицыну, двоюродному брату и политическому противнику Б.А. Голицына. См.: *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. P. 144.

²⁸ О Стрешневе см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 99, 154—155, 335; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 168—169; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 418. Его сан в трагической иерархии Всешутейшего собора Преображенного царства указан в Приложении к наст. изд.

²⁹ Зотов, думный дьяк, назначенный наставником Петра, играл важную роль в нарышкинской партии. Подпись Зотова стоит под двумя важными следственными документами по делу Шакловитого; см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. С. 263—264, 270. О родословии Зотовых см.: *Любимов С.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жиземские, Несвицкие, Сибирские, Зотovy и Остерманы. Пг., 1915. С. 80—90; Графы Зотovy // *Гербовед.* 1914. Сентябрь. С. 131—135; *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 121, 366—367. О службе Зотова до 1689 г. см.: *Богословский М.М.* Детство Петра Великого // *Русская старина.* 1917. 1. С. 27—29; *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 34—37, 55—56; *Корсаков В.* Зотов, граф Никита Моисеевич // *Русский биографический словарь.* Т. 7. С. 476—477. Его потешный сан см. в Приложении 1.

³⁰ См.: *Lewitter L.* The Russo-Polish Treaty of 1686 and Its Antecedents // *Polish Review.* 1964. Vol. 9. P. 5—29, 21—37.

³¹ О женском наследовании в служилом слое допетровской Руси см.: *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997; *Marrese M.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the

Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, 2002. [В серии «Historia Rossica» готовится к изданию перевод книги М. Маррезе на русский язык. — *Прим. ред.*]

³² Благодаря этому правящий дом выделялся из числа дворянских кланов, избегая опасности неравных браков и необходимости расширять состав правящих семейных групп. См.: *Kollmann N. The Seclusion of Elite Muscovite Women // Russian History. 1983. Vol. 10. № 2. P. 170–187; Martin R. Dynastic Marriage in Muscovy, 1500–1729. Ph. D. Diss. Harvard, 1996.*

³³ О функциях царя в риторике допетровского времени см.: *Bennett D. The Idea of Kingship in Seventeenth-Century Russia. Ph. D. Diss. Harvard, 1967; Rowland D. Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles. Об отголосках этой риторики в письме 1689 г. см.: Merguerian B. Political Ideas in Russia during the Period of Peter the Great (1682–1730). Ph. D. Diss. Harvard, 1970. P. 103.*

³⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 13.

³⁵ Об обвинениях такого рода, выдвинутых Нарышкиными против сообщников Шакловитого, см.: *Труворов А.Н. Волхвы и ворожеи на Руси в конце XVII в. // Исторический вестник. 1889. № 6. С. 710–715; Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 127, 258, 602–603. См. там же о более общих политических измерениях обвинений в ведовстве: С. 67–71, 129–131, 246; глава 16. См. также: *Лауров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.**

³⁶ Об амплуа ведьмы, занимавшем центральное место в европейских карнавальных обрядах начала Нового времени, см.: *Davis N. Women on Top // Davis N. Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975. P. 124–151; Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. New York, 1978.*

³⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 13.

³⁸ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978 Т. 5. С. 199.

³⁹ О сходстве придворного этикета времен Алексея Михайловича с церковным чином см.: *Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. Гл. 2; Пушкирев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в. Очерки истории. М., 1982. Гл. 3; Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI — XVII вв. М., 1995. Гл. 8, в особенности с. 530–542. О гипертрофированном благочестии придворной жизни при Алексее см.: *Cherniavsky M. Tsar and People. P. 63.**

⁴⁰ О средневековых «священных пародиях» как отражении народного недовольства монашеством см.: *Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977; Черная Л.А. Пародия на церковные тексты в русской литературе XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1980. № 2. С. 53–63. Более общую концепцию см.: *Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 50–54.**

⁴¹ Слухи о матримониальных планах Софьи записал чешский иезуит Иржи (Georgius) Давид. См.: *Хьюз Л. Царевна Софья. С. 324–325.*

⁴² См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 14.

⁴³ О служебном пути Шакловитого см.: *Лауров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 142, 236, примеч. 301; Hughes L. Shaklovityi, Fedor // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 34. Gulf Breeze, 1983. P. 146–148.*

⁴⁴ О «Хованщине» см.: *Хьюз Л. Царевна Софья. Глава 3, в особенности с. 110–119.*

⁴⁵ Показания Шакловитого см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. С. 165—178.

⁴⁶ См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 178—181, 247, примеч. 98, 268.

⁴⁷ См. записки царского свояка: *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // *Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты.* М., 1993. С. 66.

⁴⁸ Об обожествлении монарха в России см.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. С. 14—29; 109—210; *Wortman R.* The Redefinition of the Sacred: Eighteenth-Century Russian Coronations // *La royauté sacrée dans le monde chrétien.* Paris, 1992; *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. О бытовании этого учения в Европе раннего Нового времени см.: *Monod P.* The Power of Kings; *Adamson J.* Introduction: The Making of the *Ancien-Régime* Court // *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500—1750.* London, 1999. P. 27—33; об идее «царского таинства» см.: *Marin L.* *The Portrait of the King.* Minneapolis, 1988.

⁴⁹ См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1899. С. 109—110, 115—116.

⁵⁰ О взглядах Иоакима на религиозное просвещение см.: *Potter C.* *The Russian Church and the Politics of Reform in the Second Half of the Seventeenth Century.* Ph.D. Diss. Yale University, 1993. Гл. 6—9; об образовании братьев Лихудов см.: *Chrissidis N.* *Creating the New Educated Elite.*

⁵¹ См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 62—63; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 242—244. О Марфе Матвеевне и ее браке с Федором см.: *Bushkovitch P.* *Peter the Great: The Struggle for Power.* P. 123—124. О богословских диспутах при московском дворе см.: *Панченко А.М.* Русская культура в канун Петровских реформ // *Из истории русской культуры.* М., 1996. Т. 3. С. 199—202.

⁵² О биографии Белободского см.: *Горфункель А.Х.* Андрей Белободский — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // *ТОДРЛ.* Т. 18. Л., 1962. С. 188—213; *Горфункель А.Х.* «Пентатеугум» Андрея Белободского (Из истории польско-русских литературных связей) // *ТОДРЛ.* Т. 21. Л., 1965. С. 39—64, в особенности 39—40.

⁵³ Письменное возражение Сильвестра на «Вызнания веры» Белободского, в особенности раздел «О светей Евхаристии или Причастии», см. в кн.: *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Т. 1. С. 219—240. См. также: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 118—119; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 240—241.

⁵⁴ См.: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 272, 254; *Ware T.* *The Orthodox Church.* Baltimore, 1963. P. 287—290.

⁵⁵ Соответствующий фрагмент «Акоса...» см. в кн.: Памятники к истории протестантства в России. Т. 1. С. 240—242.

⁵⁶ Как и Стрешневы, Апраксины давно принадлежали к числу боярских фамилий, были связаны брачными узами с царствующим домом и имели прямой доступ в покои Петра Алексеевича. К моменту диспута все три брата Ап-

раксины были комнатными стольниками Петра. См.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 99, 329, 321, 316; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 115, 418—419; а также Приложение к наст. изд.

⁵⁷ См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 130—131; *Белоброва О.А.* Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Спафарий Николай. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 4, 15, примеч. 38.

⁵⁸ О генеалогии Мусиных-Пушкиных см.: *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 293; *Савелов Л.М.* Род дворян Савеловых (Савелковы). М., 1895. С. 32—33. О служебной карьере И.А. Мусина-Пушкина см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 97, 317; *Crummey R.* Peter and the Boyar Aristocracy. P. 283, примеч. 18; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Т. 3. С. 385—387; *Горчаков М.* Монастырский приказ (1689—1725). СПб., 1868. С. 121—122. О предполагаемом родстве с царем см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 91; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 418, 533, примеч. 18. О его месте во Всешутейшем соборе см. Приложение к наст. изданию.

⁵⁹ См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 64.

⁶⁰ Мой анализ позиции Сильвестра опирается на работы: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев; *Сменцовский М.* Братья Лихуды; *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God; *Potter C.* The Russian Church.

⁶¹ Царевна Софья родилась 17 сентября, в день поминовения св. Софии и ее дочерей. См.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God P. 203—205; *Хьюз Л.* Царевна Софья. Гл. 1.

⁶² Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.М. Панченко. Л., 1970. С. 191—193. О «Вручении...» Сильвестра см.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God. P. 285.

⁶³ Об этом важном вопросе см.: *Potter C.* The Russian Church. P. 443—444, 463, 458.

⁶⁴ Об идее Премудрости Божией в связи с положением Софьи, вынужденной компенсировать свою гендерную неполноценность, см.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God. P. 8, 27.

⁶⁵ О Чудовском см.: *Strakhov O.* The Reception of Byzantine and Post-Byzantine Culture and Literature in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620s—1705). Ph. D. Diss. Brown University, 1996.

⁶⁶ См.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. С. 174, 170, 164, 156, 185, 23, примеч. 20.

⁶⁷ См.: Розыскное дело. Т. 1. Стлб. 829—830.

⁶⁸ О Тарасевиче и его гравюре см.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 8, 12. В отличие от книги Богдановского, вышедшей в Чернигове в 1688 г., гравюра Тарасевича не сохранилась.

⁶⁹ Розыскное дело. Т. 1. Стлб. 660, 595—596.

⁷⁰ См.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God. P. 280, 315—316.

⁷¹ См.: Розыскное дело. Т. 1. Стлб. 596.

⁷² И в наше время эта гравюра иногда именуется «коронационным портретом». См.: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти

XVII века. С. 238. Об источниках и символических значениях гравюры см.: Zelensky E. *Sophia the Wisdom of God*. P. 318—322.

⁷³ О соборе 1690 г. см.: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 370—376; *Potter C.* *The Russian Church*. P. 504—505. Привычное для нас обозначение противоположных партий в русской церкви как «латинствующих» и «грекофилов» фактически оформилось только задним числом, после собора 1690 г. См.: *Strakhov O.* *The Reception of Byzantine and Post-Byzantine Culture and Literature in Muscovite Rus'*. P. 55; *Potter C.* *The Russian Church*. P. 453.

⁷⁴ Цит. по: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 330.

Глава 2

ЦАРСТВЕННОЕ СВЯЩЕНСТВО

16 сентября 1689 г., в следующее же воскресенье после казни Шакловитого и его сообщников, Петр вместе с вооруженной свитой наконец покинул свое убежище в Троице-Сергиевой лавре. Однако вместо того, чтобы вернуться с победой в Москву, он отправился в женский монастырь неподалеку от Александровской слободы — царского имения в двадцати верстах от столицы. Такое решение, принятое предводителями нарышкинской партии, было продиктовано несколькими соображениями. Во-первых, Петр не должен был присутствовать в Москве 17 сентября, в день именин Софьи. В то время как старший царь, Иван, по обычаю пил здоровье сестры, Петр посещал монахинь, известных тем, что «живут зело строго и мужчин к себе николи не допускают»¹. Слухи о многочисленных любовных связях Софьи и ее матримониальных планах позволяют увидеть в этом жесте предвестие будущего заточения царевны в Новодевичий монастырь². Во-вторых, Александровская слобода напоминала современникам — как русским, так и иностранцам³ — о карнавальном («опричном») дворе Ивана Грозного, созданном для борьбы с мнимыми изменниками и воплощавшем идею священного самодержавия, которую Иван заимствовал из Византии вместе с царским титулом⁴. Этим «паломничеством» Нарышкины как будто предостерегали своих противников, напоминая им о страшной участи участников предполагаемого заговора против малолетнего Ивана IV — тёзки старшего, но политически и физически неполноценного царя Ивана Алексеевича⁵.

Нарышкинская демонстрация власти не ограничивалась жестами показного благочестия и скоро приняла довольно диковинную форму «полевого военного балета» — так именует ее Гордон, отвечавший за организацию этого и других театрализованных военных маневров при дворе Петра Алексеевича⁶. Однако Александровская слобода находилась в двадцати верстах от Москвы, и мы можем предположить, что устроенные там учения адресовались не

столько московским зрителям, сколько самим участникам, составившим ближний круг Петра. Как будет видно, враждебность петровского окружения к московскому властному аппарату, сказавшаяся яснее всего в подмосковных «потехах», вытекала из претензий Петра на политическое наследие Алексея Михайловича. Устраивавшиеся при его дворе публичные зрелища показывали, что только младший сын царя Алексея уполномочен провести преобразования в соответствии с волей отца, земного и небесного. В первое время после дворцового переворота 1689 г. этот харизматический сценарий правления по необходимости бытовал лишь в узкой среде ближайших друзей молодого царя и принимал форму увеселений и карнавальных зрелищ, происходивших при его прямом участии. Сообщество, сложившееся в ходе таких потешных баталий, стало основой разношерстной многонациональной «кумпании» царя. Ее состав определялся не столько клановыми и родственными связями, сколько верой в избранность Петра. Эта неосвященная «кумпания», насмехавшаяся над освященным традицией укладом московской жизни, и стала краеугольным камнем будущего Преображенного царства.

САМОДЕРЖАВИЕ ПОД МОСКВОЙ

С учений в Александровской слободе начался целый ряд подобных военных игр, организованных Гордоном; однако, с одной стороны, потешные баталии устраивались в подмосковных имениях Петра и до 1689 г., а с другой — ими не исчерпывался репертуар придворных зрелищ, наделенных прямым политическим значением. Для того чтобы оценить роль царских увеселений в формировании нового сценария правления, необходимо сказать несколько слов о том, какую роль играли загородные усадьбы в придворной жизни царя Алексея Михайловича.

Начиная по крайней мере со второй половины XVII в. царские имения занимали важное место в культурной географии столицы и стояли в непосредственном отношении к романовской идее о священном характере царской власти⁷. 6-я статья Уложения 1649 г., содержавшего первое развернутое юридическое определение царского двора, предписывала подданным находиться в известном отдалении от любого места, где монарх останавливался в ходе своих частых паломничеств. Вторжение в священное, хоть и подвиж-

ное, пространство, окружавшее царя, приравнивалось к посягну-
вению на дом Божий — церковь. Помещая дворцовый этикет в
один ряд с чистотой веры и гражданским спокойствием, состави-
тели Уложения назначили равно суровые наказания раскольникам,
богохульникам и прочим нарушителям придворного и церковно-
го порядка⁸. Подобающее отправление церемоний при дворе и в
церкви обеспечивало священный статус и алтарю, и царскому пре-
столу⁹. Близость к ним имела юридически закрепленные градации
и служила знаком высокого социального положения.

Как и относящийся к тому же времени переезд Людовика XIV
в Версаль, удаление московского двора в тщательно обустроенные
и недоступные простым смертным подмосковные усадьбы объяс-
нялось не только необходимостью обезопасить себя от столичных
смут. Поездки в пригородные имения, подобно паломничествам и
другим царским шествиям, исполняли символическую роль: с их
помощью божественная благодать, сопровождавшая священное и
бессмертное тело царя-помазанника, распространялась на его цар-
ство¹⁰. Церемониальное пространство Москвы Алексей Михайло-
вич вынужден был делить с прочими членами правящего класса, в
то время как подмосковные усадьбы открывали простор для его лич-
ных вкусов и идеологических представлений. С середины 1660-х гг.,
когда началось обновление старых и приобретение новых усадеб,
они стали распределяться в иерархическом порядке, в зависимо-
сти от царской склонности к тому или иному имению. Их оформ-
ление закрепляло импонировавшие Алексею представления о
царской власти. Подобно тому как положение дворян при мос-
ковском дворе определялось сложной системой местничества,
учитывавшей и происхождение и выслугу, так и объем времени,
усилий и денежных средств, потраченных на ту или иную царс-
кую усадьбу, зависел одновременно от предназначения этой усадь-
бы и ее положения в иерархии престижа. Иными словами, усадьбы
не только отражали статус царя как главы государства и «придвор-
ного общества», но и отвечали его личным потребностям¹¹; таким
образом, смертное тело монарха объединялось в этом простран-
стве с династическими и религиозными измерениями тела поли-
тического¹².

Усадьбы Алексея позволяли ему освободиться от социальных и
политических ограничений московского быта и инсценировать
свою политическую доктрину. Личный врач царя Сэмюель Кол-
линз, причастный к исполнявшимся при дворе Алексея непублич-

ным ритуалам власти, так описывает одно из пристанищ царя во время его ежегодных паломничеств:

Ежегодно под исход Мая Царь отправляется за 3 мили от Москвы в увеселительный дворец, который называется Преображенским (Obrasausky), потому что он посвящен Преображению на горе, и, согласно с текстом Священного Писания: «*Наставнице, добро есть нам здесь быти, и соворим сени три*», у Царя есть три великолепные палатки. <...> Палатки Царя, Царицы, одиннадцати детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид на них так величествен, что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления, потому что Царь не хочет, чтобы простой народ видел, как он забавляется¹³.

Как видно, Коллинз осведомлен о библейском подтексте этого обычая (см.: Мф 17:4; Лк 9:33), но он умалчивает о его политическом значении. Собственно, политические толкования не входили в обязанности Коллинза: он отвечал за благополучие земного тела царя, а обеспечение его духовных потребностей и превознесение священного тела монарха было поручено придворному проповеднику Симеону Полоцкому (1629—1680)¹⁴. Неудивительно, что именно его сочинения лучше всего позволяют изъяснить аллегорические действия, совершавшиеся в царских усадьбах. В частности, Симеону принадлежит цикл стихотворений о Коломенском, входившем в число наследственных владений московских великих князей и в царствование Алексея фактически исполнявшем роль второй столицы (до обновления Преображенского)¹⁵. Описание усадьбы, символизировавшей благочестие и политическое могущество царя, Симеон встраивает в новую имперскую риторику, создававшуюся при его непосредственном участии. Сочетая барочную фигуративность с цитатами из Библии, Симеон изображал царский дворец архитектурным отражением небесной мудрости, порядка и света. Он сравнивал «царский дом» с дворцом царя Соломона и подробно расписывал его архитектурные и живописные чудеса, свидетельствовавшие о мудрости и вкусе Алексея Михайловича¹⁶. Опираясь на традиционное соположение сада с раем, восходившее к «Песни песней» и обильно использовавшееся в нравоучительных и богословских сочинениях XVII в., Симеон наделял Коломенское священным статусом и тем самым объединял земное и небесное тело монарха¹⁷.

Стихи Симеона, как и сам торжественно освященный коломенский дворец, служили сакрализации владычества Романовых. Симеон ссылаясь на евангельскую притчу (Мф 12:41—44; Лк 21:1—4) о том, как «царь» Христос принял лепту от бедной вдовы и объяснил ученикам, что эта чистосердечная жертва ценнее богатых даров. Точно таким же образом Алексей должен был принять поэтическое подношение своего проповедника и увидеть в нем евангельское «слово». Пожелав долгих лет Алексею, Симеон проводит прямую параллель между земным царем и небесным:

В доме сем новом, в нова человека
 облечен, живи до кончины века.
 Новый человек есть Христос царь славы
 он же и венец царския ти главы¹⁸.

«Слово» Симеона воплощается при чтении «приветства» и метафорически освящает монарха, отныне уподобленного Христу. Стихи Симеона выступают своеобразным аналогом церковного богослужения, в ходе которого подобное чудо совершается со Святыми Дарами. Коломенское, священное пространство пресуществления царя, сопоставляется здесь с Фавором, где произошло Преображение Господне¹⁹. Согласно Симеону, исходящий от монарха небесный свет Преображения распространяется на весь царствующий дом и придает эсхатологическое значение политическим судьбам Русского царства.

Эта идеологическая конструкция существенно расширяла репертуар политико-богословских тем московского двора. Однако центральное место в отпавлении нового культа богоравного монарха (и его царства) заняло другое имя с неслучайным названием Преображенское (название происходило от находившейся там церкви Преображения Господня). В царствование Алексея и даже позже колеблющаяся значимость Преображенского была прямо связана с политико-династическими обстоятельствами. Первоначально двор останавливался в селе Преображенском на пути в Измайлово или в Троице-Сергиеву лавру. Царь бывал здесь во время охоты, когда переправлялся через Язу в маленькое имение Семеновское, где обитали его сокольничие и содержались многочисленные охотничьи птицы. Однако после того как в конце 1660-х гг. по приказу царя (видимо, в поминовение его усопшей супруги) в имении была сооружена деревянная Вознесенская церковь, оно стало вместительней и двор стал намного чаще останавливаться там²⁰.

В 1670-х гг., после повторного бракосочетания Алексея и рождения Петра, Преображенское было перестроено. Новые династические обстоятельства породили рознь между Милославскими и Нарышкиными; с этой же борьбой было связано начало невиданных ранее театральных представлений, первое из которых состоялось именно в Преображенском. Первая пьеса московского придворного театра, исполнявшаяся 17 октября 1672 г., через несколько месяцев после появления на свет Петра, была написана на сюжет библейской Книги Эсфирь; ее политическим подтекстом было восхождение Нарышкиных и стремление царя обеспечить мирное наследование престола²¹. Политико-аллюзионная функция театральных представлений позволяет объяснить, почему в последние годы царствования Алексея двор предпочитал Преображенское, располагавшееся в относительно бедной и неразвитой области, другим, намного более роскошным, царским усадьбам²². Обстановку удаленного от столицы имения позволяла Алексею подчеркнуть свою роль владыки, распоряжающегося всей жизнью своих придворных, и в наглядной форме навязать им свои представления о монаршей власти (тех, кто не хотел посещать спектакли, приводили туда силой)²³. В Преображенском Алексей отмечал важные церковные праздники и иногда принимал послов; таким образом, оно, наряду с Коломенским, служило столицей его собственного Преображенного царства.

ДЕЛУ ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ ЧАС

Несмотря на усилия Алексея Михайловича, после его смерти в 1676 г. создававшаяся на сцене Преображенского иллюзия династического и государственного мира рухнула. Как мы видели, скоропостижная кончина наследовавшего ему Федора Алексеевича в 1682 г. превратила противостояние Милославских и Нарышкиных в яростную борьбу за престол. Каждая сторона отстаивала интересы своего кандидата; оба они претендовали на политическое наследие Алексея и, в частности, толковали в свою пользу символику царских пригородных имений. Милославские подчеркивали благочестие Ивана и Софьи; об этом свидетельствует, в частности, осуществленная по их воле перестройка Новодевичьего монастыря, архитектурного воплощения политико-богословской идеи о Премудрости Божией²⁴. Нарышкины, в свою очередь, опирались на

предписания из «Урядника сокольничьего пути» Алексея Михайловича: «Сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строю николи же позабывайте: делу время и потехе час»²⁵. Подобно тому как Алексей при помощи своих сокольничих создавал в подмосковных усадьбах идеальный облик православного царства²⁶, юный Петр в Ново-Преображенском проводил время в военных «потехах», игравших роль политического символа.

Во время затяжного династического кризиса 1682—1689 гг. Нарышкины присвоили символический потенциал царских усадеб и связанных с ними социальных практик для легитимации своего кандидата на русский престол²⁷. Используя старинные представления о том, что загородные имения служат местом нравственного и политического обновления, родственники Петра укрепляли вес «младшего двора», противостоявшего двору Софьи. Видимо, в преддверии неизбежного столкновения с Милославскими Нарышкины доверили увеселения молодого царя военным. Обеспечение «потешных» войск Петра и управление Преображенским были возложены на Потешную избу во главе с Ф.Ю. Ромодановским. Под надзором Ромодановского и некоторых других приближенных царицы Натальи Кирилловны в праздничные дни устраивались торжественные фейерверки, являвшие миру могущество нарышкинской партии (зачастую переоцениваемое); наряду с царскими сокольничими, конюшими и пушкарями, в изготовлении фейерверков принимали участие и военные из числа иноземцев²⁸.

Уже 30 мая 1683 г., в день одиннадцатилетия Петра, Нарышкины привлекли к устройству «огнестрельных потешных стрельб» в Воробьево не только ремесленников и подмастерий из Артиллерийского приказа, но и иноземного наемника Симона Соммера²⁹. На следующий год Соммер готовил похожее увеселение в Преображенском в преддверии именин Петра, приходившихся на конец июня³⁰. Эти огнестрельные забавы далеко отстояли от деревянных военных игрушек, обыкновенно находившихся в «детской» московских царей; легко понять, какую значимость они приобретали вдали от Москвы и управлявших ею Милославских³¹. Воинственные «потехи» Петра символизировали его преемственность по отношению к имперской политике Алексея и готовность молодого царя возглавить Московское войско. Здесь можно усмотреть намек, почти оскорбительный для Милославских, не имевших возможности выставить достойного соперника Петру: Иван нездоров, а Софья женщина.

Суущественным шагом в формировании наступательной политической позиции «младшего двора» было сооружение «потешного городка» напротив старого Преображенского дворца. В начале февраля 1685 г., когда Петр со свитой впервые посетил будущий городок, он состоял из двух небольших хижин³². Вскоре, однако, на этом месте возникло оживленное поселение, в котором расквартировались царские «потешные полки». На протяжении следующего десятилетия Нарышкины, демонстрируя свою военную силу, создали вокруг этого городка целое «потешное царство», служившее далеко не только шуточным целям. В центре его, на искусственном острове посреди Яузы, располагалась крепость, соединенная плавучими мостами со слободой, где размещались военные служители из простолюдинов, и с царским дворцом. Гарнизон крепости составляли конюшие из Преображенского, сокольничие из Семеновского и состоявшие при Петре отпрыски московской знати³³. К 1687 г. в придворных записях стали упоминаться «потешные корабли», подобные тем, которые использовались в прудах Кремля и Измайлова³⁴; теперь на них ходили по Яузе. В последующие годы в стенах городка была выстроена каменная церковь, дома для приближенных царя (в записях за 1687 г. упоминаются квартиры кравчего кн. Б.А. Голицына и спальников Л.К., М.К. и Ф.К. Нарышкиных), амбары, конюшни и склады³⁵. К концу 1680-х гг. Преображенское превратилось из мирного пристанища детских забав во вторую столицу России, место нового преобразования.

Появившаяся в эти годы приставка «Ново-» в названии имени указывает на то, что окружение молодого царя намеревалось присвоить аллегорические темы, сопровождавшие строительство старого Преображенского, где произошло поэтическое богоявление Алексея. Обе партии хорошо понимали значимость Ново-Преображенского; поводом к перевороту 1689 г. послужил слух о том, что верные Софье стрельцы собираются сжечь усадьбу. Неслучайно и то, что внезапный царский «поход» в Троице-Сергиеву лавру произошел в ночь на 7 августа, за день до праздника Преображения Господня (8 августа), а не, как обычно, в день поминовения св. Сергия 25 сентября³⁶. Даже иностранцы отмечали, что Преображение праздновалось в имени Петра с особой торжественностью³⁷, так что об этом не могли не знать намного более осведомленные и настороженные участники придворной борьбы. Можно сказать, что приготовления к празднику Преображения в имени Петра послужили своеобразным прологом к перевороту. Это, однако, не

помешало Петру после обретения политической самостоятельности использовать те же политико-символические концепты против своих бывших союзников.

ВОИНСТВЕННОЕ ЦАРСТВО МИРА

Военные игры, устроенные после переворота 1689 г., ознаменовали появление у Петра нового ближнего круга — так называемой «кумпании», состоявшей из друзей и наставников царя. Состав «кумпании» существенно расходился с традициями московского двора; в частности, Петр удостоил своей милости иноверцев, в том числе организатора «потешных» баталий генерала Патрика Гордона, шотландского католика. В то же время учения, происходившие невдалеке от Ново-Преображенского, подчеркивали могущество православного царя и воплощали православное толкование Преображения (с которым, в частности, связывалось «чудесное» спасение Петра во время августовских событий, непосредственно предшествовавшее соответствующему церковному празднику). Как свидетельствует кондак праздника Преображения, который «отчетливо выражает оба аспекта человечества Христа — состояние естественное и состояние вольного подчинения условиям павшего человечества», православное богословие видит в празднике Преображения Господня напоминание о человеческой природе Христа³⁸. Особая значимость Преображения в петровской мифологии позволяет объяснить, почему лейтмотивом «потешных» зрелищ была готовность царя оставить, подобно Христу, внешние знаки власти и облечься ради благополучия своих подданных в грубый мундир простого солдата. Хотя Петр вместе с остальными членами «кумпании» участвовал в «потешных» боях под началом бутафорского монарха, князь-кесаря Ф.Ю. Ромодановского, эта демонстрация воинской доблести царя только подчеркивала его божественную харизму³⁹.

Петр получил чин в войсках князь-кесаря в момент решительного переустройства его «потех». В конце 1690-х гг. Гордону было велено реорганизовать «потешные» подразделения по образцу полков нового строя, состоявших из наемников⁴⁰. Реорганизация была завершена в 1692 г., а в 1693 г., когда был составлен самый ранний из дошедших до нас списков высших чинов Преображенского полка, в Москве было четыре регулярных полка: Первый и Второй выборные и два новых, Преображенский и Семеновский (в доку-

ментах они иногда продолжают фигурировать как «потешные»). Высшие посты в новых полках занимали приближенные царя, а нижние чины старых «потешных» полков составили ядро унтер-офицерского и бомбардирского состава Преображенского полка и гренадерских рот⁴¹. Полк находился под личным покровительством царя, получившего в начале 1691 г. от придворных портных «сержантовский кафтан» нового образца⁴².

Военные игры этого времени повлекли за собой не только формирование царской «кумпании», но и возникновение нового облика власти. Бывшие «потешные» полки разделялись и назывались по царским усадьбам, где они были расквартированы, однако в ходе «военных балетов» 1690—1691 гг., подготовленных Гордоном и проведенных с «большой торжественностью» и «церемониями»⁴³, эти полки получили символические роли и были приписаны к двум враждующим «потешным» царствам. Об этих учениях, прозванных первым и вторым Семеновским походом, рассказывает современное шутивно-торжественное «Описание великого и страшного бою, который был в нынешнем 200 году октября 6, и в 7, и в 9 числах у его пресветлейшего Генералиссимуса Фридриха Ромодановского»⁴⁴. «Описание...», ведущее рассказ от имени простого солдата в войсках «Генералиссимуса Фридриха», представляет собой одно из самых ранних свидетельств символических практик, принятых в окружении царя.

Анонимное «Описание...», несмотря на очевидную литературную нарочитость, позволяет утверждать, что Преображенное царство создавалось на полях «потешных» баталий. Двумя условными армиями, столкнувшимися во время учений, предводительствовали главы ведомств, отвечавших за обеспечение царских усадеб. Как явствует из заглавия «Описания...», главную роль в «потешной» войне исполнял пятидесятилетний комнатный стольник из Рюриковичей Ф.Ю. Ромодановский⁴⁵. Выше упоминалось, что в годы правления Софьи он возглавлял Потешную избу, управлявшую Преображенским. В новых политических обстоятельствах этому ведомству было поручено вести дела Преображенского полка, устраивать учения, а также расследовать случаи оскорбления величества⁴⁶. Получив под свое начало внушавший ужас Преображенский приказ, Ромодановский стал своеобразным наместником царя — не только в ходе учений, но и во время все более частых отлучек Петра из Москвы⁴⁷. Хотя Ромодановский так и не стал членом Боярской думы, он, безусловно, принадлежал к числу самых влиятельных сановников в окружении Петра.

Второе «потешное» войско возглавлял И.И. Бутурлин (Большой) (ум. 1710), «царь и государь Семеновский»⁴⁸. Бутурлин происходил из знатной, богатой и многочисленной фамилии и имел чин стольника⁴⁹. Столь значимую роль в учениях он получил благодаря своему посту — он возглавлял ведомство, отвечавшее за Семеновское, старое охотничье имение Алексея⁵⁰. Не исключено, что о любимой забаве покойного царя напоминало прозвище, под которым Бутурлин фигурировал в ходе учений, — «Ватупич», от тогдашнего названия вида крупного голубя — «вятютень» или «ветютень»⁵¹. В таком случае наблюдатель должен был вспомнить о политико-символических значениях увеселений Алексея (в частности, об апологии порядка в «Уряднике сокольничья пути») и понять, что нерегулярные войска «царя Семеновского» неизбежно должны были потерпеть поражение от хорошо обученных солдат его противника. Как будет видно, однако, превосходство «генералиссимуса Фридриха» и его армии коренилось не столько в предписаниях «Урядника...», сколько в навыках современного военного искусства и в заимствованном из Европы рыцарском кодексе.

На время учений небольшая крепость неподалеку от Преображенского получила имя «Прешпур» — в честь Прессбурга, тогдашней столицы Венгерского королевства. Тем самым в число венценосных прототипов «военных балетов» включался император Священной Римской империи Леопольд I⁵². В венгерском Прессбурге произошли два символических события, обозначившие установление неограниченной власти Габсбургов в Венгрии после турецкого вторжения и длительных междоусобиц: венгерские магнаты признали ограничение своих феодальных прав, а наследник императора был впервые избран королем Венгрии⁵³. Идеологами абсолютистской политики были известные теоретики камерализма, благодаря которым венский двор сумел изыскать средства на масштабное строительство 1690-х гг., воплощавшее имперские амбиции Габсбургов⁵⁴. При поддержке Ватикана Леопольд снарядил крестовый поход против мусульман, а в годы правления Софьи участвовал в заключении «Вечного мира», отводившего Московскому царству место в Священной лиге — союзе католических держав против Оттоманской Порты. После нарышкинского переворота 1689 г. имперские дипломаты во исполнение договора добивались от русского двора новых кампаний против Крымского ханства, вассала Порты; однако новое правительство помнило о недавних поражениях в Крыму, приведших к падению Софьи, и не торопилось отправлять вой-

ска на юг. Фигурировавший в ходе петровских учений титул «царя и государя Плеспурхского», таким образом, мог служить политическим намеком: напоминание о недавних венгерских мятежах ставило под сомнение могущество одного из главных соперников московского царя на европейской арене; к тому же Петр давал понять, что не позволит втянуть себя в военные авантюры.

Вместе с тем ближний круг молодого царя мог сопоставить решительные действия Леопольда в Венгрии со счастливым исходом недавнего династического кризиса и успешным подавлением вооруженного восстания в Москве. «Потешные» сражения 1690-х гг. служили своего рода инсценировкой придворной борьбы между Милославскими и Нарышкиными. Регулярная пехота и кавалерия Ромодановского, включавшая вновь образованные гвардейские полки, наголову разбила стрелецкое войско старого образца; как мы помним, именно стрельцы были главными действующими лицами событий 1682 г., напоминавших если не о венгерской, то о русской Смуте⁵⁵. «Потешный» триумф «генералиссимуса Фридриха», главнокомандующего гвардейских полков и главы высшего следственного ведомства, обозначал избранную Петром форму правления, соответствовавшую камералистскому идеалу централизованной и неограниченной власти и подразумевавшую полное подчинение подданных (в том числе представителей правящего слоя) институтам самодержавной монархии.

Вместе с тем эти учения не только инсценировали прошлые события, но и демонстрировали новый политический язык личного господства Петра. Немецкий псевдоним Федора Ромодановского, как и наименование его «стольного града», принадлежал к семантической сфере Преображенного царства и свидетельствовал далеко не только о пристрастии царя к иноземным словам. Имя «Фридрих», не связанное с действительным именем вельможи, означает «мирный»; именно такую роль Ромодановский должен был играть во время учений. За иноземным именем скрывалось уподобление «генералиссимуса» библейскому царю Соломону, «князю мира». Образ Соломона, связанный с мессианскими ожиданиями, играл важную роль в политической символике времен Алексея Михайловича. Как мы помним, Симеон Полоцкий сравнивал Коломенское с дворцом Соломона; библейский монарх, выстроивший Иерусалимский храм и обеспечивший своим владениям мир и благоденствие, служил примером для московского царя. Симеон опирался на экзегетическую традицию, видевшую в Соломоне подобие Хри-

ста, то есть царя, установившего мир не мечом, но словом Божиим⁵⁶. Сходным образом можно истолковать свидетельство «Описания...», что только воинственные намерения противника вынудили Ромодановского взяться за оружие⁵⁷. Мудрый и рыцарственный генералиссимус Фридрих воплощал, таким образом, идею мессианского обновления, объединявшую давнее приветственное слово Симеона Полоцкого с шутовским «Описанием великого и страшного бою... Генералиссимуса Фридриха Ромодановского».

Доверив Ромодановскому престол Прешпура, Петр избрал себе другую роль, которая подчеркивала его божественную харизму. Следуя правилам игры, установленным при его прямом участии, Петр стал рейтарским ротмистром в войсках Ромодановского под именем «Петра Алексеева»⁵⁸. Форма полуотчества, служившая в практике этого времени знаком невысокого социального положения, одновременно напоминала о принадлежности младшего сына царя Алексея к избранной Богом правящей династии. Согласно «Описанию...», Петр, несмотря на свой небольшой чин и простой псевдоним, совершил самый отважный поступок за всю кампанию: он пресек рискованную атаку Бутурлина на Ромодановского и не дал противнику «во обезглавление войско привести»⁵⁹. «Потешную» армию, Преображенное царство князь-кесаря, спас от разгрома истинный православный владыка. Публичная демонстрация личного мужества царя обозначала его роль в новом, рыцарском «сценарии власти» и предвосхищала важную символическую роль царской треуголки, пробитой пулей на Полтавском поле и ставшей в устах придворных панегиристов эмблемой богоизбранности Петра⁶⁰.

В игровом мире «потешных» баталий, отразившемся в «Описании...», Господь ниспосылал победу в награду за рыцарственную доблесть. Дуличие и трусость «царя и государя Семеновского» только подчеркивали великодушие его противника, христианского «царя и государя Плеспухского». Взятый в плен Бутурлин был доставлен в лагерь Ромодановского, который с почетом принял его как достойного соперника. «Генералиссимус Фридрих» щедро угощал своего пленника под звуки торжественных салютов (точно так же Петр будет угощать пленных шведских офицеров после Полтавы). «Благоутробие» «христианского государя» Ромодановского сказалось и в том, что он по просьбе Бутурлина дозволил ему вернуться к войскам в обмен на клятву в верности и дружбе. На следующий день, однако, тот «делает против обещания и милость над

ним показанную позабыл», т.е. возобновил военные действия. Окончательный разгром кавалерии Бутурлина, по словам «Описания...», был знаком его «неправды», которую покарала «милость Божия»⁶¹.

В сходных провиденциальных категориях автор «Описания...» говорит о генеральном сражении, завершившем Семеновскую кампанию. Пятичасовые маневры с участием пехоты и кавалерии он именует «судным днем»⁶². Фактически, однако, эсхатологическая схватка добра со злом описывается здесь в ироикокомическом стиле; в частности, комизма исполнен портрет неприятельского главнокомандующего, прятавшегося между «трусами» своих солдат, обнаруженного и вынужденного преклонить колени перед Ромодановским. Хотя эта победа «князя мира» не повлекла за собой пришествия Мессии, она стала символом обновления самодержавной власти, задуманного и разыгранного царской «компанией» на полях подмосковных усадеб.

«ОТ ПЕТРА СВЯТОЧНОЕ БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ»

Политическая смелость «компании» не могла не сказаться в ее отношениях с властными кланами Москвы, особенно с консервативным крылом нарышкинской партии, обеспечившей Петру московский престол. Действительно, через два месяца после завершения учений царь устроил намного более закрытую придворную «потеху», воплощавшую его претензии на харизматическую власть и не оставлявшую сомнений в радикализме его политической программы.

27 декабря 1691 г., в воскресенье, Гордон записал, что был «наверху», т.е. в царских покоях в Кремле, когда ближний круг царя «выбрал патр[иарха]». Через пять дней, 1 января 1692 г., Гордон опять находился в царской свите, на сей раз «в Преображенском, при поставлении патриарха»⁶³. Как видно по этим дневниковым записям, Гордон не желал распространяться ни о подробностях отпразднованных в его присутствии придворных церемоний, ни о личности избранного и поставленного таким нетрадиционным образом «патриарха». Действительно, если не знать, что речь шла о первом патриархе Всешутейшего собора М.Ф. Нарышкине, можно подумать, что шотландский католик присутствовал при рукоположении истинного патриарха Русской православной церкви⁶⁴.

На самом деле можно утверждать, что Гордон наблюдал обнародование нового «Евангелия от Петра». Во время святочных торжеств в Москве и Ново-Преображенском был избран и посвящен в сан духовный глава царской «кумпании». В противовес традиционной клановой организации победившей в 1689 г. нарышкинской партии, Петр создал из своих приближенных своего рода «царственное священство» (1 Петр 2:9). Членам его не обязательно было состоять в родстве с царем или исповедовать православие, тем более — принадлежать к русским уроженцам; они должны были только уверовать в небесное призвание помазанного царя и, подобно апостолам во время Преображения, признать священную природу Богочеловека. Видимо, так следует истолковывать политическое таинство, совершившееся в памятные святки 1691—1692 гг. сперва в кремлевских покоях, а затем в Ново-Преображенском.

Лапидарные свидетельства Гордона дополняются развернутым, хоть и неблагоприятным описанием этих событий в воспоминаниях кн. Б.И. Куракина (1676—1727), не только входившего в те годы в ближний круг царя, но и приходившегося ему свояком (Куракин был женат на К.Ф. Лопухиной, сестре царицы Евдокии). До того как Куракин был отправлен с дипломатическими поручениями в Европу, он занимал прочное положение в среде победителей 1689 г. Во время переворота он находился вместе с Петром в Троице-Сергиевой лавре⁶⁵. В начале 1690-х гг. он, по всей видимости, участвовал в «потешных» баталиях и получил офицерский чин в одном из новообразованных гвардейских полков. В своих воспоминаниях, написанных через год после смерти первого императора, Куракин хвалился, что «от младенчества лет моих воспитан был при дворе и всегда неотступно при нем [Петре] был во всю войну и даже в самую баталию Полтавскую»⁶⁶.

Куракин подробно повествует о святочных забавах царя, в том числе о рукоположении первого «патриарха» Преображенного царства. Намеренно смешивая различные эпизоды, он составляет яркую картину непристойных увеселений царя и его спутников. Несмотря на свой ретроспективный и тенденциозный характер, воспоминания Куракина заключают самое пространное дошедшее до нас свидетельство очевидца политических таинств «кумпании». Приведем соответствующий отрывок полностью:

Теперь ненадобно сего забыть и описать коим образом потешной был патриарх учинен, и митрополиты, и другие чины духовные из придвор-

ных знатных персон, которых кругом его величества были, более ко уничтожению оных чинов, а именно: был названной Матвей Филимонович Нарышкин околичней, муж глупой, старой и пьяной, которой назван был патриархом; а архиереями названы были от разных провинций из бояр не-которые и протчие другие чины и дьяконы из спальников. И одеяние было поделано некоторым образом шутошное, а не так власное, как на приклад патриарху: митра была жестяная, на форму митр епископов католицких, и на ней написан был Бахус на бочке, также по одеянию партии игрышные нашиты были; также вместо панагеи фляги глинины надеваны были с колокольчиками. А вместо Евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок с водкою. И все состояло там в церемониях празднество Бахусово⁶⁷.

По словам Куракина, «постановление тем патриархам шутошным и архиереям бывало в городе помянутом Плешпурхе, где была сложена вся церемония в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем к пьянству, и к блуду, и всяким дебошам»⁶⁸.

В отличие от Гордона, не доверившего бумаге свою оценку событий, Куракин предлагает краткое объяснение «потешных» таинств, производившихся якобы «ко уничтожению оных чинов», то есть для дискредитации церковной иерархии. Вместе с тем его истолкование событий, записанное через несколько лет после упразднения патриаршества и учреждения Духовной коллегии, носит, безусловно, ретроспективный характер и мало что говорит об истинных мотивах, двигавших молодым царем и его друзьями. При этом Куракин, сохраняя внешнее почтение к памяти покойного императора, тщательно избегает упоминаний самого Петра в связи с «разными дебошами»; читателю остается судить о его облике по нечестивым забавам его «кумпании»⁶⁹.

Одним из участников этой «кумпании» был молодой спальник царя В.А. Соковнин, которому, по словам Куракина, принадлежал «вымысел» разного рода «святошных забав»⁷⁰. Соковнин приходился племянником печально известным сестрам-раскольницам Ф.П. Морозовой и Е.П. Урусовой и уже поэтому мог вызывать неприязнь и подозрения Куракина⁷¹. «Вымыслы» Соковнина соотносились, как можно предположить, с полемическими нападками старообрядцев на официальную церковь. Описание их Куракин предваряет рассказом о святочных увеселениях «подлых людей» и тем самым намекает на простонародный характер царских забав:

Старой обычай есть в народе российском, что пред праздником Рождества Христова и после играют святки, то есть в дом друзья между собою собираются в вечеру и из подлых людей сами одеваются в платье машкараты. А у знатных людей люди их играют всякия гистории смешныя. И по тому обыкновенно царское величество при дворе своем также играл святки с своими комнатными людьми, и одного избрали за главу и установителя той потехи Василья Соковнина, котораго назвали пророком. Сей муж был злой и всяких пакостей наполнен.

«Потехи» царской кумпании действительно напоминают традиционные святочные игры, участники которых «святых нарицают, и монастыри делают, и архимандрита, и келаря, и старцов наричают»⁷².

Однако неожиданное появление Бахуса соотносит царские забавы с придворными аллегориями XVII в.⁷³ Как уже упоминалось, древний бог вина не первый раз фигурировал в загородных святочных увеселениях русского царя. Он был одним из главных персонажей «школьной пьесы» «Комедия о Бахусе с Венусом», представленной на придворном театре Алексея Михайловича в Преображенском в конце рождественского поста 1675 г. Текст пьесы не сохранился, но личность ее автора, питомца Киево-Могилянской академии Степана Чижинского, а также список персонажей, костюмов и реквизита позволяют предположить, что «Комедия...» представляла собой нравоучительную пьесу, обличавшую грехи пьянства и похоти⁷⁴. По всей видимости, она должна была проповедовать праведную жизнь в миру и одновременно расширять кругозор московского двора за счет элементов западной культурной традиции⁷⁵. Судя по сохранившемуся описанию, Бахус изображался на сцене по образцу европейских театральных сатиров. Огромная голова, сделанная из холста и украшенная конским волосом, соединялась с винным мехом внутри бочки, в которой Бахус выезжал на сцену. Спутники Бахуса были, однако, далеко не столь типичны: в его свите, в частности, находился «отец пьяниц» с тринадцатью пьяницами (трое из них были обряжены горбунами)⁷⁶. Еще несколько персонажей — четверо в костюме медведей, два музыканта и шут — отсылали к традициям русского скоморошества⁷⁷. Смешение античной мифологии с фарсовым шутовством ради поучения зрителей составляло устойчивую черту школьных интермедий и при Алексее Михайловиче становилось все более привычным на придворной сцене⁷⁸. Оно хорошо вписывалось в карнавальную ат-

мосферу тех двенадцати дней между Рождеством и Богоявлением, на которые пришлось постановка пьесы⁷⁹.

Сходства между придворными забавами Алексея и Петра вряд ли объясняются прямым заимствованием, но тем более заслуживают внимания. Как и постановка «Комедии...», «потешные» таинства происходят на Святки в загородной усадьбе, названной в честь Преображения Господня. И здесь и там мифологические отсылки соседствуют с простонародными персонажами. Наконец, оба зрелища пародируют церковные обряды: пьяницы в «Комедии...» травестировали Тайную вечерю, послужившую образцом для евхаристического таинства, а «кумпания» Петра переименовала чин рукоположения. Можно даже предположить, что «отец пьяниц» вместе со своими тринадцатью учениками предвосхищал постановление «потешного» патриарха и учреждение «Всешутейшего собора». Как бы то ни было, в обоих случаях «священная пародия» имела дидактическое значение. Однако, в отличие от придворных Алексея, друзья Петра сами выступали в роли актеров, в то время как раньше эту обязанность поручали иностранцам и простолюдинам. Эта смена социального этикета, породившая новый тип отношений между исполнителем и зрителями, сопутствовала общему сдвигу политических связей, стоявших за театрализованными «потехами» Петра.

Как мы помним, Куракин с негодованием отмечает этот аспект «вымыслов» Соковнина. Противопоставляя увеселения «подлых» и «знатных», Куракин дает понять, что «святошные забавы» наносили урон дворянской чести⁸⁰. Еще в XVII в. иностранные путешественники отмечали, что русские аристократы считали «неприличным плясать честному человеку»: «Человек честный должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляньями шута, а не сам быть шутом, для забавы другого: это не годится!»⁸¹ Однако Петр не соблюдает этот запрет и при помощи «злых» и недалеких от ереси приближенных вроде Соковнина обращает состоящих при нем представителей «великих домов» в шутов, представляющих унижительные фарсы на потеху своему повелителю и всему двору. В главе третьей мы вернемся к описанной Куракиным роли шутов при дворе Петра; сейчас достаточно отметить, что осведомленные современники хорошо осознавали политическую значимость самостоятельных театральных постановок⁸².

В двойной перспективе историко-генеалогических сведений, доступных окружению Петра, и традиционной святочной симво-

лики пародийное рукоположение М.Ф. Нарышкина во время святок 1691—1692 гг. обозначает рождение нового, Преображенного, царства на месте уходящего царства Алексея. Окольничий М.Ф. Нарышкин (ум. 1692), прозванный с грубоватой любовью «патриарх Милак»⁸³, приходился царю двоюродным дедом и был старейшим среди его родственников по материнской линии⁸⁴. Он представлял старшее поколение и, согласно старинным законам местничества, занимал в роду Нарышкиных более высокое положение, чем молодой царь. До отмены местничества он обладал бы значительной властью над своими младшими родственниками⁸⁵. Строгий взгляд патриарха Милака, изображенного на одном из современных портретов с пастырским жезлом (см. илл. 1)⁸⁶, позволяет предположить, что старый Нарышкин и впрямь пользовался в окружении Петра определенным авторитетом, отразившимся в его «потешном» сане. В таком случае травестийное святочное поставление выступало пародией на старинное династическое содружество между Михаилом Федоровичем, первым царем из рода Романовых, и его отцом патриархом Филаретом⁸⁷; одновременно, и как бы мимоходом, пародировались двоевластие Петра и недееспособность Ивана.

Таким образом, можно предположить, что «потешный» сан М.Ф. Нарышкина, не обладавшего действительной властью, был изобретен в насмешку над патриархальными моделями власти, светской и духовной, в частности — над двором Ивана Алексеевича и окружением патриарха. Петр добивался независимости от нарышкинской партии в том виде, в каком она существовала в 1689 г.; рукоположение «патриарха Милака» должно было символизировать эмансипацию младшего царя от патерналистской и клановой политической модели и провести четкое различие между организаторами переворота, с одной стороны, и новыми апостолами высочайшей харизмы, с другой. Политическое бессилие старого Нарышкина могло служить метонимией общего обесценивания чинов в ходе дворцовой борьбы 1680-х гг. Прежде малочисленная Боярская дума значительно увеличилась в эти годы за счет стремления обеих партий обеспечить членство в ней своим приверженцам⁸⁸. Среди прочих и М.Ф. Нарышкин незадолго до своего рукоположения стал членом Боярской думы; делая его персонажем не слишком почтительных забав, «кумпания» демонстрировала, что когда-то действенные властные институты отходят в прошлое. Важные политические решения теперь все чаще принимались ближним

кругом царя на советах в Ново-Преображенском, а не в Москве⁸⁹. После торжественного основания Преображенного царства доступ к царю обеспечивался участием в военных учениях чуть ли не в большей мере, чем привычными методами московской клановой политики. Хотя до радикальной меритократии «Табели о рангах» 1722 г. было еще далеко, в окружении Петра знания и умения уже теперь начинали цениться не меньше знатного происхождения. Это было одно из проявлений нового «сценария власти», отделявшего Петра от нарышкинского правительства в Москве и воплотившегося в «потешном» поставлении «патриарха Милака»⁹⁰.

Вместе с тем эта забава, безусловно, соотносилась и с церковной политикой. Петр оспаривал представление о том, что царская власть должна быть освящена церковью и патриархом; как мы помним, именно этот тезис отстаивала нарышкинская партия в борьбе против Софьи. Присвоив себе, хотя бы и в шутку, право рукоположения в священник сан, «кумпания» Петра ставила под сомнение такого рода политические прерогативы церкви и Освященного собора — духовного учреждения, состоявшего из церковных иерархов и возглавлявшегося патриархом (пародией на него выглядит Всешутейший собор); среди прочего, Освященный собор был представлен на земских соборах, по идее служивших главным источником политической легитимности Романовых в XVII в.⁹¹. «Потешное» рукоположение свидетельствовало о праве помазанного царя совершать таинства, ниспосылающие благодать. Такого права за монархом не признавали даже оппоненты патриарха Иоакима в споре о пресуществлении. Как мы видели в первой главе, Сильвестр Медведев доказывал прямую, без посредства церкви, причастность Софьи к божественной благодати при помощи отсылок к библейским текстам о мудрости, приписанным Соломону. Падение Софьи и осуждение писаний Сильвестра не оставили камня на камне от учения о непосредственной причастности царевны к Премудрости Божией. Однако этот принцип легитимации царской власти не был забыт при дворе ее сводного брата, добивавшегося независимости от нарышкинской партии столь же настойчиво, как прежде Нарышкины — от власти Софьи. Как ни странно, в основе святочных торжеств 1691—1692 гг. в честь Бахуса лежало карнавализованное толкование царской харизмы, разрабатывавшееся панегиристами Софьи. Распространяя упоминания вина в аллегорических описаниях «трапезы премудрости» в Библии (Притч 9:1—6) и у Сильвестра⁹², Петр и его «кумпания» разработа-

ли собственное представление о «трезвом пианстве» — непосредственной приобщенности царя к божеству⁹³.

Ваххические возлияния «кумпании» в этой перспективе выглядели таинством новой церкви, образовывавшей ядро Преображенного царства и включавшей только избранных — «апостолов» царя Петра. Непосвященные видели в этих возлияниях богохульное извращение святых таинств, в том числе чина рукоположения, низводившего благодать на земных последователей апостола Петра. Именно так судил автор уже цитированного «Обличения на всешутейший собор», усматривавший в сложно организованных «потешных» ваххических ритуалах прямое кощунство⁹⁴. Однако посвященные участники «кумпании», осведомленные о мистической метафоре «трезвого пианства», понимали более сложные значения этих травестийных таинств. По сути, они воспроизводили поведение апостолов на Пятидесятницу (Деяния 2:13—16), когда сторонним наблюдателям казалось, что ученики Христа «напились сладкого вина», т.е. пьяны, в то время как на самом деле они были исполнены божественного воодушевления (ил. 2)⁹⁵. Причастившись Святого Духа апостолы выходят за пределы (буквальное значение греческого *ekstasis*) повседневности и обретают способность взглянуть на мир с точки зрения божественных законов. Именно так объясняется их как будто кощунственное поведение во время Пятидесятницы, и именно так они обретают духовную власть⁹⁶.

По аналогии с действиями апостолов первоначального «священного царства», участники и свидетели вахханалий в Ново-Преображенском, вкушавшие вместе с царем «трезвое пианство», тем самым приобщались к рыцарским идеалам Преображенного царства «государя прешпурского». Кощунственные «потешные» таинства обнажали тщету старинных установлений и одновременно заставляли верить в близость и доступность нового миропорядка. Подобно апостолам, спутники Петра были вынуждены (иногда в самом прямом смысле слова) попирать привычные ценности; в «экстатическом» состоянии они отправлялись проповедовать прочим смертным новую истину, новое божество и грядущее Преображение, возведенное «пророком» Соковниным⁹⁷.

Такое истолкование ваххических политических таинств «кумпании» подтверждается реквизитом святочных славлений, сопровождавших выходы Всешутейшего собора к непосвященным. Согласно свидетельствам очевидцев и рассредоточенным архивным данным, «потешный» патриарх носил с собой «Евангелие», укра-

шенное фигурой Бахуса. «Евангелие» представляло собой деревянный ларец размером примерно 30х100х60 см, в котором хранилась атрибутика нового вероучения — бутылки водки и табачные трубки⁹⁸. На крышке ларца был изображен мальчик Бахус верхом на винной бочке, содержащей, надо думать, пятидесятичное «сладкое вино». Другой ларец намного больших размеров именовался «Апостол» (по образцу книг, включавших «Деяния» и «Послания»); на его крышке с внешней стороны изображен тот же бог вина, а с внутренней — двенадцать апостолов⁹⁹. На фотографии петровского походного ларца (илл. 3) видно, что апостолы сидят вокруг стола, уставленного напитками; возможно, имеется в виду пятидесятичная трапеза. В таком случае находящиеся в центре композиции сосуды с причастным вином одновременно обозначают тайное присутствие Христа и готовность апостолов причаститься Святому Духу.

Как это свойственно аллегорическому языку барокко, парадоксальное соположение апостольской трапезы с кутежом могло сопровождаться и отсылками к классической мифологии. Первый сборник эмблем, вышедший в царствование Петра, среди прочих заключал изображение Ариадны, получающей кубок из рук Бахуса с подписью «вино прогоняет печаль, вино веселит сердце». Эта эмблема отсылала, в частности, к 103 псалму (стих 15), одному из основных источников идеи «трезвого пианства»¹⁰⁰. Сам царь в письмах к своим приближенным неоднократно высказывался о пользе вина, прибегая к особому эзотерическому языку своей «кумпании». Самое интересное его рассуждение на сей счет содержится в письме к А.Д. Меншикову, написанном весной 1706 г.¹⁰¹ Поздравляя своего любимца с очередной военной победой, царь писал, что вместе со спутниками «празднует» (этот глагол, как и его синоним «веселиться», был привычным обозначением бурных возлияний, непременно сопровождавших петровские празднества). Вторая часть эпистолярной фразы, однако, вскрывает мистические обертоны вакхических увеселений при дворе Петра Великого: «Принося жертву Бахусу довольную вином, а душою Бога славя»¹⁰². Эта двусоставная формула, опиравшаяся как на святоотеческий концепт «трезвого пианства», так и на евхаристическое таинство, хорошо иллюстрирует механизм пресуществления буйных забав Петра и его «кумпании» в символ грядущего Преображенного царства.

¹ *Gordon P. Diary* // РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. Кн. 4. Л. 260 (16 сентября 1689 г.). (Здесь и далее цитаты из «Дневника» Гордона даются в переводе с неопубликованного английского оригинала.) См. также: Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. С. 486. «Генерал» Гордон имел самый высокий чин среди иностранцев, служивших в русском войске, и считался признанным главой московской католической общины. Во время переворота 1689 г. он встал на сторону Нарышкиных и привел свой полк к Троице-Сергиевой лавре (позднее сам Гордон приписывал себе главную заслугу в победе Нарышкиных над Софьей). О карьере Гордона, помимо его дневника, см.: *Бендер М.О.* Патрик Гордон и его дневник // РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. Кн. 8. Л. 1—53; *Herd G.* General Patrick Gordon of Auchleuchries: A Scot in Seventeenth-Century Russian Service. Ph. D. Diss. Aberdeen University, 1994.

² Софья была заключена под стражу в 1689 г., но насильственный постриг приняла только после подавления стрелецкого бунта 1698 г. См.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 175—176, 317, 379 (прим. 41).

³ Так, Гордон сообщает, что «здесь царь Иван Васильевич (иноземцами обыкновенно прозываемый тираном) жывал, услаждаясь уединенным местом, и имел дворец каменный или кирпичный, окруженный толстым и высоким земляным валом, а речка на южной стороне его хорошо служила для прудов и лугов» (*Gordon P. Diary*. Л. 260 — запись от 16 сентября 1689 г.).

⁴ Об идеологических коннотациях обряда венчания на престол и его роли в сакрализации царской власти см.: *Miller D.* The Coronation of Ivan IV // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1967. Bd 15. № 4. S. 559—574; *Бычкова М.* Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг.: Воплощение идеи власти государства // *Sahiers du monde russe et soviétique*. 1993. Т. 34. № 1-2. P. 245—256; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 13, 14, 20—22, 62—64 и, в особенности, 109—113. См. также: *Dvorkin A.* Ivan the Terrible as a Religious Type: A Study of the Background, Genesis and Development of the Theocratic Idea of the First Russian Tsar and His Attempts to Establish «Free Autocracy» in Russia // *Oikonomia*. Bd 31. Erlangen, 1992. О карнализации царской власти при Иване см.: *Лихачев Д.С.* Лицедейство Грозного (к вопросу о смеховом стиле его произведений) // *Смех в Древней Руси*. Л., 1984. С. 25—35; *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // *ТОДРЛ*. Т. 37. Л., 1983. С. 54—78.

⁵ История Ивана IV была известна современникам Петра из многочисленных источников, включавших летописи, известную переписку царя с Курбским и исторические сочинения времен Смуты. О распространении переписки Ивана с Курбским см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 248; *Keenan L.* The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The 17th-Century Genesis of the 'Correspondence' Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, 1971. В контексте настоящей работы вопрос о подлинности этих писем не имеет значения; важно подчеркнуть, что это и другие рукописные свидетельства о жизни Ивана были известны при московском дворе петровского времени.

⁶ Гордон использует это обозначение в дневниковой записи от 14 октября 1691 г. (*Gordon P. Diary*. Л. 101).

⁷ О возраставшей роли подмосковных имений в жизни московского правящего слоя, и в особенности, царской семьи см.: *Тихонов Ю.А.* Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в. // Дворянство и крепостной строй России. XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 135—158; *Хромов О.Р.* Подмосковные вотчины Алексея Михайловича. Предварительные тезисы к восприятию стиля царских усадеб // Герменевтика русской литературы. 1992. Сб. 4. С. 285—301; *Smith A.* Prince V.V. Golitsyn: The Life of an Aristocrat in Muscovite Russia. Ph. D. Diss. Harvard University, 1987. Гл. 6; о первоисточниках роли ритуального местоположения в образовании сакрального см.: *Smith J.* To Take Place: Toward Theology in Ritual. Chicago, 1987. P. 104—105.

⁸ Обоснование этой идеи см.: *Хромов О.Р.* Подмосковные вотчины Алексея Михайловича. С. 288, 297.

⁹ Об аналогии между ними см.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. С. 144—150.

¹⁰ См.: *Kollmann N.* Pilgrimage, Procession and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // *Medieval Russian Culture.* California Slavic Studies. Vol. 19. Berkeley, 1994. Part 2. P. 164—181.

¹¹ О различных символических функциях пригородных резиденций европейских монархов см.: *Klingensmith S.* The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life, and Architecture at the Court of Bavaria, 1600—1800. Chicago, 1993. P. 7.

¹² О «двух телах» монарха и религиозном осмыслении монархической власти см.: *Kantorowicz E.* The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957. О русском случае см.: *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961; *Baehr S.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991.

¹³ *Collins S.* The Present State of Russia. London, 1671. P. 113—114.

¹⁴ О роли Симеона в формировании русской придворной культуры см.: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991; *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Century. New York, 1992. P. 163—172.

¹⁵ О Коломенском см.: Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1962. С. 167—189; *Брусева-Давыдова И.Л.* Об идейном замысле коломенского дворца // Архитектура мира. 1993. Вып. 2; *Брусева-Давыдова И.Л.* Царские усадьбы XVII в. // Русская усадьба. 1994. Вып. 1. С. 140—144; *Желудков Д., Трубникова О.* Деревянное чудо в Коломенском // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. 1996. С. 12—28; о квазистолическом положении Коломенского см.: *Хромов О.Р.* Подмосковные вотчины Алексея Михайловича. С. 293. Сочиненное Симеоном «приветствие» Алексею см.: *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 103—108; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 108—111. Текст «приветств» другим членам царствующего дома и пронизательный анализ всего цикла см. в работе: *Хромов О.Р.* «Царский дом» в цикле Симеона Полоцкого на новоселье // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. 1989. С. 217—243.

¹⁶ См.: *Хромов О.Р.* «Царский дом» в цикле Симеона Полоцкого на новоселье. С. 219—222.

¹⁷ О мотиве «закрытого сада» (лат. hortus conclusus) в нравоучительной поэзии Симеона и его источниках см.: *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барок-

ко. Гл. 5; о слиянии двух тел монарха в московском придворном панегирике XVII в. см.: *Cherniavsky M. Tsar and People*. Гл. 2.

¹⁸ Русская силлабическая поэзия XVII — XVIII вв. С. 110.

¹⁹ См.: *Хромов О.Р.* «Царский дом» в цикле Симеона Полоцкого на новоселье. С. 223.

²⁰ О Преображенском см.: *Забелин И.Е.* История и древности Москвы // *Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи*. Т. 2. М., 1873. С. 107—153; *Забелин И.Е.* Преображенское или Преображенск. Московская столица достопамятных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883; *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места. Их прошлое и настоящее. М., 1895; *Бугров А.* Старо-Преображенский дворец // *Московский архив. Историко-краеведческий альманах*. Вып. 1. 1996. С. 42—58.

²¹ Текст пьесы см. в кн.: *Первые пьесы русского театра*. М., 1972. О первом русском придворном театре см.: *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957. Гл. 5. Об отражении современных нравов и политических обстоятельствах в пьесах этого времени см.: *Державина О.А.* Театр и драматургия // *Очерки русской культуры XVII в.* М., 1979. С. 126—141.

²² См.: *Забелин И.Е.* Преображенское или Преображенск. С. 17—18. Кроме прочего, Преображенское находилось как раз между Москвой и Немецкой слободой, где обитали необходимые для спектаклей актеры и разнообразные мастера.

²³ См.: *Веселовский А.* Старинный театр в Европе. М., 1870. С. 319—320; *Демин А.С.* Русские пьесы 1670-х гг. и придворная культура // *ТОДРЛ*. Л., 1972. Т. 27. С. 282—283, примеч. 17; *Karlinsky S.* Russian Drama from Its Beginnings to the Age of Pushkin. Berkeley, 1985. P. 43—44.

²⁴ О покровительстве Софьи Новодевичьему монастырю, см.: *Хьюз Л.* Царевна Софья. С. 164, 198—201, 281, 303—304, 320—321; *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God as a Rhetorical Device during the Regency of Sofia Alekseevna, 1682—1689. Ph. D. Diss. Georgetown, 1992. P. 323—331.

²⁵ Урядник сокольничьего пути // *Памятники литературы Древней Руси*. XVII в. М., 1989. Кн. 2. С. 287.

²⁶ См.: *Berelowitch A.* Chasse et rituel en Russie au XVIIe siècle: *Le Règlement de la Fauconnerie d'Alexis Mixailovic* // *Russes, Slaves et Soviétiques*. Paris, 1992. P. 85—121.

²⁷ Описание царских усадеб помешало их в особое «дискурсивное пространство» («discursive domain»). О последнем понятии см.: *Stallybrass P. and White A.* The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca, 1986. P. 60—61.

²⁸ О деятельности Ромодановского во главе Потешной избы, предшественницы Преображенского приказа, см.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 10.

²⁹ Соммер, наемник из Бранденбурга, был в это время капитаном Первого выборного полка под командой Гордона. См.: *Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом*. М., 1872. Т. 1. С. 39. О поездке в Воробьево см.: *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого // *Опыты изучения русских древностей и истории*. С. 43—45; *Забелин И.Е.* Преображенское или Преоб-

раженск. С. 24—27; *Бобровский П.О.* Потешные и начало Преображенского полка (по официальным документам). СПб., 1899. С. 22.

³⁰ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 46; *Астров Н.П.* Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. 1875. Кн. 3. С. 100.

³¹ О традиционных военных игрушках русских царей см.: *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Ч. 13. Начало учебных занятий Петра Великого // ЖМНП. 1902. № 340. С. 435—436; *Седов П.В.* Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 77—93, в особенности 80. О военных игрушках маленького Петра см.: *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого. С. 15—18, 42—43; *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 18—20, 30—33.

³² Записи о строительстве стали вестись только в феврале 1685 г. См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 55—56, 345. О посещении городка Петром см.: Дворцовые разряды. Т. 4. С. 327—329; *Астров Н.П.* Первоначальное образование Петра Великого. Ч. 2—3 // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 8. С. 90—102; Вып. 10. С. 213, 215—216.

³³ Двое из участников «потешной» армии оставили воспоминания. См.: *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 67, 74—75; Записки Андрея Артамоновича, графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 48, 85, примеч. 24. См. также: *Богословский М.М.* Петр I. С. 20—21.

³⁴ См.: *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: сад как текст. СПб., 1991. С. 116—117.

³⁵ См.: *Астров Н.П.* Первоначальное образование Петра Великого. Ч. 3. С. 217—218; *Богословский М.М.* Петр I. С. 58—60, 63—64.

³⁶ О ежегодных полонничествах московского двора в Троице-Сергиеву лавру см.: *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Ч. 10 // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Июль—август. С. 225. О выборе момента для неожиданной поездки Петра см.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 157—158.

³⁷ См.: *Gordon P.* Diary. Л. 22, 260.

³⁸ *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. М., 1991. С. 240. О смежном понятии кенозиса Христа, принявшего «зрак раба», см.: Там же. С. 239; *Fedotov G.* Russian Kenoticism // *Fedotov, G.* The Russian Religious Mind. Belmont, 1975. Vol. 3. P. 94—131. [Рус. изд.: *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 10. М., 2001. С. 95—125. — *Примеч. ред.*].

³⁹ О такого рода самозванчестве см.: *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Изд. 2-е. М., 1996. Т. 1.

⁴⁰ Полки нового строя, введенные царем Михаилом Федоровичем в дополнение к традиционному феодальному ополчению, были в XVII в. важнейшей частью русского войска. См.: *Keep J.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874. Oxford, 1985. P. 80—92; *Hellie R.* The Petrine Army: Continuity, Change, and Impact // *Canadian-American Slavic Studies.* 1974. Vol. 8. № 2. P. 237—253; *Stevens C.* Evaluating Peter's Military Forces // *Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives.* Cambridge, 1998. Vol. 2. P. 89—103.

⁴¹ См.: *Бобровский П.О.* Потешные и начало Преображенского полка. С. 13—14.

⁴² См.: *Бобровский П.О.* Потешные и начало Преображенского полка. С. 7; Описание высочайших повелений по придворному ведомству (1701—1740 гг.). СПб., 1888. С. IV—V.

⁴³ См.: *Бобровский П.О.* Потешные и начало Преображенского полка. С. 13; Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. 1860. Т. 11. № 1. С. 54.; *Gordon P.* Diary. Л. 101 (запись от 14 октября 1691 г.).

⁴⁴ Текст см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 486—490; см. также: *Богословский М.М.* Петр I. С. 125—130.

⁴⁵ О роде Ромодановских см.: *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. 139—141; *Долгоруков А.А.* Российская родословная книга. СПб., 1855. С. 51—52. Биографические сведения о Ф.Ю. Ромодановском см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 423—424. О его служебной карьере см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 78, 149—150; [*Токарев Н.*] Ближняя канцелярия при Петре Великом и ее дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Т. 5. Ч. 2. С. 43—101.

⁴⁶ См.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. С. 10; *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 83—85.

⁴⁷ См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 98.

⁴⁸ В «Описании» имя и прозвище второго генералиссимуса не упоминаются, но их приводит Куракин (см.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 75). В письме к царю от 31 июля 1695 г. Бутурлин подписался «генералиссимус Семеновского полку Яган» (см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 523—524).

⁴⁹ С 1682 г. до своей гибели под обломками рухнувшей крыши в 1710 г. Бутурлин служил комнатным стольником царя; в это время 14 других представителей того же рода числились рядовыми стольниками. См.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 98, 329, 347. Родословие Бутурлиных, составленное в 1682 г., см.: АСПБИИ. Колл. 238. Оп. 2. Картон 264. № 4. Л. 347. О дате смерти Бутурлина см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 77.

⁵⁰ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 75; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. С. 10.

⁵¹ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 75; *Gribble Ch.E.* A Short Dictionary of 18th-Century Russian. Columbus, 1987. P. 15.

⁵² Прешпур именуется в «Описании...» «стольным градом» Ромодановского (см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. С. 490; см. также письмо Петра Ромодановскому от 19 мая 1695 г. — Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 29). О связи Прешпура и «генералиссимуса Фридриха» с фигурой императора Священной Римской империи см.: *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 210—213.

⁵³ См.: *Spielman J.* Leopold I of Austria. New Brunswick, 1977. P. 134, 136. В 1698 г. Петр вместе с Великим посольством посетил Прессбург. См.: *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. С. 212.

⁵⁴ См.: *Kaufmann T.* Court, Cloister and the City: The Art and Culture of Central Europe, 1450—1800. Chicago, 1995. P. 290—300. Камерализм подразумевал централизацию и эффективное администрирование монарших земель, имевшие целью общий рост торговли и производства, и, как следствие, собственных доходов и власти монарха. См.: *Krieger L.* Kings and Philosophers, 1689—1789. New York, 1970. P. 64; *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia. 1600—1800. New Haven, 1983.

⁵⁵ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 66. Сходным политическим значением обладали намного более известные козюховские учения 1694 г. См.: *Warner R.* The Kozhukhovo Campaign of 1694; or, The Conquest of Moscow by Preobrazhenskoe // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1965. Bd 13. S. 487—496.

⁵⁶ Об образе «второго Соломона» в русской политической мысли до Симеона см.: *Stökl G.* Der zweite Solomon. Einige Bemerkungen zur Herrschervorstellung im alten Russland // *Canadian-American Slavic Studies.* 1979. Vol. 13. № 1—2. P. 23—31.

⁵⁷ См.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. С. 486.

⁵⁸ См.: *Богословский М.М.* Петр I. С. 127.

⁵⁹ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. С. 487.

⁶⁰ См., в первую очередь, «Слово похвальное над войсками Свейскими победе... в лето господне 1709 месяца июня дня 27 богом дарованной» и «Слово похвальное о баталии полтавской... июня в 27 день 1717» Феофана Прокоповича (*Феофан Прокопович.* Сочинения / Ред. И.П. Еремин. М.; Л., 1961. С. 31—32, 56—57).

⁶¹ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. С. 488.

⁶² Там же. С. 490.

⁶³ См.: *Gordon P.* Diary. Л. 110 (запись от 17 декабря 1691 г.), 154 (запись от 1 января 1692 г.). О кремлевском «верхе» см.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Т. 1. С. 59—60.

⁶⁴ Эту аналогию разворачивает Р. Виттрам (см.: *Wittram R.* Peters des Großen Verhältnis zur Religion und den Kirchen: Glaube, Vernunft, Leidenschaft // *Historische Zeitschrift.* 1952. Bd. 173. S. 266; *Wittram R.* Peter I, Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 106—111). Осознавая различия между православным патриархом и «князь-папой», исследователь, однако, сопоставляет приведенные свидетельства Гордона с его нелестным описанием церковных интриг, сопутствовавших избранию патриарха Адриана в 1690 г. Виттрам заключает, что окружение Петра сочувствовало сопернику Адриана, псковскому архиепископу Маркеллу; рукоположение «князь-папы» выглядит в этой перспективе злым издевательством над победившим противником. Однако, как указывает Дж. Крейкрафт, нет оснований утверждать, что избрание Адриана означало поражение петровской партии (см.: *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. London, 1971. P. 16—17). В.М. Живов отмечает, что вскоре после этого избрания Петр, вопреки «Завещанию» патриарха Иоакима, добился устранения из текста «архиерейского обещания», приносившегося епископами при посвящении в сан, запрета на общение православных с иноверцами и межконфессиональные браки. См.: *Живов В.М.* Церковные преобразования в царствование Петра Великого // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002.

С. 366—367. В любом случае лаконичные записи Гордона больше говорят о его безразличном отношении к обрядам Всешутейшего собора, чем о действительных намерениях царя.

⁶⁵ См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С. 162—163. Куракин, как и два его брата, был комнатным стольником при юном Петре. См.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 99—100.

⁶⁶ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 56.

⁶⁷ Там же. С. 79—80.

⁶⁸ Там же. С. 80.

⁶⁹ О повествовательной технике куракинских записок см. вступление Е.В. Анисимова: Там же. С. 55.

⁷⁰ О служебной карьере Соковнина см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 334; *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001. P. 190, 192, 194—195, 197.

⁷¹ О Соковниных и их связях со старообрядцами см.: *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 85, 92, 190—197; *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 62, 326, 105; *Корсаков В.* Соковнины // *Русский биографический словарь.* Т. 19. С. 48—50; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 62—63.

⁷² Цит. по: *Успенский Б.А.* Царь и самозванец. С. 160. Цитируется челобитная, адресованная Алексею Михайловичу и обличающая «игрища разные и мерзкие <...> от Рождества Христова и до Богоявления всеночные».

⁷³ Об отсутствии жестких границ между «высокой» и «народной» словесностью в петровские времена см.: *Николаев С.И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 126—131; *Левин В.Д.* Петр I и русский язык (К 300-летию со дня рождения Петра I) // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1972. Т. 31. № 3. С. 217, примеч. 16.

⁷⁴ См.: *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. С. 14. О Чижинском и его участии в постановке «Комедии...» см.: *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русский театр. С. 116—121.

⁷⁵ Об образе Бахуса в Европе эпохи Возрождения и барокко см. фундаментальное исследование: *Emmerling-Skala A.* Bacchus in der Renaissance. Hildesheim, 1983. [Studien zur Kunstgeschichte. Bd. 83]; *Vasselin M.* Des fastes de Bacchus aux beuveries flamandes. L'icônographie du vin de la fin du XVe siècle a la fin du XVIIe siècle // *Nouvelle revue du seizième siècle.* 1999. Т. 17. № 2. P. 219—251. О рецепции этого образа в России см.: *Эббингаус А.* Образ Бахуса в контексте русской культуры XVIII — начала XIX в. // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century.* Köln, 2001. С. 186—199.

⁷⁶ См.: *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. С. 14—15.

⁷⁷ См.: *Державина О.А.* Театр и драматургия. С. 126—127.

⁷⁸ Об интермедиях в московских и малороссийских пьесах см.: *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 9—11, 17—22; *Левин П.* Восточнославянские интермедии // *Древнерусская литература и ее связи с Новым временем.* М., 1967. С. 194—205; *Гудзий Н.К.* Українські інтермедії XVII—XVIII ст. //

Українські інтермедії XVII—XVIII ст.: пам'ятки давньої Української літератури. Київ, 1960. С. 5—30.

⁷⁹ Об официальной и народной религиозности в святочных увеселениях XVII в. см.: *Поньрко Н.В.* Русские святки XVII в. // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 84—99; *Поньрко Н.В.* Святочный смех // Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154—174.

⁸⁰ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 81.

⁸¹ *Маскевич С.* Дневник... 1594—1621 // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 51—52.

⁸² Об этих постановках и общей театрализации придворной культуры в эпоху Петра см.: *Крюгер А.* Самодельный театр при Петре I // Старинный спектакль в России. Сб. статей. Л., 1928. С. 358—385; *Робинсон А.Н.* Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху Петровских реформ // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.: Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978. С. 176—182.

⁸³ О различных значениях и производных корня «милый», включающих просторечное «милах», см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 325—326.

⁸⁴ Краткую биографию М.Ф. Нарышкина см.: Нарышкины // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11. С. 94—95; *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 176—177. О родословии Нарышкиных см.: *Васильчиков А.* Род Нарышкиных // Русский архив. 1871. Т. 9. Стб. 1487—1519, 1960—1961; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 6.

⁸⁵ О терминах родства в системе местничества см.: *Василевская Е.А.* Терминология местничества и родства // Труды историко-архивного института. М., 1946. Т. 2. С. 155—179, в особенности 170; *Валуев Д.* Введение. Разрядная книга от 7067 до 7112 // Симбирский сборник. Историческая часть. М., 1845. Т. 1. С. 36, 72; *Коллман Н.* Соединенные чество. Гл. 1, 4.

⁸⁶ Он открывал серию «персон», специально заказанных для дворца в Ново-Преображенском. О его атрибуты см.: *Гаврилова Е.И.* О методах атрибуции двух групп произведений Петровской эпохи (живопись, рисунок) // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975. Ч. 2. С. 45—75. Обо всей серии см.: *Молева Н.М., Белютин Е.М.* «Живописных дел мастера»: Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. М., 1965. Гл. 1; *Молева Н.М.* Персоны всешутейшего собора // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 206—211; *Чубинская В.Г.* Новое об эволюции русского портрета на рубеже XVII—XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 317—328.

⁸⁷ Возможно, на эту параллель указывает и титулование одного из участников «потешного» обряда, называвшегося патриархом Палестинским; настоящий патриарх Иерусалимский принимал участие в поставлении Филарета в 1619 г. См.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. С. 95. Недатированные письма потешного патриарха «Андрея Палестинского» (относящиеся примерно к 1690-м гг.) см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 53. Л. 502—504.

⁸⁸ См.: *Crummey R.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1983. P. 29—31.

⁸⁹ См.: *Востоков А.* О делах генерального двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1888. Т. 5, ч. 2. С. 1—11.

⁹⁰ О различиях между двумя властными группами см.: *Crummey R.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689—1700 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. № 2. P. 279.

⁹¹ См. о нем: *Лихницкий И. М.* Освященный собор в Москве в XVI—XVII вв. СПб., 1906; *Богословский М. М.* Петр I. С. 427, 430.

⁹² «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: “кто неразумен, обратись сюда!” И скудоумному она сказала: “идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума”. Темы этого библейского фрагмента играли важнейшую роль в панегирической словесности правления Софьи. См.: *Zelensky E.* Sophia the Wisdom of God. P. 106, 122, 279, 309; *Богданов А. П.* София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна: Из истории русской духовной литературы и искусства XVII в. // *Герменевтика русской литературы*. 1994. Сб. 7. № 2. С. 399—428, в особенности 402—404.

⁹³ Идея «трезвого пианства» не в последнюю очередь восходила к 9-й главе «Книги Притч Соломоновых». См.: *Weinberg M.* The Wine and the Will: Rablais' Vaschic Christianity. Detroit, 1972. P. 89, 167, примеч. 29. Об эллинистических корнях этого оксюморона и его мистических употреблений в восточном и западном богословии см.: *Lewy H.* Sobria ebrietas: Untersuchungen zur Geschichte der Antiken Mystik. Giessen, 1929; *Krivocheine B.* Le thème de l'ivresse spirituelle dans la mystique de Saint-Syméon le Nouveau Théologien // *Studia patristica*. 1962. Vol. 5; *Solignac A.* Ivresse spirituelle // *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. Doctrine et histoire*. Paris, 1971. T. 7. Pt. 2. P. 2312—2337. О судьбе данного оксюморона в позднейшей русской панегирической традиции и литературной теории см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 252—253.

⁹⁴ См.: Отрывок обличения на Всешутейший собор. Ок. 1705 // *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории. М., 1888. С. 539; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII веков // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 482. См. также рассказ кн. И. И. Хованского о его рукоположении в сан «потешного» митрополита (со слов Григория Талицкого): Раскольничьи дела XVIII столетия, исследования из дел Преображенского приказа и Тайной Розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 68—69.

⁹⁵ Эта сцена была запечатлена А. Ф. Зубовым в гравюре 1701 г., изображавшей нисхождение Святого Духа на апостолов. Хотя эта гравюра была скопирована с иноземного иллюстрированного издания Библии, выбор темы был, видимо, продиктован политическим контекстом петровского двора. Благодаря исполнению этого заказа Зубов был произведен в «мастера». См.: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Imagery. P. 177—184, в особенности 179—181 (илл. 50 и 51).

⁹⁶ Святоотеческий концепт «трезвого пианства», особенно в его пятидесятилетнем изводе, встречался и в придворной гомилетике петровского времени, в том числе в проповедях царских проповедников Стефана Яворского и Фео-

фана Прокоповича. См.: *Стефан Яворский*. Слово осьмое. В неделю Пятидесятницы из темы: Примите Дух Свят. Иоанн. гл. к, ст. 3 // Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского... М., 1804. Т. 1. С. 163—179; *Феофан Прокопович*. Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе // Сочинения. М.; Л., 1961. Однако самый яркий пример функционирования этой темы в петровской придворной риторике представляет собой поздравительное письмо первого фельдмаршала новой русской армии Б.П. Шереметева царю от 27 сентября 1715 г. в связи с рождением наследника, Алексея Петровича. См.: Письма к государю императору Петру Великому, писанные от генерал-фельдмаршала... Шереметева. М., 1779. Т. 4. С. 120; см. также: Русский архив. 1909. 1, № 2. С. 173—174; *Zitser E.* Politics in the State of Sober Drunkenness: Parody and Piety at the Court of Peter the Great. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 2003. Bd. 51. № 1. S. 1—15.

⁹⁷ Неприязненное описание «слов смехотворных... шуток... и дел богонегуодных», сопровождавших «пророчества» Соковнина, см.: Дело о поданных царю тетрадах строителем Андреевского монастыря Авраамием [1697] // *Кафенгауз Б.Б.* И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950. С. 177—178; *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 80.

⁹⁸ Это «Евангелие» ныне находится в Музее Московского Кремля (инв. № ДК 1806/1-6).

⁹⁹ Описание ларца см.: *Забелин И.Е.* История и древности Москвы. С. 190—191, примеч. 2.

¹⁰⁰ Эмблемы и символы / Ред. А.Е. Махов. М., 1995. С. 252 (№ 727); о псалме 103 в этом контексте см.: *Lewy H.* *Sobria ebrietas*. S. 108, примеч. 1.

¹⁰¹ О биографии Меншикова см.: *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин: Историческая хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М., 1991; *Hughes L.* *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 432—441, 595.

¹⁰² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4, ч. 1. С. 438. Другой член «кумпании», А.В. Кикин, по иному поводу выражался сходным образом: «воздав благодарение Богу, торжествоую з Бахусом» (Там же. Т. 3. С. 592).

Глава 3

АПОСТОЛЫ И ОТСТУПНИКИ

С момента основания подмосковной столицы генералиссимуса Фридриха и избрания патриарха его шутовского царства ритуалы вступления в ближний круг Петра, бывшего ставленника нарышкинской партии, стали больше походить на церемонии светских христианских орденов, чем на чинный придворной церемониал его московских предшественников. Явная ориентация на образы *ecclesia militans*¹ позволяет объяснить, почему на празднествах, предшествовавших учреждению первого русского православного рыцарского ордена в 1699 г. и его пародийного аналога в 1709 г., придворные царя Петра Алексеевича одновременно выступали в роли рыцарей и апостолов. С одной стороны, атрибутика рыцарского ордена отсылала к учреждениям и традициям соседних христианских монархий: тем самым царь и его свита демонстрировали свою причастность к общеевропейскому придворному обществу. С другой стороны, «апостолы» русского царя, настойчиво акцентировавшие религиозную основу новоучрежденных орденов, в этом отношении отличались от своих европейских собратьев. Только после того, как члены «кумпании» Петра приняли на себя роль его апостолов, московский двор смог разглядеть в молодом царе преуказанного свыше монарха, способного единолично преобразовать Московское царство и сделать его полноправным членом системы европейских держав².

Однако странные (и острающиеся) символические акты, демонстрировавшие причастность юного царя к божественной благодати, на первый взгляд не имели ничего общего с его намерением повысить престиж России среди христианских стран Европы. В самом деле, могло ли паломничество к заброшенной в приполярной глуши святыне напоминать о «политическом» поведении современных европейских монархов? Имеет ли смысл искать в учреждении богохульного рыцарского ордена, посвященного Иуде

Искариоту, следы лелеемых самим Петром и его ближним кругом грандиозных имперских планов? Наконец, соотносятся ли все эти как будто не связанные между собой события с тем последовательным самоуничижением, к которому Петр прибегал в среде своих соратников? Как мы увидим в дальнейшем, и неожиданная поездка в церковь Преображения Пертоминского монастыря, и образование рыцарского ордена вместе с его кощунственным аналогом имели одну и ту же цель — сплотить вокруг Петра группу преданных помощников, уверовавших в царя-Спасителя и его замыслы, закрывшиеся когда-то в юношеских «потехах».

СЛУЧАЙНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Хотя кое-кто из ближайших политических советников Петра задумывался о строительстве военного и торгового флота еще в 1688 г., молодой царь смог приступить к осуществлению этого плана, свидетельствовавшего о масштабных имперских амбициях, лишь через некоторое время после дворцового переворота, *de facto* обеспечившего ему единоличную власть³. Даже после событий 1689 г. Петр вынужден был в силу церемониальных, политических и семейных обязательств придумывать изощренные оправдания своему жгучему интересу к постройке флота, неосуществленному замыслу своего отца⁴. Повод, к которому прибегал царь, не вызывал возражений даже со стороны его матери: задумав посетить верфи на Яузе или в Переяславле, он объявлял о поездке в какой-либо из близлежащих монастырей. Такого рода паломничества были важной частью привычной для Московского царства репрезентации власти: отправляясь на поклонение святыням, царь не только подавал пример почитания святых чудотворцев православной церкви, но и напоминал подданным о своей роли посредника между небесным и земным промыслом⁵.

Неудивительно, что Петр сослался именно на эту традицию, объясняя в письме к сводному брату и соправителю причины своего путешествия в Архангельск — на тот момент единственный русский морской порт. В июне 1694 г., возвращаясь из второй поездки на Белое море, Петр известил Ивана, что наконец исполнил давний обет посетить знаменитый Соловецкий монастырь и помолиться перед мощами свв. Зосимы и Савватия⁶. Он не стал упоминать, однако, о незапланированном паломничестве к мощам до той

поры не канонизированных преподобных Вассиана и Ионы, в Пертоминский монастырь — отдаленный скит Соловецкого монастыря. Не сообщил он и об обстоятельствах, способствовавших внезапному приливу страннического благочестия: судно, на котором он находился, едва не опрокинулось во время шторма как раз возле Пертоминского монастыря. Как мы попытаемся показать, это умолчание объясняется не только заботой о спокойствии родственников. Если бы московские корреспонденты Петра и их окружение узнали о том странном спектакле, который царь разыграл в ходе своего незапланированного поклонения мощам Вассиана и Ионы, им стало бы ясно, что за заверениями в братской и сыновней почтительности стояли смелые претензии молодого царя на единоличную власть. Эти сигналы очевидным образом предназначались для другой аудитории.

Оба паломничества в Архангельск (в 1693 и 1694 гг.), предпринятые Петром ради бесед с иностранными знатоками морского дела, испытания судостроительных новинок и приобретения собственного мореходного опыта, готовили почву для полугодового путешествия по Северной и Центральной Европе в 1697—1698 гг., а их символическое оформление содержало элементы складывавшегося тогда петровского сценария власти. Летом 1693 г., во время своего первого посещения Архангельска, Петр получил возможность осмотреть и проверить в деле новейшие корабли главных морских держав. В тот раз царь впервые вышел в море на небольшом двенадцатипушечном корабле «Святой Петр», носившем имя его небесного покровителя. Уже в середине сентября Петр стал строить планы на повторную поездку в Архангельск в следующем году. В первую очередь он намеревался выйти через Белое море в Ледовитый океан с целой флотилией, составленной из «Святого Петра» и еще двух пока не построенных кораблей. Их предполагаемые названия — «Апостол Павел» и «Святое пророчество» — обыгрывали тезоименитство царя с его флагманским кораблем и указывали на предначертанное юному монарху свыше имперское призвание. Оба путешествия в Архангельск позволили Петру не только опробовать достижения современного западного кораблестроения, но и подчеркнуть значимую роль, которую флот (и вообще морское дело со всеми его политическими, религиозными и культурными коннотациями) должен играть в новой экономической и международной политике России⁷.

В упомянутом выше письме к Ивану ни одна из истинных причин поездки Петра в Архангельск не названа. Анонимный автор послания объясняет действия Петра политическими, религиозными и семейными мотивами, полностью отвечающими традиционному облику благочестивого московского царя. О посещении Пертоминского монастыря в письме вообще речи нет, хотя упоминание столь отдаленных территорий могло бы только выгодно подчеркнуть серьезность молодого монарха в отправлении государственных обязанностей. К тому же на непризнанных пертоминских святых косвенно распространялось покровительство, оказывавшееся московскими царями Соловецкому монастырю, и в особенности одному из самых известных его настоятелей — св. Филиппу, бывшему в XVI в. московским митрополитом и считавшемуся наставником Вассиана и Ионы. В 1652 г. Филипп, низложенный и казненный при Иване Грозном, был канонизирован царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, духовным пастырем царя и вдохновителем известной церковной реформы. Никон сам сопровождал мощи святого из Архангельска в Москву, где Алексей в ходе торжественной церемонии перезахоронения останков просил у покойного архиерея прощения за «согрешения прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенные на тя нерассудно завистью и неудержанием ярости». Ритуальное покаяние Алексея Михайловича, как и вполне обдуманное смешение Романовых с Рюриковичами при именовании Ивана «прадедом», указывает на политическое значение перенесения мощей св. Филиппа: царь стремился освятить поддержанную им никоновскую реформу и таким образом укрепить за собой ведущую роль в конфессионализации своих подданных⁸. История посмертной реабилитации и канонизации св. Филиппа при участии царя Алексея проливает свет на интерес его младшего сына к ученикам митрополита. С одной стороны, поклонение Петра останкам свв. Вассиана и Ионы еще раз напоминало о благочестии Романовых и их постоянной деятельности в области церковных преобразований; с другой стороны, это паломничество возвышало молодого царя: прозревая святость двух монахов, еще не признанных святыми, он выказывал собственную причастность к божественной воле.

Согласно житию Вассиана и Ионы, в XVI в. два мертвых тела были выброшены на берег неподалеку от обители, куда приходили на поклонение промышлявшие в этой области рыбаки. И монахи, и окрестные жители тотчас признали в телах останки мона-

хов Вассиана и Ионы, утонувших в 1561 г. во время шторма. Анонимный автор жития описывал видение обнаруживших мощи рыбаков, которым преподобные повелели похоронить свои тела на том месте, куда их вынесло из моря, и рассказывал, что позже там же был построен храм Преображения Господня, ставший их усыпальницей. Им приписывались чудеса, и по этой традиции автор жития объяснял и спасение корабля с Петром и его свитой, и импровизированное паломничество царя к мощам Вассиана и Ионы небесным покровительством пертоминских святых⁹. Подразумеваемая притчу из Евангелия от Матфея (14: 24—33), где говорится о страхе и сомнениях апостола Петра, ходившего по воде, анонимный летописец описывает ужас, охвативший экипаж и пассажиров «Святого Петра» во время шторма. Но если в Евангелии этот мотив символизирует веру апостолов в божественность Христа, то в пертоминском житии подчеркивается роль Провидения в жизни человека (в том числе царя). Житие сообщает, что рулевому из местных все же удалось привести корабль в бухту, однако указывает, что мореплаватели верили свою судьбу Господу и «двум утонувшим монахам, и после смерти живущим»¹⁰.

Судя по поведению Петра после неожиданного спасения, он был вполне склонен согласиться с версией пертоминских монахов, приписавших чудесное избавление от шторма вмешательству двух святых. В течение своего четырехдневного пребывания в Пертоминском монастыре в июне 1694 г. царь приказал достать из земли останки Вассиана и Ионы и просил освидетельствовать их холмогорского архиепископа Афанасия, реформистски настроенного священника, сопровождавшего его в путешествии. Однако Афанасий, по словам жития, то ли не был расположен к самому монастырю, то ли не доверял истории преподобных чудотворцев и потребовал доказательств их святости. К вящей радости монахов Пертоминской обители, царь побудил архиепископа тотчас произвести необходимые для канонизации процедуры. Афанасий уступил настояниям Петра и, несмотря на то что было обнаружено только одно тело из двух, признал в мощах святыню, и их перезахоронили в монастырской часовне. Архиепископ отслужил благодарственный молебен и торжественную литургию, в ходе которой царь сам пел в хоре и читал отрывки из Апостола. В заключение церемонии Петр по традиции пожаловал монастырю деньги, продовольственные запасы, земли, ассигнования на постройку новых строений и права на рыбную ловлю¹¹.

Скоропалительная канонизация Вассиана и Ионы обещала политические выгоды, которые царь намеревался извлечь из истории своего чудесного спасения. Причисление пертоминских чудотворцев к лику святых способствовало укреплению личной харизмы Петра. Явно оглядываясь на легенду, согласно которой святые просили похоронить себя на том берегу, где были найдены их тела, царь решил увековечить место, у которого его судно пристало к суше. Там был установлен четырехконечный сосновый крест высотой в полторы сажени с надписью самого Петра на искаженном голландском: «Крест сей поставил Капитан Петр в год Господень 1694»¹². Эта надпись напоминала о «потешной» роли «большого шипгера» (шкипера), принятой на себя царем в переписке того времени¹³.

И форма креста, и непонятное «римское» начертание букв озадачили монаха, описывавшего в житии пертоминских святых пребывание Петра в обители. Столь же необычными были и другие поступки царя в последний день, проведенный в монастыре: он не только сам сделал крест, снизойдя до ремесла простого плотника, но и донес его до места высадки корабля на собственной спине¹⁴. По аналогии с историей восхождения на Голгофу Петр в буквальном смысле согнулся под тяжестью креста. В отличие от Иисуса, однако, Петр не был покинут своими апостолами: свита со всей торжественностью шествовала за ним из храма Преображения Господня вниз, к морскому берегу, и помогала нести тяжелое бремя. Принимая во внимание активное участие в церемонии ведущих иерархов Преображенного царства, в том числе Н.М. Зотова и Т.Н. Стрешнева, соответственно «князь-папы» и «новгородского митрополита» Всешутейшего собора¹⁵, можно предположить, что символической целью действия стала демонстрация неколебимой веры петровских апостолов своему патрону после совсем недавнего испытания их стойкости на борту «Святого Петра».

Сопровождая Петра в паломничестве в очередной храм Преображения Господня, члены Ново-Преображенской «кумпании» придавали священный характер действиям царя и в шутовской форме обыгрывали его политическую программу, которая в Москве все еще вызывала только насмешку. Это необычное представление адресовалось всем спутникам царя, включая непосредственных постановщиков спектакля. Тот факт, что непредвиденная церемония была выдумана *ad hoc*, соответствует социологическим представлениям о харизматической власти: носитель ее должен постоянно

предоставлять окружающим необычные и внезапные доказательства своей избранности¹⁶. Вера в благодать Петра укрепляла особое чувство солидарности среди тех, кто наблюдал за церемонией или сам помогал в водружении креста на беломорском берегу. Божья помощь, на которую уповали пассажиры царского корабля во время шторма, благодаря символическим манипуляциям постановщиков пертоминского спектакля стала предвестием политического преобразования. Трепетавшие за свою жизнь придворные были вынуждены отбросить память о страхах и горестях и целиком верить себя царю, снискавшему божественную милость. В переноске и установке памятного креста должны были участвовать все спутники Петра, независимо от того, разделяли они веру в окончательный успех монаршего промысла или нет. Ритуал, разыгранный в последний день пребывания царя в храме Преображения Господня Пертоминского монастыря, таким образом, был вписан в ту аллегорическую схему петровского правления, которая была задана за несколько лет до того в царском поместье, получившем свое имя в знак петровского Преображения.

Шествие с крестом и обдуманый выбор Апостола для чтения во время канонизации свв. Вассиана и Ионы лишней раз указывали на сходство между приближенными царя и учениками Спасителя. Эту аналогию поддерживал и намек на притчу из Евангелия от Матфея в рассказе о чудесном спасении царского корабля, и надпись на кресте, в которой было заложено скрытое сравнение спутников монарха с апостолами божественного кормчего-Христа¹⁷. Такое толкование было отчасти навязано самим Петром: сделанный им крест не имел привычной для православных восьмиконечной формы и скорее походил на корабельную мачту. Плотницкое дело, приверженность к которому Петр непрестанно демонстрировал в портовых доках и подчеркивал в переписке со своими московскими корреспондентами, перекликалось с ремеслом, закрепленным в церковной традиции за Христом. Образ «царя-плотника», таким образом, прямо отсылал к фигуре Спасителя, «нового Адама»¹⁸. Вместо страдания в земном и искупления в небесном промысле, о которых должна была напомнить параллель с Христом, царь с помощью этой метафоры предлагал окружающим увидеть знак спасения на земле и для самого себя, и для своих приближенных, и для всего царства (если учесть государственное значение судостроительства). По замыслу организаторов этой церемонии, ноша, которую царь символически взвалил на себя — задача сде-

лать из замкнутого Московского царства полноценную морскую державу, — была столь же сверхъестественной, как и чудесное извлечение «Святого Петра» от смертоносной бури. Для тех, кто верил в Провидение, православных чудотворцев и особую благодать «большого шипгера», история спасения «Святого Петра» ясно показывала, что царь, подобно своему небесному патрону, мог бы пройти и по воде (см. илл. 4¹⁹).

ОРДЕН ЛОВЦОВ

В канонизации пертоминских святых важную роль играло еще одно метафорическое совпадение — рыбацкий промысел, объединявший почитателей Вассиана и Ионы с новозаветными «ловцами людей», которые оставили когда-то свои сети ради преобразования мира, заповеданного их божественным учителем. В рамках парадигмы московского барокко²⁰, допускавшей в определенных случаях взаимозаменяемость имен и предметов, беломорские чудотворцы могли занять место апостолов, первых последователей Христа. В контексте же придворной панегирической риторики петровского царствования конца XVII в. история Вассиана и Ионы напоминала о св. Петре, который, в свою очередь, ассоциировался как со своим священным двойником, св. Павлом, так и со своим же братом, апостолом Андреем²¹. Последний, однако, служил отнюдь не только для полноты аллегории: апостол Андрей почитался как заступник путешественников и мореплавателей и одновременно как небесный покровитель Руси, поскольку именно ему церковная традиция приписывала крещение восточных славян. Водное путешествие Петра через всю Россию к Северному Ледовитому океану отчасти пересекалось с историей апостола, что давало царю возможность использовать и это уподобление в символическом оформлении своего предприятия. Вариант житийной легенды Андрея, включенный в Повесть временных лет, в некотором смысле предугадывал паломничество Петра и его приближенных²². Как и св. Андрей, царь плыл по русским рекам в поисках северного выхода к морю; как и апостол, Петр обнаружил на пути неизвестную святыню и водрузил на ней крест. Однако если древний летописец привлек историю св. Андрея, чтобы подчеркнуть роль Киева в распространении христианства среди славян, населявших берега торговых рек между западной и восточной частями Римской империи,

то оба путешествия Петра на север отражали его имперские, все-российские планы. Неудивительно, что первым подступом к воплощению Преображенного царства стало учреждение рыцарского ордена, носившего имя св. Андрея.

Эту номинацию стоит рассматривать и как знак грандиозного замысла царя, и как ход во внешнеполитической борьбе Московского царства за признание имперского статуса. Начиная по крайней мере с VII в. образ апостола Андрея играл важнейшую роль в соперничестве римской и константинопольской церквей. Претензии римских епископов на превосходство перед восточной церковью опирались на авторитет их предшественника, апостола Петра, которому сам Иисус доверил заботу о своем учении. Константинопольские иерархи, напротив, возводили начала христианской церкви к епархии в городе Византии, по преданию основанной св. Андреем. Тот факт, что именно Андрей привел брата к Христу, использовался византийской церковью как важный аргумент в споре за старшинство. К 1453 г., когда «второй Рим» оказался под властью турок, обе стороны согласились признать подлинность легенды о св. Андрее²³. Пока Константинополь оставался в руках Порты, а единственной христианской державой, претендовавшей на наследие древнего Рима, оставалась империя Габсбургов, казалось, что восстановление Восточной Римской империи или Восточной церкви невозможно. Однако не позднее XII в. предание о св. Андрее и его епархии проникло в Россию и было использовано русскими правителями, примерявшими на себя роль основателей «Третьего Рима». Нараставшие начиная с Ивана III державные аппетиты Московского царства неминуемо должны были привести к возвращению этого предания в политическую риторику. Основание ордена Св. Андрея Первозванного при дворе царя Петра Алексеевича означало возрождение старого спора между римско-католической и греческо-православной империями как в политическом, так и рыцарско-религиозном плане²⁴.

Судя по самым ранним источникам, изначально орден св. Андрея планировался как православный аналог католических братств, находящихся под юрисдикцией Священной Римской империи, в частности морского ордена мальтийских рыцарей-крестоносцев²⁵. По свидетельству Иоганна Георга Корба, секретаря имперской миссии при русском дворе, в марте 1699 г. боярин Ф.А. Головин (1650—1706), возглавлявший тогда внешнеполитическое ведомство, «первый посол» недавнего Великого посольства, хвастался

габсбургскому представителю только что полученными орденскими знаками и рассказывал о новом братстве²⁶. В своем дневнике Корб писал, что царь учредил его ради поощрения отличившихся во время Азовских походов 1695—1696 гг., когда православная Московия выступала заодно с державами католической Священной лиги, объединявшей Священную Римскую империю, Венецию, Речь Посполитую и Мальтийский орден. По предположению Корба, основание рыцарского ордена было вызвано стремлением Петра подражать другим монархам христианской Европы, в особенности императору Леопольду I. В доказательство своей гипотезы Корб вспоминал особое благорасположение царя к Б.П. Шереметеву (1652—1719), дипломату и будущему генерал-фельдмаршалу, который только что вернулся из-за границы почетным членом Мальтийского ордена²⁷. Действительно, девиз первого русского ордена «За веру и верность» явным образом перекликался с девизом мальтийских рыцарей «*Pour la foi*». Даже название ордена имело свои истоки в Западной Европе: имя св. Андрея носили два католических братства — старый шотландский орден, более известный под названием Ордена чертополоха, и имперский орден Золотого Руна, посвященный Богоматери и первозванному апостолу²⁸.

Орденские атрибуты, избранные царем для новоучрежденного братства, были заимствованы, однако, не из католической традиции, а из эмблематики старейшего рыцарского ордена, по легенде основанного византийским императором Константином Великим²⁹. Сама по себе отсылка к фигуре Константина ничуть не удивительна: еще до падения «второго Рима» русские монархи, претендовавшие на политическое и религиозное наследие Византии, сравнивали себя с первым христианским императором. Однако вместо канонического образа благочестивого императора, сделавшего Византию христианской державой, Петр обратился к иному толкованию роли Константина — богоизбранного царя-воина. В этом отношении, как и во многих других, Петр следовал примеру отца: Алексей Михайлович на протяжении своего царствования многократно вспоминал о военной славе легендарного императора, в том числе о кресте Константина, якобы явившемся императору в ознаменование будущей победы над Максентием. Этот сюжет был распространен в средневековой геральдической символике Европы. Алексей Михайлович даже распорядился перенести в Москву «остатки» креста, хранившиеся в православном монастыре на Афоне³⁰.

Поклонение Константинову кресту как символу божественного предназначения и воинских побед унаследовали дети Алексея Михайловича, в том числе его младший сын, продолживший боевые действия против мусульманских владык Константинополя. Так, в 1696 г., когда Петр вновь собирался отбить Азов у Порты, Константинов крест украшал штандарты только что учрежденного «морского регимента»³¹. После того как в 1695 г. сухопутные войска Петра потерпели неудачу под Азовом, царь и его военные советники решили блокировать крепость с моря и создали флот в надежде на исполнение девиза, начертанного на его знамени, — «Сим победиши». В 1696 г., на церемонии торжественного въезда царственного «капитана» в Москву, Петр прошел в рядах морского регимента через триумфальные ворота под надписями «Возврат с победы царя Константина» и «Победа царя Константина над нечестивым царем Максентием римским»³². Хотя оба соперника были названы здесь «царями», для зрителей и участников действия разница между византийским «базилевсом», духовным предком русского православного царя, и иноверцем-«цесарем», предшественником католического властителя Священной Римской империи, была очевидна. Можно думать, что участие флота в первой крупной победе Петра поддало повод к основанию православного ордена рыцарей-мореходов, которые, по замыслу царя, благодаря воинской дисциплине и христианскому благочестию смогли бы одолеть мусульманские орды и соперничать с католическими братствами Священной Римской империи.

После учреждения первого русского рыцарского ордена, увековечившего пертоминское крестовоздвижение, Константинов крест уступил место Андреевскому кресту, который осенил зарождающийся русский флот и будущую Империю. Как когда-то на беломорской Голгофе, Петр не стал нести этот крест в одиночку. Первыми кавалерами ордена стали его ближайшие советники и доверенные лица, в особенности участники дипломатических кампаний конца XVII в., когда Россия собирала коалицию против Швеции, оставаясь (в качестве члена Священной лиги) в состоянии войны с Османской Портой. Помимо руководителя внешнеполитического ведомства Ф.А. Головина, в братство вошли И.С. Мазепа, гетман Левобережной Украины, и православный господарь Валахии Константин Бранкован, формально вассал турецкого султана, втайне вербовавший моряков для русского флота³³. Почет и бремя государя доверия символизировал орденский знак с изображением св.

Андрея, распятого на Х-образном кресте, который носили на особой голубой ленте (см. илл. 5). Кавалеры братства брали на себя обязательства неизменно действовать в политических интересах Петра, исполняя орденский девиз «За веру и верность». Подобно тем, кто помогал Петру установить крест в честь пертоминских святых, рыцари Андреевского ордена должны были «возложить на выи иго» веры (Деяния 15:10), став преданными последователями своего царственного главы и его небесных покровителей.

ПОЛЬЗА ОТСТУПНИЧЕСТВА

Петр прибегал к импровизированным ритуалам, призванным утвердить веру придворных в его личную харизму, не только в первые годы своего царствования. Провиденциальный потенциал его политических планов, обнаружившийся при основании Преображенного царства в 1691—1692 гг. и подтвержденный пертоминскими церемониями 1694 г. и триумфальным шествием 1696 г., обеспечил символическое оформление самого тяжелого момента Северной войны — измены гетмана Мазепы, неожиданно для царя перешедшего осенью 1708 г. на сторону Карла XII. Событие, грозившее провалом всей военной и дипломатической кампании, Петр и его окружение относительно легко сумели превратить в поворотный момент конфликта между Россией и Швецией и подчинить господствующему мифу о богоизбранном царе. Играя на политических и религиозных значениях учрежденного царем христианского братства, они представили Мазепу Иудой Искаротом — учеником, предавшим *своего* помазанника-«христа» за тридцать сребреников. Этот мотив главенствовал в глумливых обрядах, разыгранных русскими дипломатами после Полтавской битвы; анализ этих ритуалов исключения покажет, каким образом петровская свита сумела превратить отступничество второго кавалера Андреевского ордена в политически значимую демонстрацию харизматической власти своего царского патрона³⁴.

Демарш украинского гетмана, подавший повод для двухвековых конфессиональных, а затем и национальных споров, объяснить не так трудно³⁵. Чем дольше длилось дорогостоящее и изрядно затянувшееся противостояние России, Швеции и Польши, тем больше Мазепа опасался агрессивного вмешательства русских в украинские политические дела. Шатким становился и сам институт

гетманства. Сомневаясь, что Петр, озабоченный собственными военными трудностями, сможет защитить Украину от казавшихся непобедимыми армий Карла XII и его ставленника польского короля Станислава Лещинского³⁶, гетман всего за несколько месяцев до Полтавского сражения перешел в лагерь Карла, ошеломив своих бывших союзников. Ни Петр, ни его советники не могли ожидать такого поступка от семидесятилетнего старика, верой и правдой служившего как русским царям, так и украинской верхушке с первого года своего гетманства (1687). Вести об измене Мазепы пришли накануне битвы, которая обещала стать кульминацией всей кампании; русским предстояло воевать с Карлом, не надеясь на чью-либо помощь. Неудивительно, что предательство гетмана вызвало панику в ставке русской армии.

Новость мгновенно стала всеобщим достоянием; вскоре стало ясно, что переход Мазепы во вражеский стан может обернуться крушением не только завоевательных планов Петра, но и всей его политики. Гетман подорвал влияние русского царя на Украине и ушел неотмщенным. Более того, он продолжал отстаивать свою правоту в воззваниях и манифестах, распространявшихся по всей Украине с октября 1708 г. Царь не мог оставить предателя без наказания: в ноябре того же года дипломатическое ведомство развернуло борьбу против агитации, исходившей от Карла и Мазепы³⁷. Письменные увещевания сопровождалось двумя наглядными акциями, главная роль в которых была отведена беглому гетману, бывшему кавалеру Андреевского ордена.

6 ноября 1709 г. царский любимец А.Д. Меншиков и Г.И. Головкин (1660—1734), глава Посольского приказа, спешно собрали в Глухове остатки не ушедших с Мазепой казаков³⁸. Во время выборов нового гетмана по приказу русских военных властей в городе был возведен большой помост, а на главной площади — виселица. Под грохот барабанов к помосту вынесли чучело гетмана, выполненное в натуральную величину и украшенное рыцарским орденом на голубой андреевской ленте. Меншиков с Головкиным ждали, когда куклу поднимут на эшафот. Оказавшись прямо перед ней, оба кавалера Андреевского братства порвали документ, удостоверявший членство Мазепы в ордене, и тотчас же сняли с «персоны» орденские знаки. После оглашения преступлений гетмана палач сбросил оголенное чучело на землю; его опутали веревками и потащили по улицам к виселице. Палач сломал фамильную печать Мазепы, саблю, все еще привязанную к бедру куклы, и, наконец, повесил ее³⁹.

Через несколько дней, 12 ноября 1709 г., русский царь и его приближенные лично присутствовали на официальном богослужении, приуроченном к избранию нового гетмана (Ивана Скоропадского), в ходе которого киевский митрополит трижды предал Мазепу анафеме. Менее чем неделю спустя в Москве местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский повторил проклятия в адрес Мазепы в присутствии наследника и высших московских кругов⁴⁰. Обе акции стали частью целой кампании, последовавшей после измены гетмана: переход к врагу нужно было представить как измену православной вере. Но для Петра отлучить Мазепу от церкви и обречь на вечные муки было недостаточно. Унизительный ритуал, когда с чучела Мазепы срывали орденские атрибуты и втоптывали в грязь, демонстрировал, что гетман оскорбил царя лично, изменив его рыцарскому братству. Мазепа в глазах Петра «стал изменник и предатель своего народа»⁴¹ — не только украинских казаков и всех православных славян, но и кавалеров Андреевского ордена.

27 июня 1709 г., когда шведские войска были разгромлены русской армией под Полтавой, Мазепа находился при Карле. Большая часть побежденных сдалась в плен, но королю и гетману с небольшим отрядом удалось покинуть поле боя. На протяжении июля русский царь и его соратники надеялись на поимку направившихся в Турцию беглецов, которые в противном случае могли убедить султана Ахмеда III выступить на их стороне. Стремясь избежать войны на два фронта, 1 и 2 июля Петр послал два кавалерийских полка под начальством бригадира Кропоткина и генерал-майора кн. С.Г. Волконского на поиски «полтавских недобитков». Кн. Волконский получил подробные наставления, сочиненные царем и подписанные Меншиковым, о доставке Карла и Мазепы в Россию⁴². В это же время Петр и Головкин отправили послания всем правителям сопредельных стран с просьбой «изменника Мазепу <...> поймать и за караул взять» и скрытыми угрозами в адрес тех, кто пожелает укрыть беглецов⁴³. Очевидно, в начале июля царь и его советники всё еще рассчитывали схватить своих врагов.

Ради того, чтобы в полной мере осудить преступника, дипломатической переписки было недостаточно; преследование изменника Мазепы стало отправной точкой для учреждения глумливого аналога Андреевского ордена. А.Я. Шукин (ок. 1669—1729), обер-секретарь Ингерманландской канцелярии, ведавшей среди прочего устройством новой столицы⁴⁴, в течение месяца, пока в украинских степях шла погоня за Мазепой, получил одно за другим три

распоряжения о чеканке особой серебряной памятной медали (буквально — «монеты»; см. илл. 6). Первое письмо, посланное всего через две недели после Полтавской битвы, было отправлено дипломатической почтой 11 июля 1709 г. Запечатанное и подписанное кн. А.Д. Меншиковым, главой Ингерманландской канцелярии, оно содержало следующее указание: «По получению сего сделайте тотчас монету серебряну весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Иуду на осине повесившегося и внизу тридесять серебряников лежащих и при них мешок, а назади подпись против сего: “Треклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится”. И к той монете сделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно»⁴⁵. Меншиков повторил приказание в двух более поздних корреспонденциях к Шуйкину. Последнее письмо от 9 августа 1709 г. было послано через неделю после того, как Карл со свитой сумел перейти украинскую границу, избежав плена. Хотя султан отказался выдать шведского короля, петровские дипломаты надеялись получить Мазепу: подданный русского царя должен был именно перед ним отвечать за измену⁴⁶. Ясно, что Петр и Меншиков до последней минуты рассчитывали на то, что Мазепа так или иначе попадет в их руки. Серебряная цепь и медаль с изображением Иуды, постоянно обсуждавшиеся ими, скорее всего предназначались для мести предателю.

Согласно предписаниям, приложенным позднее к первоначальной директиве, служащие Ингерманландской канцелярии наняли серебряных дел мастера Матвея Алексеева для чеканки заказанной медали весом 12,5 фунтов серебра⁴⁷. За одиннадцать дней, прошедших между первым письмом Меншикова и официальным указом о чеканке «монеты», упоминание «треклятого сына погибельного, Иуды» заменилось цитатой из Евангелия от Матфея (Мф. 27:9): «и прияша тридесять сребренников, цену цененнаго, Его же цениша от сынов Израилевых»⁴⁸. В тексте Евангелия речь идет о том, как первосвященники поступили с деньгами, оставшимися после Иуды: чтобы не осквернять церковную сокровищницу нечестивыми монетами, они «купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та “землею крови” до сего дня». Перенос этого сюжета на актуальные события дает возможность увидеть в этой надписи предупреждение всем, кто осмелится выступить против боговдохновенного русского монарха. В таком случае надпись на медали и изображение Иуды могли служить своего рода пророчеством: намек на Полтаву, став-

шую местом погребения шведских солдат, означал, что и любой будущий враг России обречен окончить дни на подобной «земле горшечника». Судя по действиям Меншикова, только что разорившего гетманскую столицу и получившего приказание вторгнуться в Польшу, чтобы свергнуть Станислава Лещинского, надпись не была пустой угрозой⁴⁹.

Библейский текст, отчеканенный на медали, вводил еще один постоянный мотив символики Преображенного царства — аналогию между Христом и царем Петром, основателем ордена св. Андрея. Как и Спаситель, царь был предан одним из избранных учеников, входивших, хотя бы в силу членства в ордене, в узкий круг приближенных, причастных к божественной благодати монарха. Изменив Петру, Мазепа уподобился тем «сынам Израилевым», которые «оценили» когда-то своего святого учителя. Предательство по отношению к рыцарскому ордену с православным царем во главе стало изменой и св. Андрею, небесному покровителю братства, и самому Христу. В отместку фаворит царя и другие верные сподвижники (некоторые из них — например, канцлер Головкин — одновременно принадлежали ко Всешутейшему собору и к Андреевскому ордену) включили предателя в дьявольское братство врагов Христа — орден Иуды.

Исходя из анализа инструкций Меншикова Шукину, можно предположить, что тяжелая медаль на цепи из серебра должна была стать унижительной пародией Андреевского креста и орденской ленты, сорванных с чучела Мазепы. Новые знаки служили, вероятно, атрибутикой ордена Иуды, первым кавалером которого и должен был стать изменник гетман. Иудина медаль, отсылавшая к предательству Мазепы — одному из самых тяжелых эпизодов войны, не помешавшему, однако, успеху Петра, — иронически обыгрывала памятные знаки полтавской победы: если каждый отличившийся в битве должен получить награду, то и неверный андреевский кавалер будет поощрен за свой предопределенный свыше «вклад» как в саму викторию, так и в общий триумф богоизбранного русского царя⁵⁰.

КАВАЛЕР ОРДЕНА ИУДЫ

Если первоначальным назначением Иудиной медали было наказание Мазепы, то цели своей царь и его приближенные не достигли. Гетман сумел уйти от преследования, несмотря на все уси-

лия, приложенные к его поимке, но, сломленный поражением и бегством, умер всего через несколько месяцев после того, как нашел убежище в Бендерской крепости. Надежды на его публичное исключение из Андреевского ордена и унижительное принятие в орден Иуды рухнули. Однако план кошунственного братства, задуманного по этому случаю, продолжал существовать. Дальнейшая судьба Иудиной медали только подчеркивает тесную связь между замыслом рыцарского ордена, внешнеполитическими интересами Петра и харизматической символикой его двора. Не теряя своего *raison d'être*, воображаемый глумливый орден, лишенный каких бы то ни было знаков существования, кроме Иудиной медали, стал на короткое время частью памятной полтавской атрибутики.

Уже зимой 1709 г., всего через несколько месяцев после изготовления медали, царь разыграл шутовую сценку перед чрезвычайным послом Дании Юстом Юлем, только что прибывшим в Россию для переговоров. Во время первой встречи с Петром в недавно отвоеванной Нарве дипломат обратил внимание на Иудину медаль, висевшую на шее князя «Jacobskoу» (Шаховского) — одного из титулованных придворных шутов, которых царь держал при себе и называл «патриархами»⁵¹. В своем дневнике Юль передал историю происхождения глумливого ордена, которую, по его словам, слышал от самого царя:

Царь рассказывал мне, что шут этот один из умнейших русских людей, но при том обуян мятежным духом: когда однажды [Царь] заговорил с ним о том, как Иуда-предатель продал Спасителя за 30 сребреников, Шаховской возразил, что этого мало, что [за Христа] Иуда должен был взять больше. Тогда в насмешку [Шаховскому] и в наказание за то, что он [как усматривалось] из его слов, казалось, тоже был бы не прочь продать Спасителя, если б Он жил [в настоящее время], — только за большую цену, царь тотчас же приказал изготовить вышеупомянутый орден Иуды с изображением сего последнего, [в то время] как он [собирается] вешаться⁵².

Шуточный монолог, записанный ничего не подозревающим посланником, далеко не исчерпывался стремлением царя объяснить дипломату, почему шут носит Иудину медаль. Пересказанный царем анекдот имел вполне определенный политический контекст. На переговорах, которые Юль вел с Петром по поручению датской стороны, одной из центральных тем была Полтавская победа⁵³:

шутка об Иудином предательстве недвусмысленно напоминала об измене Мазепы, едва не стоившей царю короны и самой жизни. Намекая на ту высокую цену, в которую ему едва не обошлось предательство гетмана, царь подразумевал сравнение между неверным гетманом и своим новым союзником — королем Дании. Одно то, что посланнику Иудина медаль была продемонстрирована именно в Нарве, где русские войска потерпели сокрушительное поражение в 1700 г. как раз после капитуляции датчан перед Карлом XII, не оставляло сомнений в иносказательном характере анекдота; недавние действия короля Фредерика IV, в самом начале Северной войны уже проявившего себя ненадежным союзником, выйдя из сепаратного договора против Швеции и оставив тем самым силы Петра один на один с армией Карла, добавляли актуальности этому разговору. Настояв на том, чтобы первая встреча с датским дипломатом проходила в Нарве, куда Петр вернулся, уже пожав внешнеполитические плоды Полтавской победы, царь давал понять, что после преодоления первоначальных трудностей он и его армия сами, без мнимых помощников, справились со шведами. Следовательно, если датчане хотят участвовать в разделе империи Карла, то им придется или идти на условия Петра, или остаться в стороне (а то и попасть в лагерь врагов и предателей).

Таким образом, монолог, разыгранный перед датским послом, содержал завуалированный выпад против его короля. Дипломат то ли не вполне понял подоплеку анекдота, то ли не стал доверять ее дневнику. В любом случае, он был не единственным и, может быть, даже не главным адресатом царских намеков. Достаточно внимательно присмотреться к персоне князя Шаховского, которого Петр избрал вместо Мазепы на роль первого кавалера ордена Иуды, чтобы убедиться, что в полной мере оценить многозначность царского рассказа могли только русские собеседники монарха. Представители старомосковской знати, хорошо помнившие историю отношений русской царствующей фамилии с родом Шаховских и осведомленные о положении шутов при московских царях, ясно понимали, что «мятежный дух», за который шут удостоился звания рыцаря Иудина ордена, обозначал не только измену украинского гетмана или датского короля, но и внутренние происшествия русского двора.

Семья Шаховских к тому времени уже имела длинную историю противостояния с Романовыми. Один эпизод, по-видимому, надолго запомнился московской аристократии. Летом 1620 г. сразу не-

сколько Шаховских, собравшись в доме приятеля семейства «Илейки Бочкина», представили в лицах пародию на выборы царя Михаила Федоровича. Князь Матвей Федорович, двоюродный дед будущего Иудина кавалера, был назван «царем» и посвящен в монаршее достоинство «затейным воровским обычаем», как сформулировано в бумагах следствия, а его родные и двоюродные братья играли при шуточной церемонии роли бояр — высших сановников государства⁵⁴. Политическая пародия выборов царя подчеркивала относительно низкое происхождение Романовых: царствие их династии не было предначертано Божьей волей, но определено простыми смертными, а следовательно, другая, более знатная фамилия, хотя бы Шаховские, вполне могла бы заменить их на престоле⁵⁵. Последнее не было пустой угрозой: так, другой князь Шаховской, Григорий Петрович, принимал деятельное участие еще в восстании Болотникова⁵⁶. В 1620 г. в результате одного из самых ранних расследований «слова и дела» Шаховские были признаны виновными в измене и приговорены Боярской думой к смертной казни. Однако по ходатайству патриарха Филарета, отца Михаила Федоровича и его неизменного советника в делах, вместо казни Шаховские подверглись высылке и заключению в «понизовые города» на Волге и в Сибири. В Москву самозванный «царь» и его «свита» вернулись лишь четырнадцать лет спустя, дав торжественную клятву «свои великие вины покрывать службою» подлинному царю из дома Романовых⁵⁷.

К моменту посвящения князя Юрия Федоровича (ок. 1671—1713) в рыцари ордена Иуды семейству Шаховских еще не удалось полностью освободиться от «великих вин» предков. Кавалерство в Иудином братстве было не первым в ряду прозвищ и насмешливых титулов, присужденных Шаховскому Петром и его свитой. Биография Шаховского показывает, что, несмотря на многочисленные свидетельства недоброжелательных к нему современников, его роль при дворе отнюдь не исчерпывалась местом шута. Всю свою жизнь князь провел при московских царях; ему недурно платили, и положение его было довольно значительным⁵⁸. Шаховской начинал с небольших должностей в свитах разных представителей царской фамилии; в 1687 г. вместе с младшим братом он был переведен из окружения царицы Прасковьи Федоровны (урожденной Салтыковой, жены царя Ивана Алексеевича) ко двору царя Петра. В 1696 г., после победоносной Азовской кампании, царь назначил Шаховского стольником при своем дворе⁵⁹. К этому времени князь уже

входил в ближний круг Петра. В начале 1690-х гг., сразу после избрания потешного патриарха Преображенного царства и образования его «неосвященного собора», Шаховской, как и многие другие члены царской свиты, получил шутовской церковный титул. Исполняя роль «архидиакона Гидеона» — «объятого Духом Господним» библейского судии, трубою сзывавшего к почитанию истинного Бога (Суд 6: 34—35), Шаховской формировал списки участников святочных празднеств⁶⁰.

Отрывочные сведения о положении Шаховского в период Северной войны позволяют предположить, что князь, помимо службы во главе одного из подразделений Ингерманландской канцелярии⁶¹ (той самой, которой было поручено изготовление Иудиной медали), осуществлял связь между царем и двумя его ближайшими соратниками — А.Д. Меншиковым и И.А. Мусиным-Пушкиным, руководителем московского Монастырского приказа и членом Всешутейшего собора (под именем «Ианикия, митрополита Киевскаго и Гадицкаго»)⁶². Всю войну Шаховской, по-видимому, провел в постоянных разъездах между двумя столицами, в составе царской свиты или как личный посланец Петра⁶³; вероятно, по этой причине до нас дошло совсем немного его писем того времени. Как бы то ни было, князь продолжал исправлять обязанности ближнего стольника до 1710 г., когда получил место в Боярской думе⁶⁴; впрочем, это назначение носило скорее характер почетной награды и не обеспечивало действительного служебного роста. Князь стал одним из последних членов Думы, уже уступавшей место новым органам, таким, например, как «консилия» в Ново-Преображенском под начальством князь-кесаря Ромодановского.

Князь Б.И. Куракин, оставивший едкое описание петровского окружения конца XVII в., характеризует Шаховского как человека, полностью зависящего от милостей монарха и способного ради них на всё. По Куракину, Шаховской — «дурак из знатных персон», шпион и доносчик, стремящийся унижить почтенных людей «при обедах и других банкетах». Однако, в отличие от других царских шутов, Шаховской «ума немалого и читатель книг», что в устах полиглота Куракина звучит весомой похвалой. Тем не менее это единственное доброе слово, которое Куракин находит для Шаховского; та же фраза продолжается словами: «токмо самой злой сосуд и пьяной, и всем злодейство делал, с первого до последнего». И далее: «И то делал, что проведывал за всеми министры их дел; и потом за столом, при его величестве, явно из них каждого лаевал

и попрекал всеми теми их делами, чрез которой канал его величество все ведал». Уничжительное прозвище «Лепень-прилипало», которым Куракин награждает царского шута, отсылает, вероятно, к его наушничеству⁶⁵; иными словами, мемуарист подчеркивает важную роль Шаховского в борьбе Петра за дисциплину в придворной и должностной среде. Шаховской, как позднее фискалы и обер-прокурор, помогал Петру следить за тем, чтобы чиновники не воровали, не уклонялись от своих обязанностей и, самое главное, были преданы царю и не злоумышляли против него⁶⁶.

Исходя из истории семьи Шаховских, а также из деятельности самого князя Юрия Федоровича — личного осведомителя Петра, можно предположить, что он был посвящен в орден Иуды в 1709 г. в знак искупления грехов предков. Выявление изменников, Иуд, покушающихся на благополучие своего высокого наставника, позволяло Шаховскому смыть пятно предательства с собственного рода и обязывало не допускать впредь поминания царского имени всуе. Неслучайно в 1711 г. «высокородный князь и ближний боярин» был назначен на только что учрежденную должность «генерал-гевалдигера» — главы полицейской части в войсках⁶⁷. Исходя из новонайденного списка семи распоряжений, сообразуясь с которыми он должен был отправлять свою должность, 2 июня 1711 г. Шаховской получил в команду весь штат военной полиции, включая вооруженные конные отряды и палачей с орудиями их ремесла. В исполнение этого нового царского поручения Шаховской судил, выносил приговоры и при необходимости наказывал изменников, дезертиров и всех провинившихся в беспорядках солдат и офицеров в период Прутской кампании против Османской империи. Во время планировавшихся тогда долгих маршей по Балканам князю было приказано с особой дотошностью следить за нарушителями боевого строя и «вешать без всякой пощады» всех, кто своевольно оставлял воинские ряды перед лицом врага⁶⁸. Будучи фактически главным палачом русской экспедиционной армии, кавалер Иудина ордена стоял, таким образом, во главе ведомства, ответственного за повешение предателей на виду у всего войска для наставления живых. Это была уже не легкомысленная придворная игра; напротив, новая должность Шаховского стала убийственно серьезной. Этот и другие факты заставляют пересмотреть привычные представления о придворных шутах, якобы предназначенных только для забавы государя. При дворе Петра Великого традиционная потеха имела важное значение в реализации сценариев харизматической власти⁶⁹.

Князь Шаховской закончил свою дворцовую карьеру как живой представитель шутовского ордена Иуды, существовавшего почти только на словах как глумливый аналог ордена Св. Андрея. Отыскивая и наказывая предателей русских интересов, князь «Лепень-прилипало» искупал вину предков перед царской фамилией до конца своих дней. Даже похороны Шаховского дали повод для демонстрации рыцарского братства соратников богоизбранного царя. Кавалер ордена Иуды был предан земле в Петербурге 30 декабря 1713 г. со всей торжественностью, соответствовавшей его сану во Всешутейшем соборе Преображенного царства. Гроб бывшего «архидиакона Гидеона» сопровождал «весь освященный собор», прибывший в имперскую столицу ради прощания с одним из своих основателей. Возглавлял святочную похоронную процессию «князь-папа» Зотов. За ним следовали «анти-цесарь» Ф.Ю. Ромодановский и другие потешные «духовные особы»⁷⁰. Присутствие на похоронах «анти-цесаря» и «князь-папы» в качестве покровителей ордена Иуды напоминало о том, что и орден Св. Андрея был учрежден как православное братство в противовес католическим рыцарским орденам, покровительствуемым папой и главой Священной Римской империи. Тем самым гротескные похороны царского шута в отношении символической цели могут быть поставлены в один ряд как с канонизацией останков пертоминских святых, так и с перенесением мощей небесного покровителя второго русского православного рыцарского ордена Александра Невского, чью победу над шведами (1240) около будущего Петербурга Петр воспринимал как предвестие собственных успехов в Северной войне⁷¹.

¹ О трансформации основных идеологических категорий государственно-го мышления раннего Нового времени (монарх, бюрократия, армия) в «ecclesia militans, род светского религиозного ордена» см.: *Oestreich G. Neosticism and the Early Modern State. Cambridge, 1982. P. 72.*

² Вопрос о роли России в установлении баланса сил в христианской Европе многократно исследовался. Укажем лишь на несколько работ: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. Гл. 2; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986. См. также: Anderson M.S. Peter the Great. London, 1995. P. 84; Oliva Jay L. Russia in the Era of Peter the Great. Englewoods Cliffs, 1969 P. 29.*

³ См.: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 81—82; Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 271—294.*

⁴ О проекте торгового флота при Алексее Михайловиче и о затонувшей Каспийской флотилии см.: *Phillips E. The Founding of Russia's Navy: Peter the Great and the Azov Fleet, 1688—1714. Westport, 1995. Гл. 1. Осведомленность Петра об этих планах видна из его автобиографического «Предисловия к морскому регламенту» 1720 г. См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 399.*

⁵ См.: *Kollmann N. Pilgrimage, Procession, and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994. Vol. 2. P. 163—181.*

⁶ См.: *Phillips E. The Founding of Russia's Navy. P. 34; Поселыт М. Адмирал Русского флота Франц Яковлевич Лефорт, или начало Русского флота. СПб., 1863. С. 18—19.*

⁷ Об аллегорических значениях названий петровских кораблей см.: *Чечот И.Д. Корабль и флот в портретах Петра I: Риторическая культура и особенности эстетики русского корабля первой четверти XVIII века // Отечественное и зарубежное искусство XVIII века. Л., 1986. С. 54—82. Идеологические составляющие идеи флота и вообще морских походов анализируются в книге: Анисимов Е. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 39, 117—120; Kaganov G. As in the Ship of Peter // Slavic Review. 1991. № 50. P. 354—367.*

⁸ Об этой церемонии см.: *Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 182.*

⁹ См.: Сказание о появлении и обретении и о чудесах преподобных отец наших Васиана и Ионы, иже на Примории Студенаго мря, Великаго Окияна, в Затоце, во Уньских, нарицаемых Рогах Пертоминских чудотворцев // РО РНБ. Соловецкое собрание. (Сборник житий русских святых). Л. 181—182. Автор благодарит Ив Левин за предоставление выписок из этой рукописи.

¹⁰ Сказание о появлении и обретении и о чудесах преподобных отец наших Васиана и Ионы. Л. 197—198.

¹¹ О канонизации пертоминских святых см.: Там же. Л. 198об. — 200об.; *Levin E. From Corpse to Cult in Early Modern Russia // Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars. University Park, 2003. P. 81—104.*

¹² См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 21, 495; *Богословский М.М. Петр I. Т. 1. С. 181—182. В 1805 г. крест был перенесен в кафедральный собор Архангельска. См.: Голубцов Н. Крест Петра Великого, хранящийся в Архангельском Кафедральном Соборе // Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Ред. А.Ф. Шидлов-*

ский. Архангельск, 1909. С. 79—83; *Огородников С.* Второе посещение Петром Великим Архангельска в 1694 г. // Там же. С. 28.

¹³ См.: *Поселыт М.* Адмирал Русского флота Франц Яковлевич Лефортов. С. 37; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 23—24, 495—496. Царь даже выговаривал тем придворным, которые не желали играть по этим правилам и по-прежнему именовали Петра согласно русской царской традиции. См., например, письмо Петра к Ф.М. Апраксину от 11 декабря 1696 г. (Там же. С. 113); ср. письмо от 21 октября 1702 г. (Там же. Т. 2. С. 97).

¹⁴ См.: Сказание о появлении и обретении и о чудесах преподобных отец наших Васиана и Ионы. Л. 200об. — 201.

¹⁵ Неполный список придворных, попавших вместе с Петром в Пертоминский монастырь (включая думного дьяка Зотова и боярина Стрешнева), см.: Там же. Л. 196. Стоит отметить, что в свиту, предпринявшую вместе с Петром путешествие в Архангельск в 1694 г. и состоявшую из 300 человек, входили среди прочих «князь-кесарь и адмирал» Ф.Ю. Ромодановский и «вице-адмирал», «князь-папа» И.И. Бутурлин, никогда до того не бывавшие на море. Во время трехнедельного похода Беломорской флотилии Ромодановский вместе с «капитаном» Лефортом и «шипгером» Петром находился на «Святом Пророчестве», а Бутурлин — у штурвала «Святого Павла». «Святым Петром» командовал только что пожалованный «контр-адмиралом» флота генерал Патрик Гордон. См. об этом письмо Петра к Ф.М. Апраксину от 5 марта 1694 г. (Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 19—20, 493), а также письмо Франца Лефортова — Петру Лефорту от 9 февраля того же года (*Богословский М.М.* Петр I. Т. 1. С. 173, 188). См. также: *Phillips E.* The Founding of Russia's Navy. P. 34—35.

¹⁶ См.: *Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 140—141.

¹⁷ Образ православной церкви как «Исусова корабля», окруженного волнами, но прочного, как скала, можно найти в «Великих Минеех Четыхх», составленных в середине XVI в. митрополитом Макарием и исправленных в царствование Петра митрополитом Дмитрием Ростовским (Туптало). Проницательный анализ этого образа см. в работе: *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожожение, плавание на корабле // Из истории русской культуры: XVII — начало XVIII века. М., 1996. С. 408.

¹⁸ Образ «нового Адама» в связи со своими работами Петр обыгрывал в письмах к Т.Н. Стрешневу от 6 и 12 марта 1696 г. (см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 54, 547—548). О его значении в православном богословии см.: *Лосский В.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 104—105. О мистических коннотациях образа Адама в связи с имперской тематикой и государственными преобразованиями в Европе начала Нового времени см.: *Yates, F.* *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century.* London, 1985. P. 8, 12.

¹⁹ К этой гравюре на сюжет хождения Иисуса по воде, открывавшей книгу художественных изображений кораблей Российского флота, прилагался текст, восхваляющий спасительную роль морских начинаний Петра Великого. См.: Куншты корабельные. СПб., 1718. С. 1.

²⁰ См.: *Амелин Г.* «Се Моисей твой, о Россие!» (О семиотике имени в «Слове на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича) // В честь 70-летия

профессора Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 20—29; *Одесский М.П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. М., 1999. Гл. 6; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991.

²¹ Св. Андрей, как и апостолы Петр и Павел, регулярно включался в число небесных покровителей Петра. См.: *Вилинбахов Г.В.* Государственная геральдика России конца XVII — первой четверти XVIII века. (К вопросу формирования идеологии абсолютизма в России). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 14; *Он же.* Отражение идеи абсолютизма в символике петровских знамен // *Культура и искусство России XVIII века.* Л., 1981. С. 15, 17.

²² См.: *Повесть временных лет.* М.; Л., 1950. Т. I. С. 12.

²³ См.: *Dvornik F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 1958.

²⁴ О судьбах имперской идеи в Европе раннего Нового времени см.: *Yates F. Astraea;* Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тезисы XIV конференции. М., 1995.

²⁵ Созданный еще в конце XVII в. (1699), Андреевский орден существовал вплоть до 1720 г. без орденских статут. До этого времени, таким образом, он представлял собой скорее имитацию рыцарского братства, группу придворных, «связанных клятвой преданности своему государю-покровителю, дарующему им в знак доверия особую орденскую атрибутику». Эта «клиента псевдоордена» была, собственно, только «разукрашенной монаршей свитой», отличаясь от других придворных группировок «лишь вводящим в заблуждение “орденским” названием и знаками». Такие сообщества описаны в кн.: *Boulton, D'Arcy J.D.* The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325—1520. Woodbridge, 1987. P. XVII—XX. Статуты 1720 г. опубликованы в кн.: *Замысловский Е.Е., Петров И.И.* Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статут. СПб., 1892.

²⁶ См.: *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское государство // *Рождение империи.* М., 1997. С. 133. О Ф.А. Головине — первом кавалере Андреевского ордена, первом генерал-фельдмаршале русской армии, втором генерал-адмирале флота и «дыяконе» Всешутейшего собора — см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 420; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 187—188; *Скрипчик Н.В.* Первый кавалер ордена Св. Андрея адмирал Ф.А. Головин (1650—1706). Биографический очерк. М., 1995; *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи // *Из истории русской культуры.* М., 1996. Т. 3. С. 584—594. Его прозвище во Всешутейшем соборе см. в Приложении к наст. изд.

²⁷ См.: *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 126, 133—134. Сведения о Б.П. Шереметеве см в кн.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 421—422; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 12—108. См. также монографическую работу: *Заозерский И.А.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. О политических целях шереметевского вояжа на Мальту см.: Там же. С. 22—25. О мальтийском рыцарстве см.: *Boulton D'Arcy J.D.* The Knights of the Crown. P. 17.

²⁸ О шотландском ордене Св. Андрея см.: *Ibid.* P. XX, 399, 499—500. Подробный разбор символики ордена Золотого Руна см.: *Ibid.* Гл. 13.

²⁹ Об этом см. интересную работу: *Вилинбахов Г.В.* К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюции его знака // *Культура и искусство петровского времени: публикации и исследования.* Л., 1977. С. 144—158.

³⁰ О почитании Константинова креста при дворе царя Алексея Михайловича см.: *Вилинбахов Г.В.* Государственная геральдика. С. 16—18. О его значении в русском богословии см.: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. Гл. 3. Образ императора Константина в петровской придворной культуре анализируется в работах: *Вилинбахов Г.В.* К истории учреждения ордена Андрея Первозванного. С. 153—155; *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 397—402, 427—428.

³¹ См.: *Вилинбахов Г.В.* Государственная геральдика. С. 18.

³² Описание торжественного въезда приведено в кн.: *Богословский М.М.* Петр I. Т. 1. С. 344—347; *Гребенюк В.П.* Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). М., 1976. С. 133—145; *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. С. 68—80.

³³ См.: *Висковатов А.В.* Об учреждении ордена св. апостола Андрея Первозванного и о пожаловании сим орденом в 1700 г. Мулянского Господаря Бранкована, в кавалерских списках нигде не показанного // РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 47.

³⁴ Сравнение Мазепы с Иудой стало также основным риторическим приемом придворных проповедников и официальных обличителей гетмана Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. См.: *Стефан Яворский.* Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всей России // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1994. Т. 3. С. 268; *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе... // Он же. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 28.

³⁵ Наш анализ поведения Мазепы опирается на работы: *Анисимов Е.В.* Время Петровских реформ. С. 186—190; и особенно: *Subtelny O.* Mazepa, Peter I, and the Question of Treason // *Harvard Ukrainian Studies.* 1978. № 2. С. 158—183.

³⁶ Станислав Лещинский взшел на польский престол при поддержке шведского короля после того, как союзник Петра саксонский курфюрст Август II Сильный вынужден был отречься от него в 1705 г. См.: *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 188, 195.

³⁷ Сведения об агитационной войне см. в подборке, опубликованной в изд.: *Ukrainian Quarterly.* 1959. №15. P. 241—259, а также в работе: *Kentrschynskij B.* Propagandakriget i Ukraina, 1708—1709 // *Karolinska Förbundets Årsbok.* Stockholm, 1958.

³⁸ Краткое жизнеописание Г.И. Головкина см. в кн.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 420—421, 591; *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 33—34, 51, примеч. 33, 227. Родословную и послужные списки представителей семьи Головкиных см. в работах: *Лихачев Н.П.* Родоприсхождение дворян Головкиных // Известия Русского Генеалогического общества. 1903. №2. С. 103—139; *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 71—72. Чин Головкина во Всешутейшем соборе см. в Приложении.

³⁹ Описание церемонии приведено в письме Головкина к П.А. Толстому (см.: *Письма и бумаги Петра Великого.* Т. 8, ч. 2. С. 910).

⁴⁰ Проклятие, произнесенное Стефаном, дословно воспроизведено в изд.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 431—432.

⁴¹ См. письмо Петра к Ф.М. Апраксину от 30 октября 1708 г. (Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8, ч. 1. С. 253).

⁴² Инструкции Петра по этому поводу приведены в кн.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Т. 13. С. 29—30; Труды Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 3. С. 302, 304.

⁴³ См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9, ч. 1. С. 242; Ч. 2. С. 1013; *Защук Г.В.* «Орден Иуды» // Вопросы истории. 1971. №7. С. 214.

⁴⁴ Краткую биографию А.Я. Шукина см. в кн.: *Серов Д.А.* Строители империи. С. 26, примеч. 29, 255. Об истории Ингерманландской канцелярии, образованной еще в подмосковном Семеновском, см.: Там же. С. 123, примеч. 16; *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Т. 2. С. 50—51; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 48, 90—91.

⁴⁵ Документ был обнаружен в рукописи конца XVIII века и опубликован впервые в изд.: Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1894. Т. 1. С. 69; а затем перепечатан в работах: *Платонов С.Ф.* Орден Иуды 1709 года // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии. 1927. Т. 1. С. 194; *Защук Г.В.* «Орден Иуды». С. 212.

⁴⁶ См.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 320.

⁴⁷ Текст предписаний воспроизведен в работе: *Платонов С.Ф.* Орден Иуды 1709 года. С. 194. Неизвестно, состоял ли упомянутый Матвей Алексеев в родстве с Федором Алексеевым, мастером Адмиралтейского монетного двора и изготовителем первой памятной медали в честь Северной войны. О последнем см. в кн.: *Шукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962. С. 13.

⁴⁸ Второй вариант меншиковского распоряжения (с приложенным рисунком) был найден И.И. Срезневским. См.: ОР БРАН. Сборная рукопись. 24.5.38. Л. 75об.

⁴⁹ 15 июля 1709 г., через четыре дня после первого письма к Шукину с указанием об Иудиной медали, Меншиков двинул кавалерию против остатков польско-шведской армии. См.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С. 322—323.

⁵⁰ О московском обычае награждать памятными медалями всех участников победной кампании см.: *Шукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. С. 11—12; *Дуров В.А.* Русские боевые награды за Полтавское сражение // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5. С. 63—64.

⁵¹ См.: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // Чтения Московского общества истории и древностей российских. 1899. Т. 189. № 2. С. 91, 93.

⁵² Там же. С. 92—93.

⁵³ См.: Там же. С. 91.

⁵⁴ Записные книги Московского стола. 1633 сентябрь — 1634 август // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 550.

⁵⁵ В контексте случаев подобного рода игровой замысел Шаховских проанализирован в работе: *Полосин И.И.* «Игра в царя» (Отголоски смуты в московском быту XVII века) // Известия Тверского педагогического института. 1926. № 1. С. 59—63.

⁵⁶ См.: *Лихач Е.* Шаховские // Русский биографический словарь. Т. 22: Чаадаев — Швитков. СПб., 1905. С. 571, 578—579. Родословную Шаховских см. в изд.: *Долгоруков П.А.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Т. 1. С. 168—169; *Петров П.Н.* Князья Шаховские // История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 73.

⁵⁷ См.: Записные книги Московского стола. Т. 9. С. 551.

⁵⁸ На свое содержание Шаховской получал ежегодно солидные суммы из государственной казны: 223 руб. в 1702 г., 700 руб. в 1704 г. См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 100.

⁵⁹ Послужной список Шаховского см. в работах: *Айранетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 432, 336; *Свиридов М.Г.* Сокращенное описание служеб благородных Российских дворян... М., 1810. Т. 1. С. 252—253.

⁶⁰ См.: *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 81.

⁶¹ «Ближний боярин» князь Ю.Ф. Шаховской упоминается в неопубликованной рукописи, датированной 16 августа 1710 г., как служащий Ингерманландской канцелярии. См.: *Платонов С.Ф.* Орден Иуды 1709 года. С. 196.

⁶² См. письма кн. Шаховского к Меншикову и Мусину-Пушкину в изд.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Архиве Министерства Юстиции. М., 1888. Т. 8. С. 169—173. О шутовском псевдониме Мусина-Пушкина см. в Приложении.

⁶³ В послании «смирненного Аникита» («Smirennuyi Anikit», т.е. Н.М. Зотова) к Петру упоминается праздник в честь отъезда «архидиакона Гидеона» на фронт, где он должен был присоединиться к государю. См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Гл. 1 (ок. 1710 г.). Ед. хр. 11. Л. 189—189об. О датировке этого коллективного послания см. Приложение.

⁶⁴ См.: *Айранетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 319, 110.

⁶⁵ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. С. 80—81.

⁶⁶ Впоследствии нерегулярные доносы петровских приближенных сменились учреждением особой должности — фискалов и целого ведомства, исполнявшего обязанности «ока государева». См.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 133—135.

⁶⁷ Одна из копий царского указа от 30 июня 1711 г. о назначении Шаховского сохранилась в бумагах личной канцелярии А.А. Вейде — начальника дивизии в частях генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. См.: Черновые журналы, реляции и письма, касающиеся как до военных действий, так и до министерских переговоров, 1711-го г. Журнал исходящих документов А.А. Вейде (АСПБИА). Ф. 83. Оп. 3. Ед.хр. 3. Л. 3—Зоб., 5—5об.).

⁶⁸ Там же. Л. 5 об. О служебных обязанностях генерал-гевалдигера и вообще о действиях Петра по поддержанию дисциплины в войсках см. в работах:

Законодательство Петра I. С. 185—186; *Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874.* Oxford, 1988. P. 108.

⁶⁹ Наши выводы переключаются с положениями, сформулированными Линдси Хьюз в статье о придворной службе еще одного из петровских шутов. См.: *Hughes L. «For the Health of the Sons of Ivan Mikhailovich»: I.M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflections on Russia in the Eighteenth Century.* Cologne, 2001. P. 43—51.

⁷⁰ См. запись от 30 декабря 1713 г. в изд.: *Походный журнал 1713 года.* СПб., 1854. С. 53.

⁷¹ О почитании св. Александра Невского см. в работах: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great.* P. 276—278; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык Средневековья.* М., 1982. С. 239, 242; *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 284—286; *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

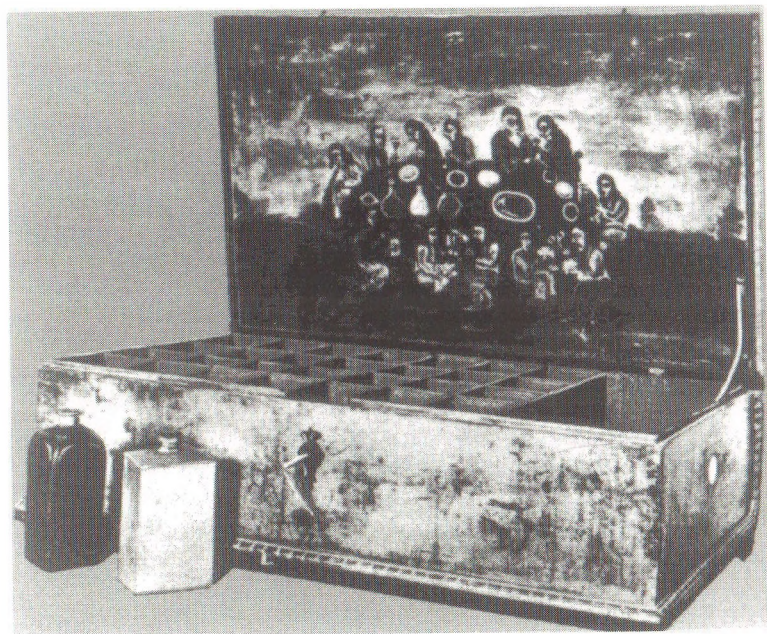
1. «Патриарх Милак».

Портрет М.Ф. Нарышкина. Неизвестный художник. Конец XVII в.

2. Сошествие Св. Духа на апостолов.
Гравюра А.Ф. Зубова, 1701

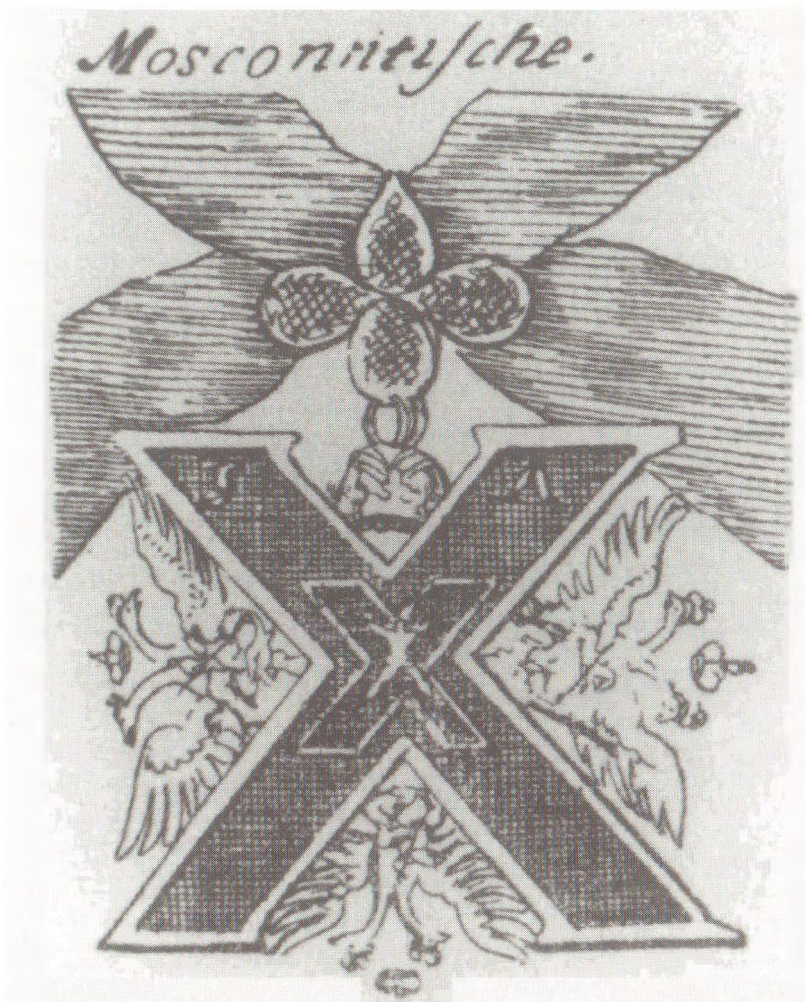

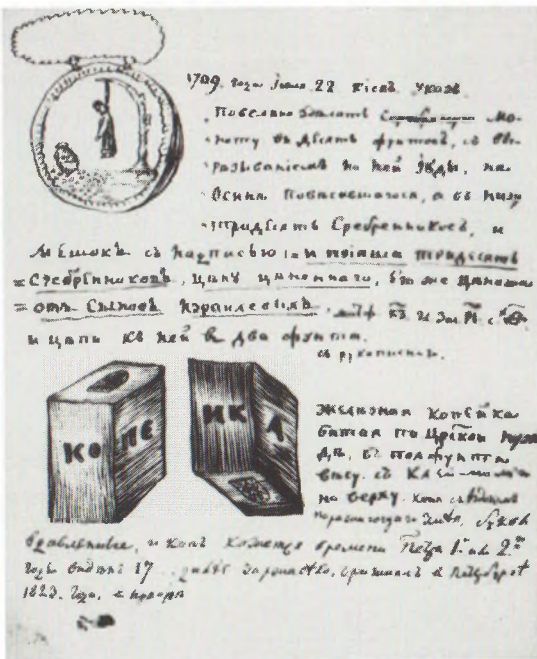
3. Ларец в форме книги «Апостол» (конец XVII — начало XVIII в.)

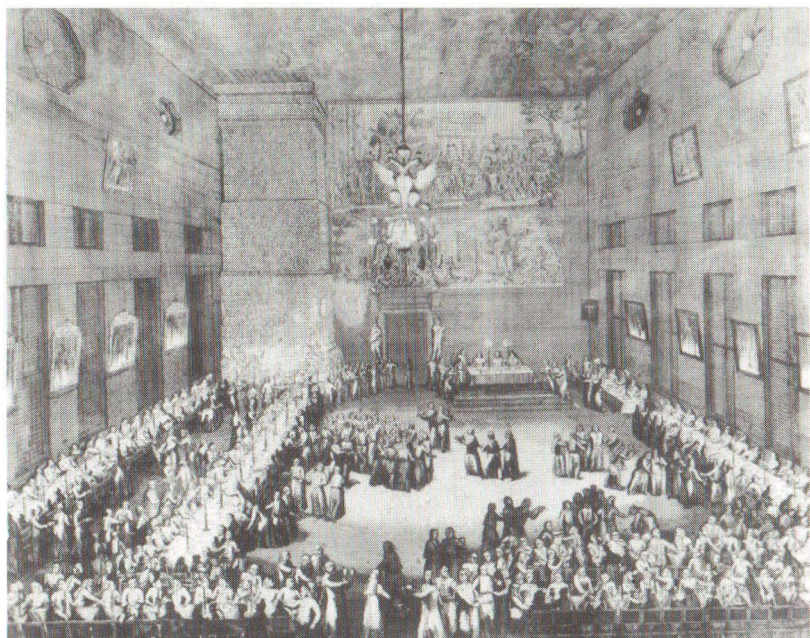
4. Аллегорическая марина (Мф 14: 24-33). «Куншты корабельные» (СПб., 1718)

5. Изображение Ордена Св. Андрея Первозванного из книги:
Rudolphi, J.A. Heraldica Curiosa. Frankfurt&Leipzig, 1718

6. Изображение шутовского «ордена Иуды» из собрания И.И. Срезневского

7. «Описание свадьбы остроумнейшего Феофилакта Шанского, который Державнейшего Великого Монарха многоутешный шут и смехотворец...». Гравюра А. Шхонебека, 1702

8. Портрет Якова Тургенева.
Неизвестный художник. Конец XVII в.

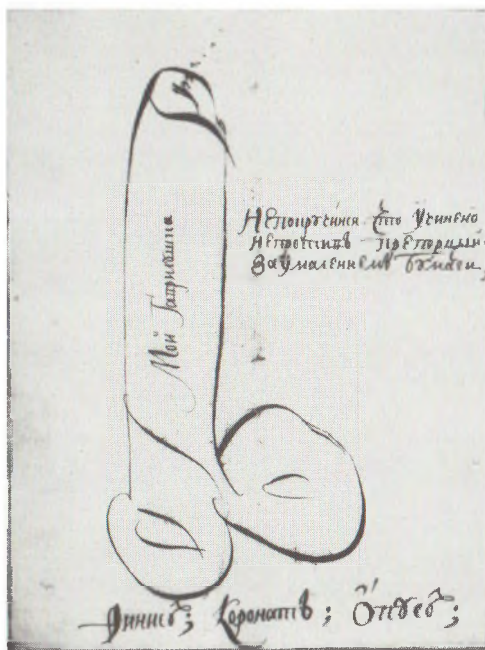
9. «Описание свадьбы остроумнейшего Теофилакта Шанского...».
Фрагмент

11. «Изображение брака Его Царского Величества Петра Первого,
Самодержца Всероссийского...».
Фрагмент

12. «Мой Гаврилушка: Конец увенчал дело».
Рисунок начала 1720-х гг. из рукописного сборника И.-В. Пауса

Глава 4

ПАРОДИИ СЕДЬМОГО ТАИНСТВА

13 февраля 1715 г., через месяц после маскарада-свадьбы «всешутейшего кир Еть Яникита Презбургского за Яушском, от Великих Мытиш и до мудищ патриарха... сумозбродного собора» [Н.М. Зотова] — на тот момент самой развернутой пародии на таинство брака, когда-либо устроенной «кумпанией» Петра Великого, — царь написал письмо, в котором подробно излагал свои воззрения на новую матримониальную обрядность, введенную им при дворе, и ее важную роль в приобщении русских к «добрым порядкам» соседних христианских государств. Письмо Петра было адресовано «господину генерал пленипотенциэр камисару» кн. Я.Ф. Долгорукову, чья собственная свадьба, устроенная всего за три года до зотовской, предшествовала карнавализованному бракосочетанию другого члена (и будущего князь-папы) Всешутейшего собора, «смирненного царствующего и великого града Санктпитербурха, Ижорской и Кроншлотской Ингерманландии митрополита Петрохуя» (П.И. Бутурлина)¹. На этот раз, однако, кн. Долгоруков воспротивился вошедшему во вкус царю-реформатору, решившему выдать его родную племянницу за жениха «вне сей империи». Повторяя аргументы, уже высказанные Долгорукову в частном разговоре «в Сенате», Петр настаивал на необходимости брака между представительницей русской знати и чужеземным иноверцем: «Понеже нам есть великая нужда с протчими Европскими народы всякими образы сообщатца[,] неточию в великих но и в малых делех[,] дабы тем грубость старых обычаев помалу исчезла»². По замыслу Петра, позже нашедшему воплощение в нескольких официальных указах, такие формально неравные браки должны были послужить славе русского государства, а не только чести боярского рода: «Ибо я того терпеть немогу что против интересу и воли делаетца»³.

Полупристойный намек о «сообщениях» с другими «Европскими народами», высказанный царем сначала в устной, а затем и в

эпистолярной форме одному из самых знатных его соратников, дает нам возможность проанализировать не только матримониальную политику московского двора конца XVII — начала XVIII в., но и грубовато-игривый язык, используемый в интимном кругу царя при обсуждении таких щекотливых вопросов, как взаимоотношение семейной чести и государственной пользы. На фоне строгой родовой системы Московского царства, чья элита воспроизводилась при помощи союзов между членами ограниченного круга фамилий, неравные браки — княжны Долгоруковой с анонимным представителем «европского народа», пожилого и низкорощенного князь-папы — с юной и родовитой дочерью старообрядца или же самого Петра — с чужеземной простолюдинкой Мартой Скавронской — являлись лейтмотивом придворных зрелищ, служивших царской свите для устранения политических претензий и смягчения нравов московских бояр. Как мы попытаемся показать в нижеследующем анализе пародийных бракосочетаний, знаменитая свадьба князь-папы была логичным продолжением тех реформистских тенденций, которые проявились уже в шутовских матримониальных обрядах конца предыдущего века. Вместе с другими мерами, способствовавшими возникновению космополитического придворного общества (как, например, указ 1718 г. об «ассамблеях», впервые приведенный в исполнение именно в доме князь-папы⁴), бурлескная свадьба 1715 г. доказывает, что при петровском дворе смеховая культура и «добрый порядок» были неразделимы⁵.

Женихи-шуты

Начиная с основания стольного града «князь-кесаря Фридриха Плешпурхского» Петр и его «кумпания» использовали обряды великосветских брачных церемоний для травестирования старинных обычаев и культурных ценностей во имя новых порядков Преображенного царства. Первые празднества такого рода обнажали противоречия между старомосковским клановым режимом и новым идеалом двора, предписывавшим личное служение богоизбранному царю-воину. Этот контраст акцентировал политический смысл шутовских церемоний, устроенных силами подданных потешного государя. Обычно роль шута-жениха была предназначена одному из членов ближайшего окружения царя, а сам он со свитой принимал участие в театрализованных ритуалах, пародировавших

привычную для русской традиции свадебную обрядность. Как гасыры в комических «интермедиях» тогдашних школьных драм⁶, шутовские женихи одновременно высмеивали и сами смешили придворную публику. Мы можем судить об этом хотя бы по объяснительной приписке неизвестного автора к списку гостей на свадьбе «остроумнолютейшаго» Ф.П. Шанского, члена петровского окружения, который обозначен как «шут и смехотворец» на гравюре, изображающей его женитьбу на русской княгине (см. илл. 7)⁷. Смежность двух занятий фиксируется также в одном из самых первых печатных словарей петровского царствования. В «Трехязычном лексиконе...» Ф.М. Поликарпова «шут или кошун» отождествляется с «глумителем» или «глумником» (лат. *ioculator*) — высмеивая другого, «шут» учится сам («глумлюся значит и поучаюся во благое»). Автор словаря 1704 г. объясняет свою мысль цитатой из Псалтыри: «Аз же поглумлюся в чудесех твоих вместо рещи поучюся»⁸. Намекали Поликарпов на склонность царя к бурлеску или просто воспроизводил усвоенное еще на занятиях по риторике в Славяно-греко-латинской академии, судить трудно; в любом случае имеет смысл запомнить отсылку к царю Давиду, о котором речь пойдет ниже, при разборе символики свадьбы-маскарада князь-папы 1715 г.

Уничижая традиционную этику московских бояр, царь Петр, женихи-шуты и их гости демонстрировали новый для России тип мужского братства, основанного, как мы видели в предыдущей главе, по образцу ордена рыцарей, верующих в харизматическую власть боговдохновенного царя-воина. Так, в январе 1694 г. Петр устроил свадьбу Я.Ф. Тургенева, не самого высокородного чиновника канцелярии, ведавшей потешным войском. Свадебные торжества представляли собой издевку над принятыми в Московском царстве представлениями о преимуществах рождения⁹. Сыгранная зимой в знак окончания «Кожуховского похода», маневров под начальством генерала Патрика Гордона, вскоре после возвращения Петра из его пертоминского паломничества, свадьба по всем признакам напоминала святочные колядования¹⁰. Подобно колядовщикам, обходящим на святках деревенские дома, участники брачной процессии «в платьях были смешных, в кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенных кафтанах, опушены кошечьими лапами, <...> в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах <...>» и ехали верхом на быках, козлах, свиньях и собаках — традиционных спутниках исполнителей непристойных колядок¹¹. В дневнике И.А. Желябужского, давно служившего при московском дво-

ре, осталась запись об этой свадьбе, в которой Тургенев прямо назван шутом, а сама церемония описана как комическая. В то же время Желябужский отмечает сдвиг в иерархии: незначительный чиновник Тургенев и его ничем не примечательная невеста, «дьячья жена», ехали «в государственной лучшей бархатной карете», а представители знатнейших московских семейств (Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины) шли за ними пешком¹². За инверсированным порядком свадебного шествия стояли агрессивные политические принципы молодого царя, выраженные в насмешливом переосмыслении частной и общественной жизни Тургенева — в глазах московского боярства заурядного служилого человека, но «знатного старого воина и киевского полковника», как его называли во время «Кожуховского похода», в системе Преображенного царства¹³.

Похожая символическая подмена заметна и в пародийном портрете Тургенева, который вместе с изображением князь-папы «Милака» (М.Ф. Нарышкина) стал одним из первых в ряду «реалистических» портретов, помещенных в Ново-Преображенском дворце под Москвой. Призванный увековечить заслуги Тургенева в потешных войнах Преображенного царства, портрет был заказан Петром в необычном стиле своеобразной «светской иконы», нарочито противопоставленном привычной для московского двора XVII в. парсуне¹⁴. Неизвестный художник полностью отказался от подробных надписей, герба и архитектурных деталей для опоры, представив свою модель без всяких прикрас, с одним только полковничьим жезлом в мундире потешного полка, за честь которого Тургенев сражался в «Кожуховском походе» (см. илл. 8). Героем портрета становился, таким образом, не низкородженный шут с притязаниями на присущую парсуне величавость, а царев слуга, награжденный за свои военные подвиги во славу Преображенного царства и участие в символических церемониях, утверждавших крушение старого порядка.

Состоявшаяся в январе 1702 г. свадьба стольника Феофилакта (Филата) Пименовича Шанского, «пристава и соборянина» шутовского «патриарха Андрея Палестинского»¹⁵, сопровождалась еще более явным символическим столкновением разных иерархических систем: старой, основанной на родовом старшинстве, и новой, построенной на представлении о дворе как квазирелигиозном сообществе рыцарей, преданных своему харизматическому государю. Неравный брак между относительно заурядным придворным и

урожденной княгиней Шаховской демонстрировал перемену в понятиях о чине и чести¹⁶. Как это было и на тургеневской свадьбе, трехдневное празднество было целиком срежиссировано Петром и его приближенными. Корнелиус де Бруин, голландский путешественник и художник, приглашенный вместе с другими иностранцами на свадьбу любимого царского шута, писал, что в течение первых двух дней «[в]сем приглашенным гостям было приказано быть на свадьбе в старинной одежде <...>»¹⁷. Сам царь во время первой части церемонии предстал в традиционном длинном кафтане, «испещренном множеством узоров различного цвета», и «высокой красной шапке», нарушив, таким образом, собственный указ двухгодичной давности, запрещавший царедворцам носить уборы старого кроя¹⁸.

Следуя прежним обычаям, молодых развели по разным комнатам, куда допускались только представители их собственного пола. В соответствии с традициями русской свадьбы, наделяющими брачующихся высокими титулами «князя» и «княгини» или «боярина» и «боярыни»¹⁹, Шанский и его нареченная проводили время в обществе двух «монархов» (кн. Ф.Ю. Ромодановского и И.И. Бутурлина) и одного «патриарха» (Н.М. Зотова), возглавлявшего мужскую половину празднества, в то время как женской руководили их супруги²⁰. На гравюре, изображавшей мужскую половину (см. илл. 9), А.И. Заозерский насчитал «за десятью столами» «более 300 <...> гостей. Представлены были всякие звания: <...> бояре, стольничие, дворяне, офицеры, “морские и земные” — среди них и Петр, торговые иноземцы, дьяки, гости и “иных торговых чинов люди”, просто — “разных чинов люди”, наконец — “дворовые люди”. Почти все — в монашеском платье с откинутыми назад капюшонами. По своему составу “компания”, вероятно, была близка к этому собранию; может быть, она и была тут целиком, потому что иначе трудно объяснить столь пестрый состав участников торжества»²¹. Нарочитая насмешка над традиционными для Московского царства установлениями мирской и светской власти сопровождалась, таким образом, символическим возвышением членов царской «кумпании» (в том числе самого жениха), принадлежавших к Всешутейшему собору Преображенного царства.

Все переменялось на третий, и последний, день свадьбы Шанского, когда стало ясно, что якобы уважительное воспроизведение московских обычаев было рассчитано на карнавальный эффект так же, как когда-то шутовские одеяния колядовщиков-придворных,

сопровождавших свадебный поезд Тургенева: на заключительную часть праздника гостям было приказано явиться в нарядах иностранного образца. За предписанием быть в «немецких платьях», прямо исходящим от царя, следовало и резкое нарушение привычных норм поведения, подразумевавших разделение гостей по полу. В тот день, как отмечал де Бруин, мужчины и женщины впервые «сидели вместе, как это водится у нас, и после пира плясали и прыгали, для удовольствия Его Величества и всех гостей»²². Участие женщин в свадебном пире противоречило принятому в высших московских кругах XVII в. запрету на присутствие женщин в мужских собраниях²³. Через без малого пятнадцать лет Петр окончательно узаконит совместное светское времяпрепровождение обоих полов. Однако то, что царю потребовалось почти полтора десятилетия на легализацию новых правил межполовой общительности, говорит о том, что шутовская свадьба, как и любое карнавальное мероприятие, могла лишь на время приостановить действие старых обычаев, но не отменить их раз и навсегда.

ЦАРЬ ПЕТР И РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Как мы попытались показать, символическое оформление шутовских свадеб 1694 и 1702 гг. и других царских потех в Ново-Преображенском подрывало родовую систему московского придворного общества, подменяя ее новым порядком, основанным на идеале рыцарско-религиозного братства. Кочевой образ жизни разведенного с 1699 г. монарха, который проводил время в военных походах против турок и шведов, путешествовал по Европе и несколько раз пересекал свое огромное государство, обуславливал важную роль подобного рода празднеств, обеспечивавших духовную общность подданных истинного монарха Преображенного царства. Но даже в узких пределах московского двора Петру и его приближенным недостаточно было захватить политическую власть, чтобы сделать иноземные принципы общественной жизни обязательными для всех придворных. Как мы увидим ниже, переход от старых традиций к новому этикету совершался постепенно в течение бурных пятнадцати лет, пока Преображенное царство из подмосковных владений перемещалось на невские берега. Основание Санкт-Петербурга в 1703 г. открыло новый простор для воплощения идей, родившихся когда-то в Ново-Преображенском. Освободившись от

политических и церемониальных обязанностей предусмотренных московскими порядками, в Петербурге Петр и узкий круг его ближайших соратников дали волю своему воображению. Благодарную почву для него составили брачные церемонии, в особенности вторая женитьба самого царя.

Разрушая систему клановых браков, привязывавших знать к царствующему дому, царь стремился превратить матримониальные связи, дотоле бывшие фактом внутренней жизни московской аристократии, в инструмент внешней политики²⁴. Используя символический капитал, предоставленный недавними военными успехами (прежде всего Полтавской победой), Петр решился вопреки старинным обычаям допустить браки членов правящей фамилии с иностранцами. Этот шаг имел свои прецеденты: и киевские, и московские князья прибегали к такой практике ради поддержания дипломатических союзов. После нескольких неудачных попыток в начале XVII в. эта традиция была прервана Романовыми; новая династия и остатки старого боярства выработали особую матримониальную политику и стали избирать невест для Романовых из числа дворянских дочерей средней руки. Такой порядок позволял выводить в высшие круги московской знати новые фамилии, не нарушая сложившегося распределения сил между царем и могущественными придворными партиями. Таким образом, намерение Петра заключать браки своих родственников с иноземными государями и членами их семей ставило под удар «традиционный» баланс власти, при котором Романовы были ограничены в выборе потенциальных родственников. Возвращение к старому обычаю династических матримониальных союзов давало царю возможность одновременно упрочить положение державы на Балтийском море и ослабить позиции старых боярских родов при романовском дворе.

Сходными соображениями можно объяснить и решение Петра жениться на молодой ливонской крестьянке Марте Скавронской (1683—1727). После того как в самом конце XVII в. первая супруга царя, Евдокия Федоровна Лопухина, была сослана в монастырь²⁵, Петр на протяжении почти десяти лет оставался холостым. Такое положение, весьма необычное для взрослого монарха, обеспечивало царю независимость от влиятельных родственников, устроивших когда-то его брак с Лопухиной. Освободившись от родственных и политических обязательств, Петр попытался привить своему единственному сыну Алексею собственное видение будущего России. Когда отношения отца и сына окончательно раз-

ладились, царю пришлось изобрести новый план, с помощью которого он мог бы оставить лояльных себе наследников, не связываясь снова с лопухинской партией. Брак со Скавронской, многолетней любовницей и матерью пятерых его детей²⁶, позволял решить эту задачу: царь мог быть уверен, что рожденные от нее дети, не обремененные ни родством с Лопухинскими, ни старомосковским воспитанием, продолжат его политику. Чужеземка-невеста, не связанная ни с одним из московских кланов и полностью подчинившая себя мужу, идеально подходила для Петра.

Перед свадьбой Марта Скавронская приняла православие; восприемником при крестинах стал, по приказу царя, ее будущий пасынок, царевич Алексей Петрович. Подобная практика была в некотором отношении привычной: представители царствующего дома регулярно крестили новорожденных той же фамилии. Однако Скавронская была далеко не ребенком и не принадлежала к романовской династии. Скандальный характер этой церемонии подчеркивался и тем фактом, что царевич фактически вынужден был способствовать соединению своего отца с новой супругой при жизни первой его жены, родной матери Алексея; к тому же этот брак ставил под угрозу собственные права Алексея на трон. Имя, данное Скавронской при крещении, подчеркивало ее приобщение к царствующему семейству. Ее назвали Екатериной в честь святой, в день поминовения которой совершился обряд, а отчество она получила по крестному отцу, став тем самым духовной дочерью своего пасынка²⁷. Но поскольку ее будущий муж имел то же самое отчество, получалось, что Екатерина претендует на роль дочери царя Алексея Михайловича. Из ее переписки того времени мы знаем, что она подписывалась также «Михайлова», по старому прозвищу мужа, употреблявшемуся им для различения своих ипостасей: армейского офицера и внука Михаила Федоровича, первого царя из дома Романовых²⁸. Это наименование вводило низкорожденную царскую невесту в круг наследников основателя династии, акцентируя одновременно ее матримониальный союз с рыцарем-монархом, взявшимся вернуть государству земли, потерянные когда-то его дедом в войне против Швеции.

Церемония бракосочетания Петра и Екатерины, как и повторного крещения невесты — сугубо политической акции, имевшей непосредственное отношение к династическому вопросу, — служила уместным поводом для публичного разыгрывания петровского сценария власти и демонстрации воспитательной роли неравных

браков²⁹. По настоянию царя, обряд надлежало именовать «старой свадьбой»³⁰: жених и его нареченная уже сочетались тайным браком перед отъездом Петра в армию в марте 1711 г.; таким образом, новое празднество имело нарочито нетрадиционный, светский характер. Сценой для действия, призванного подчеркнуть связь нового династического порядка с матримониальной политикой Преображенного царства, стал Петербург, основанный благодаря успехам Петра в военно-морском деле и европейской дипломатии. На свадьбу, сыгранную 10 февраля 1712 г., царь явился в контр-адмиральском мундире, полученном когда-то за воинские заслуги в Полтавской битве от его пародийного двойника — «князь-кесаря» Ромодановского³¹. Этот костюм напоминал о рыцарском этосе, обещавшем в награду за воинскую доблесть вечную славу, царскую милость и всеобщее восхищение. Представляя своему окружению новый кодекс чести, ориентированный на идею рыцарского состязания, военного и галантного, Петр публично утверждал, говоря языком тогдашних переводных романов, правду воли монаршей в избрании супруги (и наследника).

Необычный порядок самой церемонии отсылал к шутовским свадьбам, которые Петр устраивал еще в конце предыдущего века, а также к бракосочетанию племянницы государя Анны Иоанновны с герцогом Курляндским, отпразднованному в Петербурге в 1710 г.³² Как и тогда, во время собственной женитьбы царь отказался от традиционной московской свадебной обрядности. Он лично сформировал список наиболее важных участников действия, обозначив их роли иноязычными терминами (маршалок, шафор, форшиндер) и раздав главные роли своим ближайшим сподвижникам, значительную часть которых составляли чужеземцы³³. Как и на всех царских свадьбах, жениха и невесту сопровождали посаженные отцы и матери. Однако, если по традиции их полагалось выбирать из кровных родственников брачующихся, на сей раз единственной Романовой среди четырех посаженных родителей оказалась царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, вдова Ивана Алексеевича; остальными были иностранцы: граф Боцис, контр-адмирал гребного флота, Корнелиус Крюйс, вице-адмирал, командовавший Балтийским флотом, и его жена. «Братьями» жениха и невесты были назначены Ф.М. Скляев, кораблестроитель и бывший товарищ Петра по потешным походам, и И.М. Головин по прозвищу «Бас», глава Адмиралтейства³⁴. Такой выбор еще раз намекал на относительно скромную роль морского офицера, принятую на себя

царем и входившую в общий спектакль харизматической власти и государственного преобразования.

Расположение гостей в большом зале новоотстроенного меньшиковского дворца также отвечало новому образу московского придворного общества — одновременно духовного братства и рыцарского ордена³⁵. На известной гравюре А.Ф. Зубова, изображающей бракосочетание Петра и Екатерины (см. илл. 10)³⁶, можно видеть, что участники праздника размещались за большим кольцеобразным столом с проходом, через который сидевшие с внутренней стороны стола могли добраться до своих стульев. В незаполненное пространство между крыльями большого стола поставили еще один маленький квадратный стол — за ним на виду у всех остальных гостей пиروвали «духовные персоны»: князь-папа Н.М. Зотов, архиерей П.И. Бутурлин и архидиакон кн. Ю.Ф. Шаховской (см. илл. 11)³⁷. Центральное место, отведенное князь-папе и другим деятелям Всешутейшего собора Преображенного царства, как и приглашение посаженными родителями иностранцев на русской службе вместо представителей царствующего дома, а также значимое отсутствие на церемонии наследника³⁸ указывало на то, что царь желал отметить свадьбу в собственном кругу, не сообразуясь с семейными и религиозными обязательствами. В этой ситуации уместно вспомнить слова новозаветной притчи о Царстве Небесном: «брачный пир был готов, но не все званые были достойны <...> ибо много званых, а мало избранных» (Мф 22:8, 14). Итак, по правилам нового рыцарственного этоса, представленного в ходе празднования неравного брака царя и его любовницы, единственные узы, которые могли связать избранных дам и кавалеров, сидевших за круглым столом царя Петра, были вера в богоосененного русского монарха и верность в исполнении его заповедей.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Приобщение политической элиты к новому династическому сценарию власти и рыцарскому нравственному кодексу можно проследить и по позднейшим пародийным публичным акциям с участием трех «духовных персон», оказавшихся в центре брачного пира Петра и Екатерины. В предыдущей главе мы уже видели, как архидиакон Гидеон (даже после своей смерти) способствовал укреплению веры в благодать Петра в рядах русских православных

орденоносцев. Символическое оформление шутовских свадеб его сотрапезников, как мы пытались показать, преследовало те же цели. Так, бурлескный обряд бракосочетания «прешутейшего и пьянейшего Петрохуя, митрополита великаго царствующаго града Санктпитебургха и Эрмоландии, и всех принадлежащих городов» (П.И. Бутурлина)³⁹ в июне 1712 г. не только отразил смену этических ориентиров московского двора конца XVII — начала XVIII в., но и послужил репетицией для свадьбы-маскарада князь-папы Преображенного царства — грандиозного праздника неофициального переноса столицы, связанного и с успешным завершением военных действий, и с надеждой (как оказалось, тщетной) на заключение в скором будущем долгожданного вечного мира⁴⁰.

Эффект, на который рассчитывали царь и его приближенные — устроители бутурлинского бракосочетания, эстетически и эмоционально должен был соответствовать впечатлению, производимому знаменитыми петербургскими белыми ночами. Главным героем этого перевернутого мира, выдержанного в черно-белой колористике, был сам боярин П.И. Бутурлин (ум. в 1723 г.), заурядный придворный из того же разветвленного дворянского рода, что и второй генералиссимус Преображенного царства⁴¹. Как и на шутовских свадьбах десятилетней давности, в основе зрелища лежало карнавальное переодевание и травестирование старомосковских обычаев. 3 июня 1712 г., сразу после окончания торжеств в честь женитьбы «первого Сенатора и Министра» кн. Я.Ф. Долгорукова, отмеченной согласно новым придворным порядкам⁴², Петр «вздумал отпраздновать свадьбу по старинному обычаю» — уже испытанный инструмент для сталкивания старой и новой систем поведения. Все участники действия, «от членов царского дома до лакеев», должны были явиться в традиционных длинных кафтанах, которые английский посланник Чарльз Витворт охарактеризовал как «странные» и «неуклюжие». Иностранцам одеяния были специально разосланы, а русским гостям обоих полов предписывалось надеть уборы, в которых они «сами или их предки ходили около тридцати лет тому назад». Более того, «чтобы выдержать характер праздника вполне», царь послал в Москву за «стариками-музыкантами своего отца»⁴³. Маскарадное подражание двору царя Алексея Михайловича, таким образом, должно было оттенить культурный прорыв, совершенный его сыном.

Нарядившись в старомодные платья, гости вместе с женихом и невестой отправились в церковь, где молодых обвенчали с соблю-

дением всех тонкостей православного обряда. Согласно «Походному журналу 1712 года», во главе свадебной процессии Бутурлиных двигалась царская семья, сопровождаемая «Адмиралом [императорского флота Ф.М. Апраксиным], и Генералами, и Сенаторами, и иностранными Послами и Резидентами, и жителями Петербургскими знатными с женами»⁴⁴. Закончив церковную процедуру,

<...> общество село на какой-то баркас, сделанный на манер старого русского судна, тяжелый, неуклюжий, способный двигаться только по ветру. А так как ветер как раз дул противный, баркас до Петергофа буксировался полу-галерой. Петергоф — прелестный загородный дом, построенный Его Величеством на полупути между Петербургом и Кроншлотом. Все общество прибыло туда около одиннадцати часов вечера (ночей здесь в эту пору года не бывает); ему был приготовлен очень хороший ужин. Царь во весь путь с особенным удовольствием потешался над русской стариной, но очень заметно было, что многие играли свою роль с сожалением и не прочь были бы вернуться к старым порядкам⁴⁵.

И старое платье, и плохо управляемое судно зримо воплощали «русскую старину», над которой царю так нравилось «потешаться». Ничего из этого, по его замыслу, не должно быть в Петербурге — новой торговой, чиновной и морской столице державы. Поведение Петра на свадьбе митрополита Санкт-Петербургского ясно показывает полемическую цель этого маскарада: облачение старого московского двора надевается новыми государевыми слугами только для потехи.

Карнавализованное бракосочетание Бутурлина завершало целый ряд матримониальных торжеств, устроенных Петром для членов царской семьи и для его приближенных в период постройки Санкт-Петербурга. Как и только что сыгранная по новой придворной моде свадьба Долгорукова, кошунственное празднование нового брака демонстрировало сдвиг в понимании самого института женитьбы: от инструмента клановых отношений к публичной акции, приобщающей высшие круги русского государства к европейскому придворному обиходу. Можно сказать, что театрализованные свадьбы, устроенные по сценарию самого Петра, занимали важное место в кругу его символических действий, призванных укрепить положение России как полноправной европейской монархии и одновременно подчеркнуть личную харизму царя. Такая гипотеза помогает разобраться в аллегорических значениях другого матри-

мониального спектакля — свадьбы князь-папы Н.М. Зотова, которую принято считать ярким примером крайностей и эксцессов петровской секуляризации, а также богохульства и непристойного юмора самого Петра. Однако привлечение актуального исторического контекста и анализ библейских отсылок позволяют увидеть за ритуалами этого придворного зрелища определенную идеологию, связанную с новой имперской столицей и божественной властью ее основателя.

Предыстория этой свадьбы началась еще в конце лета 1713 г., когда Петр задумался о зимних празднествах в честь окончания первой финской кампании — успешного вторжения русских сухопутных и морских частей в отдаленную южную часть шведских владений на Балтике⁴⁶. 30 августа 1713 г. из собственной канцелярии всем членам царского окружения были разосланы циркулярные письма, возвещавшие победу при Або (Турку). В послании, которое получил Н.М. Зотов, «государственный фискал» и «генерал-президент» Ближней канцелярии (до основания Ревизион-коллегии⁴⁷), находилась также собственноручная приписка Петра в привычном для адресата шутилом тоне: «Желаем дабы ваша святость нас не запомнил своим прибытием»⁴⁸. Судя по письмам, отправленным тогда же пародийному двойнику монарха — «Его Величеству» кн. Ф.Ю. Ромодановскому и кн. А.П. Голицыной, урожденной Прозоровской, входившей в женскую часть Всешутейшего собора, государь намеревался собрать в Петербурге всю свиту для предполагаемого торжественного въезда победителей в город⁴⁹. Однако, к удивлению царя, семидесятилетний князь-папа отказался от приезда в новую столицу и попросил разрешения уйти в монастырь.

В ответ на недвусмысленное желание Зотова оставить службу царь повелел ему жениться, разрушив тем самым надежды своего престарелого слуги обрести покой в монастыре⁵⁰. Зотов попытался оттянуть неизбежный отъезд, но царь короткой запиской в том же насмешливом тоне приказал ему явиться в Петербург⁵¹. Не успев получить ее, не торопившийся со сборами Зотов в новом обращении к монарху прибег к другой тактике. В письме к «премногосладостивому государю ц. П. А.» от 2 октября 1713 г. «Smirennyi Anikit» признавался, что скорее ослушается Господа, чем царя:

Доношу вашему Величеству[,] яко самому Богу; получил я от ваших государских уст изволение ваше со утверждением истинным; что в мона-

стырь меня отпускать и монахом быть не изволите; а указал мне[,] для домового осмотра[,] иметь в супружестве жену, избрав добрую[,] средовечную[,] дабы старость мою покоила, и ныне[,] по вашему государскому милостивому призрению[,] для покоя старости моей[,] указано мне пожить на Москве до зимняго пути, а если[,] государь[,] в сих числах обрещется жена[,] к супружеству моему годная, по[з]воль, милостивый наш государь[,] мне здесь в Москве супружество принять не розгласительное, и от разбивки злых человек питербур[г]ским житием сокровенное, а впредь, государь[,] мне к тому такова удобнаго времени не получить; а в приезде[,] государь[,] нашем в Петербурх, какую изволишь для увеселения вашего государского публику учинить, то радостною охотою вас[,] государей[,] тешить готов, только б бабу супружеством с Москвы уволочь, а бес того никакая вдова з женихом без супружества ехать не похочет, по [за]мерзелому своему стыду.⁵²

С помощью многозначительного в данном контексте словосочетания «в сих числах» Зотов выражал надежду на то, что решение о его свадьбе не принято окончательно и царя еще можно отговорить. За наигранным рвением старика поучаствовать в царской забаве фактически скрывался отказ. В таком случае и неубедительный каламбур в конце письма скорее означал нежелание возвращаться к своим придворным обязанностям, чем полупристойное обыгрывание давним женоненавистником предполагаемой фригидности невесты.

Однако ни уверения в преданности, ни скабрзные шутки не могли разубедить Петра. В ответном послании царь сделал вид, что принимает вырванное из Зотова согласие на брак за искреннее желание жениться:

Письмо вашей светлости до нас дошло в котором изволяете сочетатца законным браком[,] что ни от кого возбранено быть не может[.] Что же оно седмо таинство изволяете татски учинить образом древнего варварского обычая[,] на то позволить не можем[,] по апостолу [«]еда еже разорих сие паки созидаю преступника себя представляю[«]. Тако же чтоб все мы и место сие лишено было вашего веселия и то дело есть невозможное[.] А что ей не с кем ехать с Москвы[,] изволь приказать сестре моей[,] чтоб взяла с собою (и сие письмо покажи[,] что я то ей велю) и то тотчас зделаетца[.] Что же о езде вашей[,] чтоб до зимы я желал чтоб к 20-му числу будущаго (ноября) месяца[.] Однако ж сие будь по воли вашей[,] только к празнику Рожества быть <...>⁵³

Заранее отвечая на уклончивые реплики Зотова, царь при помощи цитаты из апостольского послания (Гал 2:18) отождествляет просьбу придворного сыграть свадьбу в Москве с преступлением. Прозрачная только на первый взгляд отсылка заставляет поставить два вопроса: почему царь приводит выдержки из Писания в корреспонденции к своему старому дядьке и с какой целью он избирает именно этот отрывок из Послания Павла к Галатам? Ответив на них, мы приблизимся к выявлению причин, по которым царю так настоятельно понадобилось, чтобы свадьба князь-папы состоялась именно в Петербурге.

Шутливо упрекая своего потешного духовного наставника в попытке «паки созидать» то, что тот помогал «разорить», царь подразумевал служение их обоим делу преобразования Московского царства. Упоминание «древнего варварского обычая», связанного с «седьмым таинством», следует рассматривать как в контексте свадебных пародий, устроенных Петром и его приближенными в Москве и Петербурге, так и на фоне выступлений царя против ханжества⁵⁴. Оппозиция старого и нового в царском письме перекликалась с посланием апостола: в соответствующей главе Павел говорит о различии между подлинными праведниками и теми, которые, «ища оправдания в Христе», ведут жизнь грешников. Апостол укоряет своего собрата Петра, поставленного самим Иисусом главой церкви, в поддержании старых обычаев, облегчающих переход иудеев в новую веру. По словам Павла, Петр недостаточно ясно осознал, насколько смерть и воскресение Спасителя переменили жизнь на земле: для тех, кто пришел к оправданию верой, нет пути назад к делам закона. Вера в божественную благодать Исккупителя будет выше всякого закона и в грядущем Царстве Божиим.

В письме к Зотову царь эксплуатирует ту же мессианскую топiku. Адресат — князь-папа, пародийный наместник св. Петра — должен понять необратимость преобразований, связанных с переносом столицы из Москвы в Петербург. Для духовного вождя Преображенного царства жениться по «древнему варварскому обычаю» после обретения нового порядка, заповеданного самим царем, такой же грех, как для галатов жить «по делам закона» после явления Христа. Вот почему царь настаивал на проведении свадьбы князь-папы в Петербурге, на торжествах в честь военной кампании, самой успешной со времени Полтавской победы. Тем самым Петр стремился использовать счастливый момент, когда Промысел Божий был явно на стороне русской армии, чтобы продемонстриро-

вать грядущее воплощение его постоянной мечты — заключения долгожданного мира и формального признания недавно отвоеванных у Шведской империи балтийских портов, особенно своего любимого земного «парадиза»⁵⁵.

Однако у грандиозных планов царя нашлись противники. Главной помехой будущей свадьбе стала Анна Стремоухова, урожденная Пашкова, дочь московского придворного, подозревавшегося в симпатиях к старообрядцам, которую Петр выбрал в невесты Зотову⁵⁶. Уже 8 ноября 1713 г. монарх сообщил своему другу генерал-лейтенанту И.И. Бутурлину — дальнему родственнику «митрополита Санкт-Петербургского»⁵⁷ — о том, «что всеблаженнейший отец, князь папа соизволяет брачитца на вдове роду Пашковых, которая была полку нашева за афицером за Иваном Страмуховым», добавляя: «Сия навина мне кажетца не малая»⁵⁸. Близкое знакомство Петра с делами Преображенского полка позволило ему в течение всего нескольких недель подобрать женщину, которая не стала бы, по его мнению, перечить монаршей воле. Тем не менее вдове Ивана Стремоухова, видимо, не хотелось быть предметом государевой потехи, и хотя царь ожидал прибытия в Петербург обоих брачующихся, в город в конце ноября 1713 г. (как и было приказано) приехал только Зотов. Несмотря на участие последнего в зимних празднествах, в том числе в похоронах «архидиакона Гидеона», женитьбу пришлось отложить. Но эта задержка не могла остановить царя, продолжавшего готовиться к будущей свадьбе. Выполняя свое обещание обеспечить неуступчивой невесте надлежащее сопровождение, он обратился к сестре, царевне Наталье Алексеевне, жившей в Ново-Преображенском. В «цыдулке», приложенной к письму, всего через два месяца после провала первоначального замысла царь передавал просьбу от духовного главы Преображенного царства: «Просил князь папа чтоб невесту ево взяла с собою и ты ей объяви и когда она от него письмо получит и ты ее возми с собою»⁵⁹.

После начала новой кампании в Финляндии царь поручил организацию зотовской свадьбы Г.И. Головкину, члену царской свиты и (после смерти Ф.А. Головина в 1706 г.) главе Посольского приказа. Устройство царских торжеств, в том числе и бракосочетаний, традиционно входило в компетенцию этого ведомства: ясно, что Петр хотел доверить оформление шутовского праздника серьезным, испытанным в подобных делах чиновникам⁶⁰. В течение следующих месяцев служащие приказа формировали списки гос-

тей с указанием одеяний, которые надлежало носить тому или иному участнику обряда, и музыкальных инструментов, предназначенных для свадебной процессии⁶¹. В конце сентября 1714 г. подчиненные Головкина приступили к выполнению царского указа и стали созывать будущих гостей обоего пола для раздачи нарядов, масок и музыкальных инструментов⁶². Наконец, незадолго до дня бракосочетания, была проведена генеральная репетиция в костюмах, скрытых ради сохранения интриги под длинными балахонами⁶³.

Составленный Посольским приказом «Регестр линейам» насчитывает всего 13 саней, следовавших в свадебном поезде: «Жениховый, Царского величества, господина губернатора кн. Меншикова, господина адмирала графа [Ф.М.] Апраксина, господина графа [Г.И.] Головкина, господина графа [И.А.] Мусина-Пушкина, кн. Якова Федоровича Долгорукова, кн. Григория Федоровича Долгорукова, кн. Василия Володимеровича Долгорукова, митрополита здешнего [П.И. Бутурлина], митрополита Новгородского [Т.Н. Стрешнева], господина генерала [Якоба] Брюса и господина генерала [Адама] Вейде»⁶⁴. Позднейший вариант того же реестра содержал изменения: сани Меншикова оказались на сей раз позади транспорта адмирала Апраксина и царя Петра, причем последний теперь именовался «вице-адмиралом» флота: этот чин он получил за храбрость в победоносной Гангутской битве, завершившей кампанию 1714 г.⁶⁵ К процессии добавилась еще пара саней для иностранных послов и для кн. М.А. Черкасского, руководителя градостроительных работ в Петербурге⁶⁶. Если все сани были укомплектованы предписанным числом гостей, то всего в свадебном кортеже ехало около 150 человек; вместе с их супругами это число приближалось к четырем сотням гостей, о которых пишет очевидец и участник маскарада — ганноверский резидент Фридрих-Христиан Вебер⁶⁷.

Присутствие на торжестве Вебера и других иностранных посланников показывает, что праздник был рассчитан не только на зрителей, собравшихся на невских берегах. Судя по костюмам, заказанным из Посольского приказа, маскарад содержал символическое послание, обращенное к другим европейским монархиям, прежде всего к тем, кого касался недавно заключенный Утрехтский мир (1714). Наряды брачующихся — жених был одет в «платье манерою кардиналов римских <...> малинового цвета <...> скуфейку бархатную <...> и лопастки камордковые как носят ксензы», а его невеста носила длинное черное «платье Гишпанскою манерою <...> с круживами <...> и волосы в прибавку к натуральным» — превра-

щали свадьбу в сатиру на проигравших в войне за испанское наследство (1701—1714): императора Священной Римской империи, габсбургскую Испанию и Ватикан⁶⁸. Конфликтующие стороны охотно прибегали к распространению политических памфлетов, в которых очерняли и высмеивали своих врагов. В эту кампанию вступила даже русская дипломатия, субсидировавшая перевод польской листовки, на которой участники войны были изображены в виде карточных шулеров⁶⁹. Устроенная царским двором свадьба князь-папы включилась в эту внешнеполитическую игру⁷⁰.

В контексте антикатолической и антигабсбургской кампании военного времени наряды князь-папы и его «Гишпанской» невесты имели яркую политическую окраску. В длинном черном одеянии вдова Стремоухова могла символизировать «овдовевшую» Испанию, которая, несмотря на траур по недавно умершему «супругу» (Карлу II), поощряла домогательства жадных соседей. Церковный костюм жениха намекал на порочную связь католической Испании с Ватиканом; их репутация к концу войны определялась неумеренными имперскими претензиями в сочетании с религиозной нетерпимостью и политической слабостью. Сама свадьба тем самым становилась пародийной аллегорией кошунственного союза между папой и испанскими Габсбургами. Как мы увидим ниже, высмеивание религиозных и политических амбиций императора и папы служило контрастным фоном для не менее грандиозного имперского замысла русского царя. В этой перспективе маскарад 1715 г. по своему идеологическому заданию напоминал потешные маневры при основании Прешбурга, подмосковной столицы Преображенного царства.

ЦАРСКОЕ ШАРИВАРИ

15 января 1715 г., накануне бракосочетания, последовал царский указ с подробным планом церемонии⁷¹. На следующее утро по специальному сигналу («трех выстрелов пушечной стрельбы») участники маскарада должны были облачиться в костюмы, скрыв их до времени под верхней одеждой, «как были на смотре», и разойтись по заранее оговоренным местам. Мужчинам предписывалось взять с собой музыкальные инструменты, розданные на репетиции действия, женщинам — «дудочки красные». Кавалеры собирались в доме у гр. Головкина, дамы — у Д.Г. Ржевской, урожденной Соков-

ниной, князь-игумень Всешутейшего собора и дальней родственнице В.А. Соковнина, когда-то бывшего «пророком» Преображенного царства⁷². Царь, лично посетивший оба дома заранее, еще в начале Святков, успел убедиться в том, что их хозяева готовы принять соответствующее количество гостей⁷³. Нева уже замерзла, и места для саней рядом с резиденциями Головкина и Ржевской хватало⁷⁴.

Отобедав у Головкина, Петр присоединился к процессии ряженных, отправившихся провожать молодых в Троицкий собор⁷⁵. Подробное, хотя и не во всем достоверное описание того дня у Вебера стоит привести полностью как документ восприятия петровской забавы глазами иностранного дипломата:

Большой маскарад, к которому весь Двор готовился уже три месяца, праздновался наконец 27 и 28 Января, и так как подобного маскарада, может быть, никогда не бывало на свете, то я не могу не коснуться здесь, хотя вкратце, главнейших его обстоятельств.

В детстве у царя был учитель чистописания, некто Зотов, которого он, семидесятилетнего уже старика, сделал потешным советником (lustiger Rath), произвел в шутку в патриархи, потом, в таком же смысле, даровал ему княжеское достоинство и наконец объявил папою, в каковом качестве царь и женил его, когда ему было уже 84 года, на злой и бодрой еще 34 летней вдове. По случаю этой-то свадьбы и назначен был маскарад из 400 человек обоего пола, в котором каждая 4 лица должны были иметь свой костюм и особый музыкальный инструмент, таким образом что все вместе должны были представить 100 различных костюмов и звуков всех, преимущественно Азиатских, наций. <...>

Подставной царь Московский по одежде представлял собою царя Давида, но вместо арфы ему дана была обтянутая медвежьей кожей лира, которою он должен был потрясать в поезде. Как важнейшее лицо, его везли на особых козлах, приделанных к огромным саням, и на 4-х концах этих козел посажено столько же огромных диких медведей, которых приставленные нарочно для того люди кололи острыми рогатинами и заставляли страшно реветь, как только царь Давид, а по его примеру и все остальное общество, начинали свою дикую музыку, неистово заглушая друг друга.

Сам царь одет был Фризским крестьянином и вместе с тремя другими генералами искусно выколачивал на барабане. При такой обстановке и под звон колоколов, маски сопровождали неровную брачную чету в главную церковь и поставили ее пред алтарем, где и обвенчал ее сто-

летний священник. Перед этим последним, потерявшим уже зрение и память, и еле стоявшим с очками на носу, держали две свечи, и в уши кричали ему какие он должен был читать молитвы перед брачную четою⁷⁶.

После кошунственного обряда в Троицком соборе, названного в «Походном журнале 1715 года» «незаконным браком», участники празднества отправились на Васильевский остров во дворец Меншикова. У царского любимца, служившего распорядителем и собственной свадьбы монарха, уже был готов стол для пиршества и комната для жениха и невесты. Поутру гости собрались в спальне молодых, пародируя известный ритуал, касающийся проверки невинности невесты. От 84-летнего старика едва ли кто-то ожидал полноценной брачной ночи, а от 34-летней вдовы — целомудрия, однако традиция была соблюдена⁷⁷. Затем вся компания вновь погрузилась на сани и переехала на Петербургскую сторону. После обеда во дворце «Вице-адмирала» — самого царя — ряженные провели остаток дня (17 февраля) в катании по заснеженному городу. Свадьба (но не зимние торжества 1715 г.) закончилась с отъездом государя той же ночью в Кроншлот⁷⁸.

Оформление празднества — от контрастных цветов, в которые были наряжены престарелый приказный дьяк и молодая дворянка-староверка, до «разных забавных потех», происходивших с ними во время санных поездок, — указывало на «неровный» характер этого брака. Свадебная обрядность раннего Нового времени предписывала в подобных случаях исполнение ритуала, именуемого по-разному в разных странах, но везде и всюду призванного опозорить и громко осмеять нарушителей привычного порядка — общественного, конфессионального или матримониального⁷⁹. В рамках Преображенного царства роль самоназначенных ревнителей веры и нравственности должны были играть, разумеется, царь и его приближенные. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить неприглядные последствия мезальянса, описанные в «Притче о старом муже», женоненавистническом диалоге конца XVII в., с просьбой царя к Зотову ради сохранения здоровья не пользоваться своим супружеским положением⁸⁰, а также ироническими пассажами из семейной эпистолярной переписки самого Петра, в шутку укорявшего молодую супругу в неверности: «Так-та вы, еввины дочки, делаете над стариками!»⁸¹ Но дело здесь не столько в привычных гендерных представлениях Петра и его «кумпании», сколько в политическом зна-

чении этого публичного придворного зрелища. В этой перспективе женитьба князь-папы предвещала крутые перемены в религиозной и политической жизни Московского царства.

Даже если царь еще и не думал об упразднении патриаршества, публичное осмеяние и переодевание шутовского владыки папой сигнализировали о притязании монарха на единоличную власть во всех делах государства, как земных, так и духовных. Учитывая общеизвестные слухи о принадлежности Пашковых к старообрядчеству, в решении царя обвенчать Стремоухову с князь-папой в святых стенах Троицкого собора — вплоть до 1730-х гг. кафедрального собора Петербурга⁸² — можно увидеть еще один выпад Петра против «древних варварских обычаев» московского закона. Соотнесение обрядов православной церкви с католическими, к которым здесь добавились еще и староверческие обычаи, отсылало к давней распре между поборниками религиозной терпимости и догматиками, не утихавшей вплоть до перемещения Преображенного царства в государев «парадиз» на Неве. Согласование двух доктрин значимым образом произошло в новой имперской резиденции «Его величества» «Фридриха» Ромодановского, главного героя петровских священных пародий, неизменно игравшего роль «князя мира»⁸³. В петровском рае не было места ни раскольникам, ни папистам: все грешники должны были быть верными подданными потешного князь-кесаря (и главы царского политического сыска), а следовательно, и настоящего богоизбранного монарха.

Поведение князь-кесаря на петербургском маскараде 1715 г. подтверждает, что приготовленное царем зрелище имело значение, далеко выходящее за рамки обычных святочных увеселений богохульного и непристойного толка, будь то пародия свадьбы или другого церковного таинства⁸⁴. Не акцентируя политического измерения петровских намеков на божественное царство, Вебер тем не менее отмечает, что «подставной царь» явился на празднике в роли скромного псалмопевца⁸⁵. В рамках хорошо известной Петру русской политической традиции преемственность между библейским царем и современными монархами была очевидна. По словам другого путешественника, посетившего Московию в начале XVII столетия, для русских «слово царь <...> находится в св. Писании, где Давид, Соломон и другие государи названы: царь Давид, царь Соломон. Посему они говорят, что имя царя, которым Богу угодно было некогда почтить Давида, Соломона и других властителей Иудейских и Израильских, гораздо более прилично государю, не-

жели слово цесарь и король, изобретенное человеком и присвоенное, по их мнению, каким-нибудь завоевателем»⁸⁶.

Образ царя Давида, избранный Петром для Ромодановского, мог указывать на скрытую аналогию между царским «шаривари» в Петербурге и обрисованным во Второй книге Царств обрядом перенесения в Иерусалим Ковчега Завета. В Писании говорится, что Давид и «весь дом Израилев» везли Ковчег Завета в Храм, «играюще во органы устроенныя в крепости, и в пениих, и в гуслех, и в свирелех, и в тимпанех, и в кимвалех, и в цевницах» (2 Цар 6:5; ср. 1 Пар 15:28). «Дикая музыка», сопровождавшая эту шумную процессию, составляет важный (и до сих пор не отмеченный) прецедент петровского праздника в его «райском» городе. В обоих случаях нестройные и кощунственные звуки, исходившие от царя и его компании, символизировали божье благословение вновь освященной столице, одновременно подчеркивая личную благодать монарха. Эта парадоксальная трактовка объясняется следующим отрывком из того же места Писания:

И Давид и весь дом Израилев несяху кивот Господень с воплем и гласом трубным. И бысть кивоту приносиму во град Давидову, и Мелхола дочь Саулова приницаше оконцем. И видя царя Израилева скачуща и играюща пред Господем, и уничижи его в сердце своем. <...> И возвратися Давид благословити дом свой, и изыди Мелхола дочь Саулова на сретение Давиду, и благослови его, и рече: коль прослави ся днесь царь Израилев, иже открыся днесь пред очима рабынь рабов своих, якоже открывается открывшийся един от пляшущих. И рече Давид к Мелхоло: пред Господем плясати буду. И благословен Господь, иже избра мя паче отца твоего, и паче всего дому его, поставите мя властелина над людьми своими над Израилем, и буду играти и плясати пред Господем. И открыюся еще такожде, и буду непотребен пред очима твоими, и с рабынями от них же рекла еси, непрославлен быти ми. И у Мелхолой дочери Саули не бысть детища до дне смерти ея. (2 Цар 6: 15—16, 20—23).

Унижение царя перед Господом оказывается здесь залогом божьей милости, с помощью которой монарх и воин только и может снискать славу и величие. Чем больше могущественный государь унижается перед Творцом, тем более возвышается он в глазах Бога и избранного народа⁸⁷. Смысл этой притчи предельно ясен: те сыны Израилевы, которые понимают истинное значение царского весе-

ля и споспешествуют в том боговдохновенному монарху, будут «плодиться и размножаться», как сказал Господь Адаму и Еве в райском саду (Быт 1:28); те же, кто, как Мелхола, дочь Саула и первая жена Давида, предпочтут остаться в стороне и хулить царя, останутся бесплодны и никогда не войдут в Царство Божие, грядущее после переноса Ковчега Завета в «град Давидов». Аллюзия на этот отрывок в петербургском маскараде подкрепляется и образом первой жены царя, и идеей града Петрова — нового духовного центра русской империи.

Сложно судить, насколько участники петровского карнавала понимали все аллегорические тонкости, заложенные в costume Ромодановского-Давида. Так или иначе, и сам Петр, и князь-кесарь были хорошо знакомы с приведенным библейским фрагментом. За четыре года до описываемой свадьбы будущий жених Стремоуховой вспоминал этот сюжет в связи с празднованием военных успехов русской армии при Лесной (28 сентября 1708 г.) — тем самым сражением, в котором был убит муж Стремоуховой. В письме от 6 октября 1708 г., посланном «Smireнным Anikitom» из Почепа «священнейшему протодиакону господину.. архиполковнику Р.А.», князь-папа поздравлял Петра с «Богом дарованной викторией над неприятелем» и сообщал о впечатлении, которое известия о победе произвели на стоявшие на Украине войска:

О сей радости по молебном пении на всенародное веселие, а неприятелю на страх были пушечная и мелкого оружия трикратная стрельба. А при обеде господина фельтмаршала [Шереметева] довольно угощен и поздравляючи вас о оружие ваше и самих себя от горячего и лозного вина и от прочих питей удовольствовались гораздо <...>

Как будто не протрезвев еще после обязательного в таких случаях торжественного пира, Зотов говорит языком церковного красноречия о «неизреченной радости», которой

душевные и телесные обрадовались и во всем всякого чину и возраста яко обновление себе восприяли, и перед твоим Богом дарованным в той победе многим трудом яко древле Давид пред сенным ковчегом веселыми ногами скачюще играем, и Господа Бога молим дабы милостивыми своими щедротами яко Давиду же на Галиада, тако и вам на второг[о] Галиада на прегордаго шведа даравал победу и одоление <...>⁸⁸

В своем хмельном панегирике Зотов прямо сравнивает успехи Петра с деяниями библейского царя-воина, опираясь на описанную выше идею о преемственности русского монарха по отношению к царю Давиду. Намакая на экзегетическую традицию, частично отождествлявшую Давида с Христом, князь-папа выражает надежду на то, что «трусами» Петра обновятся «душевные и телесные» верующие в его благодать так же, как когда-то смерть и воскресение «сына Давидова» (Мф 1:1) вдохновили апостолов⁸⁹. Состояние «неизреченной радости» — иступленное переживание «трезвого пианства» (см. главу вторую) — напоминает о божественном происхождении государя, остающегося господним избранныком даже в той скромной роли, которую он принял на себя в ходе потешных празднеств⁹⁰.

Таким образом, становится ясно, почему костюм царя Давида, в котором появился князь-кесарь Ромодановский на свадебном маскараде князь-папы Зотова⁹¹, был открыто и преднамеренно противопоставлен простому наряду Петра. На протяжении торжеств 1715 г. Петр носил тот же убор, в котором за много лет до этого участвовал в роскошном маскараде при венском дворе императора Леопольда. Одежда «фризского крестьянина» (по названию нидерландской провинции, славившейся знатоками морского дела) на праздновании *Wirtschaft* — германского аналога Святков — отсылала к образу голландского капитана⁹². Как я попытался показать в главе третьей, роль нидерландского шкипера, которую Петр разыгрывал в начале 1690-х гг. в период своих первых мореходческих опытов, отнюдь не свидетельствовала о самоуничтожении монарха, но, напротив, поддерживала миф о боговдохновенном основателе флота. Подобно Христу, царь принял на себя низкое звание, чтобы собрать апостолов и с их помощью преобразовать мир. Точно так же после Гангутской победы бывший шкипер (а ныне вице-адмирал) нарядился в ту же одежду, что и на приеме у властителя Священной Римской империи, в игровой форме подчеркивая связь между своими военно-морскими успехами, отечественными преобразованиями и обширными внешнеполитическими притязаниями, а в дальней перспективе и претензии на императорский титул⁹³.

¹ Общественная титулатура потешных архиереев Преображенного царства раскрывается в подлиннике недатированного письма «господину протоиерейскому Петру Михайлову»: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Ед. хр. 67. Л. 55. Ср.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // Русская старина. 1872. Кн. 6. С. 851—852.

² Письмо Петра к кн. Я.Ф. Долгорукову от 13 февраля 1715 г. // АСПБ ИИ. Колл. 277. Оп. 2. Ед.хр. 6. Л. 3—3об. О кн. Я.Ф. Долгорукове, одном из старейших и влиятельнейших приверженцев Петра, см. в работах: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 77, 96, 317, 330; *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 231 (о дате рождения князя); *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 268, 367, 410, 442, 459, 489, 490; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 155, примеч. 55, 470.

³ АСПБ ИИ. Колл. 277. Оп. 2. Ед.хр. 6. Л. 3об. Важнейший указ, касающийся межконфессиональных браков, — «Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном вступлении в брак с иноверцами (Августа 18 дня 1721 года)» — см. в изд.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 719—725. Такого рода союзы одобрял и Феофан Прокопович. См. его: Рассуждение св. Синода о браках правоверных с иноверными. СПб., 1721. Анализ политики Петра в области матримониального права см. в работе: *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. P. 216—217.

⁴ Текст указа от 26 ноября 1718 г. об учреждении «ассамблей» см.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3246. Список придворных, избранных хозяевами первых ассамблей, находится в разд. 8 корректурного экземпляра указа. См.: *Агеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга I четверти XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 288. Первая ассамблея была проведена 27 ноября 1728 г. у П.И. Бутурлина, третьего князь-папы Преображенного царства. См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 268.

⁵ Процитированные слова о «добром порядке» заимствованы из предисловия к Воинскому Уставу 1716 г., содержащего следующее толкование поучительной функции пародии: «Но по том когда войско распорядили, то какие великия прогрессы с помощью вышняго учинили, над каким славным, и регулярным народом. И тако всяк может разсудить, что ни от чего иного то послеловало, токмо от добраго порядку. Ибо все-безпорядочной Варварской обычай смеху есть достойный, и никакова добра из оного ожидать возможно» (Книга Устав Воинский... СПб., 1719. С. 1—2).

⁶ См.: Сказание о гаере гарликине Российском. Старинные действа и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И.А. Шляпкиным // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1921. Т. 97. № 1. С. 200—212; Интермедия // Русския драматическия произведения, 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 2. С. 485—498; Шутовская комедия // Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903. С. 493—558.

⁷ Подписи к гравюрам Адриана Шхонебека републикованы в кн.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 31—32.

⁸ См.: Лексикон трезвычный... М., 1704. Л. 73об.

⁹ О служебном продвижении Я.Ф. Тургенева см.: *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 67, 328, 421;

Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л., 1982. С. 180—181. По справедливому замечанию Пола Бушковича, принятое до сих пор мнение о том, что Тургенев якобы умер сразу после свадьбы, — результат ошибки позднейшего редактора. См.: *Bushkovich P. Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690s // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1995. Bd. 50. S. 97, примеч. 45. Через много лет после свадьбы, в 700-х гг., Тургенев, будучи в «дворцовом штате», получал 50 рублей жалованья. См.: *Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. 1. С. 267.*

¹⁰ См.: *Кожуховский поход, 1694. (Современное описание) // Военный сборник*. 1860. Т. 11. № 1. С. 49—106. Анализ символической подоплеки этой кампании см. в работе: *Warner R.H. The Kozukhovo Campaign of 1694; or, The Conquest of Moscow by Preobrazhenskoe // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1965. №13. S. 487—496.

¹¹ О колядовании см.: *Поньрко Н.В. Русские святки XVII в. // ТОДРЛ*. 1977. Т. 32. С. 84—99; *Она же. Святочный и масленичный смех // Смех в Древней Руси*. Л., 1984. С. 154—202; *Ивлева Л. Ряженье в русской традиционной культуре*. СПб., 1994.

¹² *Желябужский И.А. Записки // Россию поднял на дыбы*. М., 1987. Т. 1. С. 413—414. Его послужной список см. в работах: *Айрапетян И.Ю. Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России*. С. 321; *Уссас Б. Желябужский, Иван Афанасьевич // Русский биографический словарь*. Т. 5. С. 25—26.

¹³ Описание герба («старобытного его и шляховецкого герба: козы») и прозвища Тургенева см. в статье: *Кожуховский поход, 1694*. С. 62.

¹⁴ Описание, история портрета и его место в так называемой «преображенской серии» приведены в работах: *Молева Н.М. Персоны Всешутейшего собора // Вопросы истории*. 1974. №11. С. 206—211; *Гаврилова Е.И. О методах атрибуции двух групп произведений Петровской эпохи (живопись, рисунок) // Научно-исследовательская работа в художественных музеях*. Т. 2. М., 1975. С. 54—55. О пародическом задании разбираемого портрета-антипарсуны см.: *Чубинская В.Г. Новое об эволюции русского портрета на рубеже XVII—XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия*. 1982. Л., 1984. С. 323—325. О портретах Петровской эпохи см.: *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Imagery*. P. 190—220, 192—193.

¹⁵ О его чине во Всешутейшем соборе см. Приложение.

¹⁶ Шанский зафиксирован в документах эпохи как «стряпчий» и «стольник» (*Айрапетян И.Ю. Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России*. С. 431; *Иванов П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах*. М., 1853. С. 464). Как сообщает Н.М. Молева, он также был одним из первых русских дворян, посланных учиться за границу в 1697—1698 гг. (*Молева Н.М. Персоны Всешутейшего собора*. С. 208). Невеста Шанского была сестрой кн. Ю.Ф. Шаховского, кавалера ордена Иуды. См.: *Походный журнал 1713 года*. СПб., 1854. С. 53, примеч. (с).

¹⁷ *Бруин К., де. Путешествие через Московию*. М., 1873. С. 47—48. Впечатления от свадьбы зафиксировал еще один современник: *Perry J. The State of Russia under the Present Tsar*. London, 1716. P. 237—241.

¹⁸ См.: ПСЗ-1. Т. 4. № 1741 (4 января 1700 г.); № 1887 (20 августа 1700 г.); Peter's Decree on Wearing German Clothes, 1701 // Major Problems in the History of Imperial Russia. Lexington, 1994. P. 110—111.

¹⁹ См.: *Jacobson R.O.* While Reading Fasmer's Dictionary // Selected Writings. The Hague, 1971. P. 2. Об обрядовых званиях участников свадьбы см.: *Богословский П.С.* К номенклатуре и топографии свадебных чинов (По данным этнографической литературы и рукописным материалам Географического общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. С. 1—64; *Байбури А.К., Левинтон Г.А.* «Князь» и «княгиня» в русском свадебном величании (к семантике обрядовых терминов) // Русская филология. 1975. № 4. С. 58—76, в особенности 58, 62—63.

²⁰ Мужская и женская половина этого свадебного торжества изображены на незаконченном триптихе Адриана Шхонебека (см.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. С. 31—32). Из подписи к первой гравюре следует, что три высших чина Всешутейшего собора занимали первый стол, на помосте возле входа в «большую столовую палату» дворца «господина генерала Франца Лефорта». Кн. Ю.Ф. Ромодановский и И.И. Бутурлин были «в облачении, подобно монаршеского», а Н.М. Зотов — «в виде патриарха». См.: Там же. С. 31; *Подольский Р.* Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство. 1951. № 1. С. 27. На второй гравюре видна жена Бутурлина, начальствовавшая на женской половине и потому одетая «во облачении подобная царицына». См.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. С. 32.

²¹ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 201.

²² *Брун К., де.* Путешествие через Московию. С. 53.

²³ См.: *Kollmann N.* The Seclusion of Elite Muscovite Women // Russian History. 1983. Vol. 10. № 3. P. 170—187; *Агеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга 1-й четверти XVIII в. С. 135—145, в особенности 138—139.

²⁴ Нижеследующее описание матримониальной политики московского двора опирается на работы: *Keenan E.* Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115—181; *Martin R.* Dynastic Marriage in Muscovy, 1500—1729. Ph. D. Diss., Harvard University, 1996.

²⁵ О царице Евдокии см.: *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию... Р.Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 136—165.

²⁶ Сведения о добрых детях Петра и Скавронской см. в депешах английского посланника Чарльза Витворта (СИРИО. Т. 6. СПб., 1888. С. 146). О самой Марте/Екатерине см. в работах: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 394—398; *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, 1692—1724. СПб., 1884; *Alexander J.* Catherine I, Her Court and Courtiers // Peter the Great and the West: New Perspectives. Houndmills, 2001. P. 227—249.

²⁷ См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 397, 450—451, 560, примеч. 40; *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. III. С. 520—521.

²⁸ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 8. С. 356—357. Эта фамилия упоминается также в других источниках; см.: Патент данной Его Императорскому Величеству в обучении бомбардирского дела, и при том с онаго перевод, 1698 г. (РГАДА. Ф. 9. Отд. I, Оп. 2. Ч. I. Ед.

хр. 37. Л. 1—3); Росписка в получении жалования (29 января 1701) // Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 424 (ср. также: Там же. Т. 1. С. 453, 765, 847, 859; Там же. Т. 3. С. 31—32); *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 98, 488, примеч. 45; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 44—46, 56—60.

²⁹ Разбор символических и политических импликаций второй царской свадьбы базируется на выводах, сделанных в работах: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 261—262; *Martin R.* Dynastic Marriage in Muscovy. P. 254—259.

³⁰ См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12, ч. 1. С. 86 (письмо Петра к Гавриле Меньшикову от 20 февраля 1720 г.); свидетельство Ч. Витворта см.: СИРИО. Т. 6. СПб., 1888. С. 144.

³¹ О петровском «повышении по службе» см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9, ч. 1. С. 242—243, 342; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов). С. 44—45.

³² Описание этой свадьбы, а также анализ нового типа брачной церемонии, см. в работах: *Martin R.* Dynastic Marriage in Muscovy. P. 268—272; *Азеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга I четверти XVIII в. С. 141—142; *Она же.* Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII века: На примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от средневековья к Новому времени. М., 1992. С. 98, 102, примеч. 9.

³³ Собственноручный список Петра опубликован в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. Ч. 1. С. 83. Официальный перечень гостей см. в кн.: Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С. 1—7.

³⁴ Подробный разбор роли Головина в петровском окружении был проделан Л. Хьюз. См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 364—365; *Hughes L.* 'For the Health of the Sons of Ivan Mikhailovich': I.M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Cologne, 2001. P. 43—51.

³⁵ Распределение гостей на описываемой свадьбе восстановлено и проанализировано в работе: *Михайлов Г.А.* Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»: Реальность и вымысел // Панорама искусств. 1988. № 11. С. 20—55, в особенности 25—38.

³⁶ Стоит заметить, что Зубов зарисовал только третий день свадьбы, воздержавшись от попытки, предпринятой Шхонебеком, последовательно изобразить переход от старых манер к новым. У Зубова эта трансформация более статично воплощена в фигурах трех «духовных персон», находящихся в самом центре аллегорически понятого круглого стола царя Петра. О гравюре см.: *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. С. 122—124; *Михайлов Г.А.* Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I». С. 20—21, 51—53. О Зубове см. в работе: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Imagery. P. 177—184.

³⁷ Походный журнал 1712 года. С. 5—6.

³⁸ Царевич находился за границей, вместе со своей иностранной супругой, принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. См.: *Михайлов Г.А.* Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I». С. 39, 55, примеч. 29.

³⁹ Таким образом Бутурлин именует себя в одном из многочисленных писем «любезнейшему сыну и служителю <...> протодиакону Петру [Михайлову]». См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Ед. хр. 67. Л. 52; ср. письмо от 15 февраля 1708 г. тому же адресату, где он называется «Преосвященный Петропизд карчага»:

Там же. Л. 50. Ср.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // Русская старина. 1872. № 6. С. 854.

⁴⁰ Основанный еще в 1703 г., Санкт-Петербург de facto стал царской резиденцией только после Полтавской битвы. Поскольку Петр так никогда и не выпустил официального указа о столице империи, дату переноса метрополии можно условно отсчитывать от переезда Сената на берега Невы в конце 1713 г. См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 215; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 525.

⁴¹ О П.И. Бутурлине, с 1711 г. боярине отживающей Боярской думы, см. в работах: *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 98, 110, 316, 347; *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // Он же. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700—1725. СПб., 1884. С. 278—334, в особенности с. 286—287. См. также: Походный журнал 1723 года. С. 21, 36—37; *Самарин Н.Ф.* Бутурлины и Юшковы. Заметки из бумаг семейного архива Н.Ф. Самарина // Русская старина. 1872. № 6. С. 560.

⁴² Свадьба Долгорукова состоялась 1—2 июня 1712 г., через год после его освобождения из шведского плена (1700—1712). По информации Витворта, «[ц]арь распорядился празднеством». См. депешу от 8/19 июня 1712 г. (СИРИО. Т. 6. СПб., 1888. С. 214). Кн. Долгоруков взял в жены кн. И.М. Черкасскую, дочь кн. М.Я. Черкасского (ум. 1712). См.: Походный журнал 1712 года. С. 3, 14. Чин «первый сенатор и министр» зафиксирован впервые в описании царской свадьбы. См.: Походный журнал 1712 года. Т. 3. СПб., 1854. С. 14.

⁴³ СИРИО. Т. 6. СПб., 1888. С. 214.

⁴⁴ Походный журнал 1712 года. С. 14.

⁴⁵ СИРИО. Т. 6. СПб., 1888. С. 215—216. В официальной записи судно называется «Новгородской Юмой» (диалектный термин со значением «цепь плотов»). См.: Походный журнал 1712 года. С. 14.

⁴⁶ О финских походах 1713—1714 гг. см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 52; *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов). С. 369—373; *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб., 1994. С. 68—80.

⁴⁷ О службе Зотова после переворота 1698 г. см.: *Корсаков В.* Зотов, гр. Никита Моисеевич // Русский биографический словарь. Т. 7. С. 476—481. О его деятельности во главе Ближней канцелярии см. [Токарев Н.] Ближняя канцелярия при Петре Великом и ея дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Т. 5, ч. 2. С. 43—75; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 74; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 22—25. Царский указ от 22 августа 1711 г. о назначении Зотова «государственным фискалом» с обязанностью следить за дисциплиной среди чиновников опубликован в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11, ч. 2. С. 100, 409.

⁴⁸ АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 73. Л. 149.

⁴⁹ См. письма от 4 октября 1713 г.: кн. А.П. Голицыной (Там же. Л. 216) к Ромодановскому (Там же. Л. 211—212).

⁵⁰ Этот прием уже приносил Петру успех: генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев принял решение продолжить службу после того, как получил в знак

государевой милости невесту из царской фамилии (26-летней вдову дядюшки Петра по материнской линии Л.К. Нарышкина) с богатым приданым. О втором браке Шереметева см.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 90—91; и в особенности: *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 128—129, 228—229, 281.

⁵¹ См.: АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 73. Л. 215.

⁵² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 17. Л. 518—518об., 521 об. Ср.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 291—292.

⁵³ АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 73. Л. 256.

⁵⁴ Анализ высказываний царя против лицемерия или ханжества см. в работе: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Imagery. P. 24—25.

⁵⁵ Прямое сравнение Петербурга с «парадизом» содержится в послании Петра к Меншикову от 7 апреля 1706 г. (см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4. С. 209). Анализ царских писем с этой точки зрения см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 211—213. Плодотворную попытку разбора «райской» метафоры Петербурга в более широком контексте см. в кн.: *Baehr S.L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991. P. IX, 1, 31—33, 38—40, 65, 153, 184, примеч. 2.

⁵⁶ Отец Анны Пашковой, Еремей Афанасьевич, был назначен «в товарищи» своему отцу на воеводство в Даурию, где с 1656 по 1662 г. содержался протопоп Аввакум. Несмотря на гонения на Аввакума со стороны отца, сын, вопреки родительской воле, выбрал протопопа в свои духовные наставники. Аввакуму покровительствовала большая часть семейства А.Ф. Пашкова. Протопоп даже крестил одного из братьев Анны Пашковой. См.: Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 40—50. Ход службы А.Ф. и Е.А. Пашковых отражен в статье Н. Воронкова: Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 12. С. 444—445. Краткую родословную Пашковых см. в изд.: *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 77—78. О самой Анне Пашковой-Стремоуховой см.: Походный журнал 1712 года. С. 22, 48; *Любимов С.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 83.

⁵⁷ Об И.И. Бутурлине см.: Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф (1661—1738) // Русская старина. 1878. № 10. С. 161—186, в особенности 163—164; Бутурлин Иван Иванович // Русский биографический словарь. Т. 3. С. 549—551.

⁵⁸ АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 73. Л. 302. Об Иване Стремоухове см.: *Любимов С.* Опыт исторических родословий. С. 83.

⁵⁹ Письмо Петра к царевне Наталье Алексеевне от 24 января 1714 г. см.: АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 75. Л. 59. Культурная миссия царевны как посредника между Москвой и Петровым двором анализируется в работе: *Hughes L.* «Between Two Worlds»: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the «Emancipation» of Petrine Women // Window on Russia. Rome, 1996. P. 29—36.

⁶⁰ О списках гостей для царских свадеб, исходивших из Посольского приказа, см.: *Martin R.* Dynastic Marriage in Muscovy. P. 293—294, 318, 325, 339—340.

⁶¹ Большая часть этих документов хранится в архивном деле, озаглавленном «Записки касающиеся до шутошной свадьбы князь папы тайного советника Никиты Моисеевича Зотова в Санкт-Петербурге [1714-го сент. по февр.

1715-го]» (РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129). По более поздним пометам чиновников Коллегии иностранных дел (Там же. Л. 65, 93) видно, что эти записи послужили затем для организации карнавализованной свадьбы П.И. Бутурдина, преемника князь-папы Зотова.

⁶² Царские указы, датированные 21 сентября 1714 г., см.: Там же. Л. 1—4. Предварительный список важнейших придворных и их жен см.: Там же. Л. 8—9об., 12.

⁶³ См.: письмо Меншикова к Н.И. Головкину от 10 декабря 1714 г. (Там же. Л. 13—14) и официальный указ на основе того же письма (Там же. Л. 15—21об., 94—95).

⁶⁴ См.: Там же. Л. 14. «Духовные персоны» идентифицируются по записи в том же деле (Там же. Л. 22).

⁶⁵ См.: *Hughes, L. Russia in the Age of Peter the Great*. P. 52—53, 99.

⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 81, 89об. О кн. М.А. Черкасском и Приказе каменных дел см.: *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 99.

⁶⁷ *Вебер Ф.Х.* Записки // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1155. См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 57—62, 67—73, а также Л. 75—75об., 78—78об., 90—90об. «Гановерский секретарь» играл на «флейте» вместе с «цесарским», «пруским» и «галанским» резидентами. Там же. Л. 81.

⁶⁸ См.: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. P. 30—31; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 100—103, 108—109, 168, 316. Описание костюмов брачующихся см.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 65—66, 93—93об.

⁶⁹ Текст републикован в изд.: *Крылова Т.К.* Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий: сборник статей. М.; Л., 1947. С. 111—112. Ср. в памфлете «Всей Европы монархов карт играние» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 95. Л. 378—381, а также: Кн. 93. Л. 251—254об.) диалог Цесаря и Папы: «Цесарь молвит: Мой пан отец, что добрую о мне игру справил. Буду более играть. Папа: Пане Боже помогай и с той игры, ибо моя коза меня обманула».

⁷⁰ Проницательный анализ игрового языка тогдашней агитации см. в работе: *Etienvre J.-P.* Du jeu comme métaphore politique: Sur quelques textes de propagande royale diffusés en Espagne à l'avènement des Bourbons // *Poétique*. 1983. Vol. 56. P. 397—415.

⁷¹ См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 55—56.

⁷² Двоюродный брат Д.Г. Ржевской А.П. Соковин был казнен за участие в заговоре Цыклера (1697). После его раскрытия все Соковнины впали в немилость. Впоследствии Д.Г. Ржевская стала фрейлиной (а вернее, шутихой и шпионкой) Екатерины Алексеевны. В 1714 г. князь-игуменья была назначена к невестке царя и занималась сбором и передачей сведений о царевине. См.: *Долгоруков П.А.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4. С. 31—35; *Карабанов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // *Русская старина*. 1870. № 2. С. 482; *Hughes L.* *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 253. Из письма к Петру от 8 июля 1714 г. видно, какого рода деятельностью она занималась при дворе. См.: *Устрялов Н.Г.* История императора Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 322.

⁷³ См. записи от 23—25 декабря в кн.: Походный журнал 1714 года. С. 150—151.

⁷⁴ См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 55.

⁷⁵ См.: Походный журнал 1715 года. С. 47.

⁷⁶ Вебер Ф.Х. Записки. Стб. 1154—1156. См. также свидетельство голландского резидента Якоба де Би — еще одного иностранца, приглашенного на бурлескное празднование женитьбы «soi disant Патриарха»: *Thomas Eekman. Seven Years with Peter the Great: The Dutchman Jacob de Bie's Observations // Peter the Great and the West: New Perspectives*. Houndmills, 2001. P. 218—219.

⁷⁷ См.: Походный журнал 1715 года. С. 9, 33, 47. Обряд демонстрации окривленного белья после первой брачной ночи зафиксирован современником. См.: *Фокеродт И.Г. Россия при Петре Великом... // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских*. 1874. Т. 2. С. 104. Анализ ритуала см. в работе: *Levin E. Sex and Society of the Orthodox Slavs*. Ithaca, 1989. P. 87.

⁷⁸ Походный журнал 1715 года. С. 9, 33.

⁷⁹ См.: *Davis N.Z. Society and Culture in Early Modern France*. Stanford, 1975. P. 97—151 («The Reasons of Misrule», «Women on Top»); *Thompson E.P. Rough Music // Idem. Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture*. New York, 1993. P. 467—538; *Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe*. New York, 1978. P. 198—199.

⁸⁰ См. письмо К.М. Зотова к Петру от 27 июня 1720 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Гл. 1. Кн. 52. Л. 340. «Притчу о старом муже» см. в изд.: *Памятники литературы Древней Руси. XVII век*. М., 1989. Т. 2. С. 234—236, 614.

⁸¹ См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11, ч. 2. С. 140.

⁸² См.: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. P. 214, 509, примеч. 92.

⁸³ Санкт-Петербург характеризуется как «резиденция» «Его Величества» князь-кесаря в письме Петра к Ромодановскому от 8 июля 1709 г. См.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. С. 246.

⁸⁴ Об эротической природе святочных обрядов см.: *Пронн В.Я. Русские аграрные праздники*. Л., 1963. С. 116—120; *Hopkins W.H. The Development of «Pornographic» Literature in Eighteenth- and Early Nineteenth-Century Russia*. Ph. D. Diss. Indiana University, 1977. P. 39—41.

⁸⁵ См.: Вебер Ф.Х. Записки. Стб. 1156. Образ царя Давида использовали в полемических целях как защитники, так и противники абсолютной монархии раннего Нового времени. См.: *Oestreich G. Neostoicism and the Early Modern State*. Cambridge, 1992. Гл. 8; *Mazzeo J.A. Cromwell as Davidic King // Idem. Renaissance and Seventeenth-Century Studies*. New York, 1964. P. 189—191.

⁸⁶ *Устрялов Н.Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце*. СПб., 1859. Т. 1. С. 254.

⁸⁷ О самоунижении Давида и его христианской трактовке см.: *Mazzeo J.A. Cromwell as Davidic King*. P. 189—191. С апофатическим видением царской власти перекликается православное учение о кенотической природе Христа. См.: *Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви*. М., 1991; *Fedotov G. Russian Kenoticism // Fedotov G. The Russian Religious Mind*. Vol. 3. Belmont, MA, 1975. P. 94—131 [Рус. изд.: *Федотов Г.П. Собр. соч.* Т. 10. М., 2001. С. 95—125. — *Примеч. ред.*].

⁸⁸ Письмо Н.М. Зотова Петру от 6 октября 1708 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 7. (1707). Л. 934—934об.

⁸⁹ Анализ Давида как *figura Christi* см. в работах: *Mazzeo J.A. Cromwell as Davidic King*. P. 183—208; *Zwicker S.N. The King and Christ: Figural Imagery in Dryden's Restoration Panegyrics // Philological Quarterly*. 1971. Vol. 50. P. 582—598, в особенности 583—584. О «типологическом» мышлении и его влиянии на русскую имперскую символику см.: *Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды*. М., 1996. Т. 1. С. 205—337; *Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.)*. М., 1991. С. 53—74, 122—161.

⁹⁰ Ср. с выводами Б.А. Успенского о семиотике царских двойников и переодеваний: «<...> настоящий царь, снимая с себя внешние знаки царского достоинства и заставляя другого фактически выступать в роли самозванца, как бы подчеркивает свое подлинное право на царский престол» (*Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 212). Это положение стоит сравнить с трактовкой кенозиса Христа у Лосского: «неизреченное снисхождение Сына, приемшего “зрак раба” и не отступившего тем не менее от полноты Божества» (*Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви*. С. 112); и с топомосом *humilitas/sublimitas* в текстах о царе Давиде.

⁹¹ Подробное описание костюма кн. Ромодановского, для которого велено было «зделать платье», опущенное «горнастаем», и «шапку красную суконную... обложенную венцом жестяным и вызолоченную а по сторон... дуги и наверх яблоко позолоченное венец по отогнут», см.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 93—93об.

⁹² См.: *Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии*. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 513—520; *Погосян Е.А. Петр I — архитектор российской истории*. СПб., 2001. С. 210—213.

⁹³ О тонкой внешней и внутренней политике Петра в борьбе за императорский титул см.: *Madariaga, I. de Tsar into Emperor: The Title of Peter the Great / Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia*. London, 1998. P. 15—39; *Агеева О.Г. Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Царь и царство в русском общественном сознании*. М., 1999. С. 112—140.

ОТЦЫ ОТЕЧЕСТВА

Принужденное веселье матримониальных спектаклей Преображенного царства не могло скрыть того факта, что воплотившийся в царском бракосочетании 1712 г. новый династический сценарий так и не решил проблему наследования. Признав задним числом незаконнорожденных дочерей бывшей иноверной любовницы, Петр с нетерпением ожидал рождения сына, который мог бы унаследовать престол вместо Алексея Петровича, рожденного его первой женой, царицей Евдокией¹. Однако, несмотря на плодовитость и относительную молодость новой царицы, рожденные ею мальчики умирали один за другим в первые же месяцы жизни². А так как по давней традиции старшему сыну отдавалось предпочтение перед детьми от второго брака, то царевич, несмотря на ссылку матери и враждебные отношения с отцом, сохранял право наследования. В этих обстоятельствах росли надежды у сторонников Алексея, способного пережить все чаще болевшего отца и, возможно, избавить наконец себя и своих единомышленников от тяжелого «культа личности» Петра.

Можно сказать, таким образом, что к середине 1710-х гг. круг замкнулся и царствующий дом вновь, как и в начале петровского царствования, оказался в критической ситуации. Противостояние отца и сына из дома Романовых во многих отношениях напоминало борьбу молодого Петра против его сводной сестры. Так же как и в 1680-х гг., двор разделился на фракции, отстаивавшие разных кандидатов на престол. Так как все они обладали весомыми аргументами, спор о наследовании престола велся одновременно на двух уровнях. На первом плане стоял вопрос о будущей судьбе предпринятых Петром государственных и религиозных преобразований и о способности царевича принять бразды правления. Именно этот вопрос обычно находится в фокусе исторических исследований династического конфликта Петра и Алексея³. Тем не менее, как я постараюсь показать, мы вряд ли имеем право забыть или отодвинуть на задний план смежный и менее изученный вопрос о

том, как одна из враждующих партий сумела утвердить за своим кандидатом право устанавливать «единственно верное» православное учение о царской власти. Как мы увидим, спор о церковной доктрине «оправдания» играл такую же видную роль при выработке петровской политико-богословской доктрины 1710-х гг., как спор о времени пресуществления Св. Даров — во время подготовки дворцового переворота 1689 г. Как и два десятилетия назад, равновесие не могло сохраняться долго; кровавый исход династического противостояния, также ознаменовавшийся физическим уничтожением проигравших с одобрения церкви, напоминал о финале переворота 1689 г.: Шакловитому и его пособникам вменяли в вину намерение убить Петра и сходный план приписывали Алексею, якобы стремившемуся заручиться с этой целью поддержкой императора Священной Римской империи и доморощенных «папешников». В обоих случаях учиненный розыск и казни больше говорили об опасениях Петра и его сторонников, чем о действительных замыслах их политических противников.

Однако, в отличие от свержения Софьи, поражение партии царевича Алексея (если можно так обозначить глухую оппозицию Петру) сопровождалось не только расследованием предполагаемого заговора против богоизбранного царя, но и святочной пародией на таинство рукоположения. Вспомнив о первой церемонии такого рода, положившей начало Преображенному царству, устроители избрания и постановления нового князь-папы намеревались еще крепче сплотить апостолов царской благодати перед лицом настоящих и мнимых врагов при царском дворе. Вскоре после избрания князь-папы члены царской «кумпании» приняли заметное участие и в осуждении Алексея, и в упразднении патриаршества; иными словами, на этот раз сторонники будущего императора получили невиданную дотоле возможность поставить «отцовскую» власть Петра не только выше жизни его первенца и наследника, но и выше священной власти самого московского патриарха⁴. В этой перспективе святочные кощунства зимы 1717/18 г. выглядят не столько свидетельствами черного юмора Петра, сколько вакхическими таинствами жрецов имперского культа Отца Отечества⁵.

«ЗАВЕЩАНИЕ ОТЕЧЕСКОЕ»

В 1689 г. суть династического спора, разделившего царствующий дом, была сформулирована в политическом манифесте, имев-

шем вид личного письма (см. главу первую). Точно так же письмо Петра сыну Алексею от 11 октября 1715 г., широко ходившее в списках до и после официальной публикации в составе дела царевича, предсказывало скорый исход противостояния двух придворных партий: сторонников сына царя от первого брака и приверженцев второй жены Петра и ее отпрысков⁶. Письмо Петра, «Объявление сыну моему», отчасти строится по канонам «духовной» — дидактического жанра, востребованного в то время авторами самых различных убеждений⁷. Однако традиционную форму отцовского наставления Петр использует, чтобы обосновать свое решение лишить Алексея наследственного престола. В первую очередь царь ссылается на нежелание наследника заниматься воинским делом, «чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают». Только военное дело может обучить властителя регулярного государства порядку и умению защищать свою державу; в этой перспективе Алексей, несмотря на свое царское происхождение и высокое призвание, оказывается непригоден для управления Россией⁸. Аффектируя героическую способность ставить государственное благо выше отцовской любви, Петр фактически ищет возможности лишить Алексея и его потомков права на престол.

По словам Петра, «радость» от побед над Швецией сменяется в его сердце «горестью» при виде «наследника весьма на правление дел государственных непотребного». Это обвинение служит центральным мотивом октябрьского манифеста: «непотребность» царевича, т.е. его непригодность к делам, противопоставляется неустанным трудам самого царя и «истинных сынов Российских»⁹. Многократно употребляя слово «непотребность», Петр сдвигает его значение: здесь оно указывает не столько на личные недостатки царевича¹⁰, сколько на его несоответствие неостоицистскому нравственному идеалу, связанному через посредство воинской доблести с добродетелью послушания отцу — как земному, так и небесному¹¹. По словам Петра, Алексей не присоединился к нему на поле битвы, не приобщался к военному делу и не разделял «Богом данную нашему отечеству радость» потому, что не верил в божественное избрание своего отца-помазанника.

Интересна в этом контексте отсылка к библейской притче в конце «отеческого завещания». Перечислив провинности царевича, доказывавшие его неспособность править, Петр пишет:

я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу Евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)!¹²

Образ «ленивого раба» восходит к Евангелию от Матфея (Мф. 25:14—30; ср. Лк. 19:12—27), точнее — к притче, предшествующей рассказу о входе Иисуса в Иерусалим в Вербное воскресенье и предрекающей Его смерть и воскресение. Темная притча, внятная только посвященным («кто имеет уши слышать, да слышит!» — Мф. 25:30), указывает на вселенское значение грядущих событий и одновременно уполномочивает слушателей предрекать миру наступление Царствия Небесного. Ее иносказания говорят о вере и апостольской проповеди — двух краеугольных камней христианства. Ссылаясь на евангельскую притчу, Петр наделял сходным статусом государственный порядок и воинское искусство — святыни нового имперского культа.

В притче богач (Иисус), «отправляясь в чужую страну», доверяет свое имущество (нравственное и эсхатологическое учение) рабам (апостолам). По возвращении (Второе пришествие) хозяин спрашивает их, как они обошлись с этим имуществом (Страшный суд). Верные и предприимчивые рабы, ожидавшие своего господина, вложили его деньги (таланты) в дело и получили доход (деяния, предвосхищающие Второе пришествие, в том числе проповедь слова Божия); они были вознаграждены и «вошли в радость господина своего» (Мф. 25: 21, 23; ср. Ис. 61: 7). Однако ленивый раб закопал деньги в землю (Мф. 25: 25—26); считая своего господина «человеком жестоким», который «жнет, где не сеял, и собирает, где не рассыпал» (Мф 25: 24), этот раб не захотел подвергать опасности вверенное ему имущество. В случае возвращения хозяина он мог вернуть ему деньги в целостности и сохранности; во время его отсутствия раб послушно исполнял его волю (оправдание делами); а если бы хозяин не вернулся назад, то усилия, приложенные для умножения его богатств, оказались бы излишни. Хозяин, возмущенный ленью и лицемерием «негодного» раба, отобрал у него его долю и прогнал его из дома «во тьму внешнюю», где «будет плач и скрежет зубов», которые в Библии (в числе адских мук) постигают «лицемеров» (Мф. 25:30; ср. Мф. 24:51).

В окружении Петра эта притча соотносилась, по всей видимости, с современными придворными обстоятельствами. Долгое пу-

тешестве хозяина в «чужую страну», символ загробного мира и наступающей смерти Христовой, служило своеобразным *memento mori* для царя, вынужденного в 1716—1717 гг. из-за тяжелой болезни провести долгое время в Европе на водах¹³. Библейские аллюзии позволяли царю, принявшему роль разгневанного господина, обратить ссору с сыном в собственный апофеоз. В соответствии с канонами «духовных» Петр, используя подходящее место из Библии, советовал Алексею исправиться. По сути, однако, монарх не оставлял ему выбора:

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще *нелицемерно* обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устраску пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный¹⁴.

Выделяя наречие «нелицемерно», царь давал понять, что не верит в многочисленные клятвы в верности, принесенные «ленивым» и «непотребным» сыном. Подобно тому как герой евангельской притчи не был удовлетворен осторожной бережливостью своего раба, Петру было мало простого подчинения Алексея. Он требовал его политического обращения.

Хотя Петр нигде не объясняет этого требования, он несомненно имел в виду обращения первых учеников Иисуса, описанные в Евангелии. Из Деяний и Посланий апостолов видно, что многие ранние последователи новой веры годами не могли решить, обязаны ли они отречься от законов и обрядов иудейского Писания. Учение об оправдании делами (будь то милостыня, особое питание или обрезание), уживавшееся с христианским мессианизмом, вызывало отповеди апостола Павла (Гал. 2: 11—21), взывавшего к истинному обращению: «Ибо не тот Иудей [избранный], кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2: 28—29). По этому образцу строится отеческое увещание Петра Алексею. Опираясь на этику христианского неостоицизма, Петр вопрошал: «Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и

сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может»¹⁵. Подобно апостолу Павлу, Петр ставит внутреннюю веру в божественное призвание помазанника выше внешних знаков покорности. Полагая причину всех зол в родстве царевича с Лопухиными, Петр призывает его отречься от «другой половины»¹⁶ и старается определить истинные признаки необходимого обращения Алексея, позволившего бы ему унаследовать престол. Ни покорность воле отца, ни добросовестное исполнение церемониальных обязанностей не могли служить такого рода признаком. Только внутренняя «охота» могла обеспечить царевичу место среди верных сынов Отечества, тем более в числе апостолов богоизбранного отца имперской России. Судя по второму и последнему ультиматуму, предъявленному Петром Алексею в январе 1716 г., царь так и не поверил, что его «жестокосердный» первенец обратится «нелицемерно»; цитируя пророка Давида (Пс 115: 2; ср. Рим 3: 4), он напоминал: «всяк человек ложь»¹⁷.

ИГО ВЕРЫ

Подчеркнутое противопоставление веры и дел в «отеческом завещании» Петра, как и настойчивое требование истинного обращения царевича, позволяет сделать вывод, что спор между императором и его наследником касался и династических, и богословских вопросов. Действительно, говоря об опасностях, которыми угрожает России «лень» и «непотребность» Алексея, в письме от 11 октября 1715 г. царь цитирует слова апостола Павла: «како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?»¹⁸ (ср. I Тим 3: 1—10, 12—13). Переадресуя сыну апостольские поучения епископам и дьяконам, Петр (который, как мы увидим, сам носил скромный ранг «диакона» в пародийном освященном соборе князь-папы) давал понять, что Алексею не по силам одно из главных дел благочестивых императоров старины, а именно попечение о церковных делах, а при необходимости и исправление их.

Не один Петр увязывал судьбы русской церкви с исходом династического кризиса. Как будет видно, требования царя к наследнику опирались на ту же религиозно-политическую доктрину и выражали те же взгляды на будущее православной церкви, что и учение его придворного проповедника, умелого панегириста и идеолога церковных преобразований — новопоставленного псковско-

го епископа Феофана Прокоповича¹⁹. Даже краткое рассмотрение борьбы Феофана против московских «латинщиков» во главе с местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским показывает, что в своих обвинениях сыну царь использовал язык современных богословских споров о доктрине оправдания. И наоборот, дискуссии о сравнительной ценности веры и дел обретали политическое звучание в той мере, в какой их проблематика соотносилась с отеческими наставлениями Петра Алексею.

Сопротивление, встреченное Феофаном при его избрании псковским епископом, было не в последнюю очередь связано с его истолкованием имперского культа. Как показывают письма Феофана в Киев и проповеди, произнесенные им сразу по прибытии в Петербург в 1716 г., его конфликт с рязанским митрополитом Стефаном Яворским²⁰ непосредственно касался богословских измерений династического сценария Петра, главным образом вопроса об оправдании верой. В собственной апологии, обращенной к преподавателям Киевской академии и написанной вскоре после поставления в епископский сан, Феофан рассказывает о заговоре, якобы составленном против него сторонниками Яворского и чуть было не стоившем ему карьеры²¹. Не в последнюю очередь Феофану вменялись в вину его якобы протестантские взгляды на вопрос об оправдании²².

Феофан уже не в первый раз расходился с киевскими богословами в понимании «оправдания чрез Христа туне». В 1712 г. он составил для читавшегося им академического курса «полный», хоть «и наспех сочиненный... трактат об оправдании», в более поздней редакции озаглавленный «Книжица, в ней же Повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими, и трудность слова Петра апостола О неудобноносимом законном иге законно предлагается»²³. Этот рукописный трактат тотчас же вызвал двухтомное возражение — «Иго господне благо и бремя Его легко, си есть закон Божий с заповедьми своими от призрачных новоизмышленных освобождает» Феофилакта Лопатинского, позднее одного из главных противников избрания Феофана²⁴. Трактат Феофана об оправдании отправлялся от споров апостолов Петра и Павла о необходимости обрезания для новых приверженцев Христовой веры (Гал. 2: 1—4). Беря на себя роль «апостола для необрезанных», Феофан сравнивает своих противников с сектой «иудействующих», противостоявшей Павлу в Галатии, Антиохии и Иерусалиме²⁵ и как будто бы сходно толковавшей слова Петра об «иге господнем» (Деян. 15: 10—11)²⁶.

Подобно иудействующим, оппоненты Феофана видят залог истинной веры в точном соблюдении обрядов, в нашем случае — не в принудительном обрезании новообращенных, но в почитании сомнительных икон и непризнанных православных мощей; сам же Феофан вслед за Павлом настаивает, что Господня благодать даруется «туне» всем уверовавшим в Христа. С этой точки зрения истинное богословие должно отличать искреннее благочестие от ханжества «латинщиков» — эпитет, которым Феофан определяет своих оппонентов из числа православного духовенства, приписывая им тайную склонность к католицизму²⁷.

Как видно даже из этого суммарного изложения богословского спора между киевскими академиками, уже в 1712 г. будущий сподвижник царя ставит внутреннюю тягу к Богу выше внешних знаков благочестия. В первой же петербургской проповеди он проецирует эту доктрину на династические затруднения в царствующем доме, а критику суеверия — на фигуру царевича Алексея, которому Петр инкриминировал тайное равнодушие при внешней покорности. Эту проповедь Феофан составлял под непосредственным руководством А.Д. Меншикова и нескольких неназванных «сенаторов», которые не преминули осведомить нового киевского проповедника о политической ситуации при дворе²⁸. Она была произнесена 29 октября 1716 г., через пять дней после прибытия Феофана в новую столицу, и приурочивалась к рождению Петра Петровича, долгожданного царского сына и «всенародных благ надежды»²⁹. Феофан воспользовался этим случаем, чтобы представить себя «как бы единственным» церковным иерархом, готовым отстаивать совершающиеся преобразования и «катехизировать» петербургское придворное общество в отсутствие находившегося за границей царя³⁰. С кафедры Троицкого собора Феофан заявлял о правах младшего царевича, «семени монаршего», единственно способного обеспечить «блаженство всероссийское». Алексея, старшего царевича, Феофан упоминает лишь однажды, в конце проповеди, в одном ряду с женщинами из царствующего дома, которые должны возблагодарить Господа за рождение царевича Петра³¹. Таким образом, Феофан применял к двум царским сыновьям речение апостола Павла (Рим. 9:8): «Не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семя».

К этому положению Феофан вернулся в знаменитом «Слове о власти и чести царской...», произнесенном в присутствии царя и столичной знати в «царствующем Санкт-Питербурхе, в Неделю

Цветную» 1718 г.³² и заключавшем апологию петровского самодержавия. Феофан оправдывал преследования, обрушивавшиеся на всех заподозренных в связях с Алексеем и одновременно торжествовал собственную победу над теми, кто обвинял его в протестантской ереси. Он успешно опроверг эти обвинения и публично удостоверил свою приверженность новой династической системе — манифестом от 3 февраля 1718 г. Петр лишил старшего сына права наследовать престол и передал это право младшему³³. Не упоминая Стефана Яворского и его приверженцев, Феофан косвенно изображал их соучастниками преступного царевича, неблагодарными ханжами, поддержавшими бунт Алексея против установленной Богом отцовской власти. Говоря о широкой поддержке, которой Алексей якобы пользовался в духовных кругах, Феофан вспоминал рассказ о входе Христа в Иерусалим и возлагал тяжелую вину на тех, «рабийскими преданиями помраченных», кто не узнал помазанного свыше Царя Израильского из рода Давидова. Как и в богословском трактате 1712 г., Феофан сравнивает своих противников с библейскими иудействующими, книжниками и «святыми фарисеями»³⁴. Теперь, однако, он идет еще дальше и сопоставляет Алексея с Авессаломом, мятежным сыном царя Давида (II Царств, 15—18)³⁵; благодаря этому риторическому ходу Феофан мог обвинить его предполагаемых союзников из духовной среды (т.е. своих собственных оппонентов) в том, что они восстали против божественного принципа монархии, воплощенного в фигуре Давида, и пригрозить им смертной казнью.

Феофан возражает тем, кто ссылается на евангелиста Луку (16: 15), оправдывая непослушание царской воле:

Вы внешнею худостию, помраченными лица и всею фарисейскою кожею удивляете <...> человека и прельщаете сердца незлобивых! Слово убо сие господне не есть на высоту державных властей, ибо любимая богу niskость бывает и в порфире, егда царь грешна себя быти исповедует пред богом и на едину милость его уповает, яко же Давид, Константин, Феодосий и прочии. Вопреки же: высота фарисейская и в нищетном платье живет³⁶.

Итак, Петр не только наследует от византийских императоров власть над церковными делами, но и, подобно Давиду и Христу, соединяет в себе смирение и величие. Как показано в главе четвертой, именно эти качества подчеркивались маскарадными костюма-

ми Петра и его двойника во время «потешной» свадьбы князь-папы.

Вспоминая антикатолическую риторику киево-могилянских времен, Феофан косвенно инкриминирует своим противникам «папешский дух» — греховную уверенность духовенства в собственной привилегированности, освобождающей его от обязательств перед государством и монархом³⁷. Предвосхищая «Духовный регламент» 1721 г., Феофан усматривал в поведении «латинщиков» семена ереси, измены и мятежа и указывал на возможные причины тому: «папешскую» гордыню, «человеконенавистническое» презрение ко всему, что «чудно, весело, велико и славно», и веру в то, что никакое полезное дело не может быть совершено без участия патриарха Московского (или его местоблюстителя). Возобновляя критику гомилетического стиля иезуитов, униатов и их православных подражателей, Феофан атаковал новых фарисеев, которые «умягченным словом и лицом умиленным» обманывают христиан, особенно «простых и невежливых», и уподобляются «второму государю» — римскому папе, «главе безглавные римской, скипетро и меч царский свое быти орудие мечтающее узурпирующему»³⁸. К сходным аргументам против исполненного «папешским духом» духовенства он обратится и позднее, оправдывая упразднение патриаршества и учреждение Духовной коллегии³⁹.

Возвращаясь к темам своего трактата 1712 г. о полемике апостола Павла с иудействующими, Феофан ставил «нравоучительный закон» выше «обрядового», подчинение властям — выше почтения к духовному сословию. Опираясь на слова апостола об иге закона, он доказывал, что в основании государства лежит естественный закон, «написанный в сердцах» (Рим. 2, 14—15) и повелевающий всем благочестивым подданным русского царства покориться своему «богу» и «христу»⁴⁰:

Зри же, аще не в числе естественных законов есть и сие, еже быти властем предрежащем в народах? <...> естественный закон, на сердце человеческом от бога написанный, требует себе сильнаго защитника и совесть тогожде искати понуждает (яже и сама семья божие есть), того ради не можем не нарещи самого бога властей державных виновника.

Как видно, верность монарху ставится в один ряд с христианскими добродетелями и укореняется в «сердце человеческом». В «покорении властем предрежащем» Феофан усматривает воплоще-

ние «свободы нашей христианской»⁴¹. Тот факт, что Феофан обращается здесь к вопросу об оправдании (и ссылается на те же библейские отрывки, что и царь в «отеческом завещании»), подчеркивает значимость этого вопроса в контексте династического противостояния Петра и Алексея. Видимо, Феофан ловко использовал представившуюся ему возможность выставить своих противников пособниками опального царевича. Таким образом он не только обличал опасных «латинщиков», но и брал на себя роль главного глашатая «разумного» православия и политики Петра.

Что представляет собой это «разумное» православие и патриотическое верноподданничество, становится ясно только в тот момент проповеди, когда Феофан сопоставляет языческую империю с христианской и именует Петра «отцом отечества», тремя годами предвосхищая официальное усвоение русским царем древнеримского императорского титула⁴². Вот как Феофан объяснял, почему подданные Петра должны не только покорствоваться ему, но и почитать в нем самодержавного Отца Отечества:

Аше убо тако есть, аше и строптивым владыкам и неверным должни суть христиане повиноватися, то колико должни суть все тое правоверным и правосудным государем! Оные бо суть господия, сии же и отцы. И что глаголю! Сей, и вси, и всякие самодержцы отцы суть. В которой бо иной заповеди даси место сему должеству нашему, еже почитати от души и за совесть власти, аше не в сей: «чти отца твоего»!

В отличие от монархов-«господ», управляющих подданными как крепостными, ради собственного блага, самодержцы-«отцы» заботятся о благополучии всего царства: «Власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому одного, но всего великаго народа житие, целость, безпечалие»⁴³. Различая — вслед за теоретиками натурального права — покорность «за гнев» и «за совесть»⁴⁴, т.е. патриархальную и легалистскую модели власти, Феофан одним из первых в истории русской политической мысли отделяет принцип власти от фигуры конкретного монарха. Однако, чтобы не преувеличивать политическую прогрессивность этой идеи, стоит учесть, что ее развивает придворный проповедник, сыгравший не последнюю роль в становлении культа личности российского Отца Отечества, во время кровавого розыска, затронувшего многих слушателей «Слова...».

Феофан хорошо понимал, что при обсуждении религиозных и политических представлений об «общем благе» и «отечестве» нельзя отвлекаться от частной политической ситуации. Вот почему в конце проповеди 1718 г. Феофан еще раз вернулся к ее главному тезису — «несть власть аки не от бога», — на этот раз угрожая слушникам «мечом царским» и «судом Божиим»⁴⁵. Как и Петр в «Тестаменте», он называет «гражданское» и «воинское дело» основой «государственной должности» и восклицает: «Кто у нас обоя сия так добре совершил, яко же сей [Петр; ср. лат. “esse homo” — се человек. — Э.З.]? Во всем обновил, или паче отродил, Россию?» Последний образ можно понимать двояко: в буквальном прочтении он относится к новому наследнику, в переносном — к новой системе культурных ценностей, признанных верными сыновьями отечества, т.е. теми членами петербургского придворного общества, которые были готовы оставить старомосковские обычаи, принять «иго» нового «гражданского культа» и уверовать в харизматическую власть российского императора. Опираясь одновременно на представления о детородной мощи отцов, этику христианского неостоицизма и понятия божественного и естественного права, Феофан твердил: «Предложенное zde о державных властей почести учение истинное есть»⁴⁶. Тем самым придворный проповедник давал знать своим слушателям, собравшимся в кафедральном соборе новой столицы, что отступникам от его учения грозило отлучение от православной церкви и гражданская (а может быть, и физическая) смерть. Призывая почитать Петра как «бога» и «христа» на Святой неделе, в Вербное воскресенье, новопоставленный псковский епископ проводил недвусмысленную параллель между страданиями Сына Божия и политическими затруднениями русского монарха, «трусами [которого] почиваем, <...> походами стоим незыблемы <...> моногими смертми (да тако реку) живем»⁴⁷. В обоих случаях только немногочисленные «апостоли, близ света ходящи», были способны распознать дар благодати, ниспосланный русскому помазаннику, и принять участие в преображении мира⁴⁸.

ЖРЕЦЫ ИМПЕРСКОГО КУЛЬТА

Соперничать с Феофаном в восхвалениях царского «удобоносимого ига» могли только служители Преображенного царства, в том числе его «духовенство», чью роль в созидании и распростра-

нении культа личности Отца Отечества сложно переоценить. Несмотря на то что в первое десятилетие XVIII в. многие из членов петровской «кумпании» деятельно способствовали преобразованию страны в «регулярное государство», заняли ключевые посты и благодаря этому получили известную административную самостоятельность, Петр никогда не упускал случая лишний раз напомнить им, что своим благополучием (и жизнью) они обязаны только его неограниченной власти. Бюрократизация государственной машины нисколько не умаляла значения личной близости к царю, оставшейся как в начале, так и в конце петровского царствования главным мерилom придворного успеха. Конечно, в определенном смысле это относилось ко всем европейским дворам⁴⁹, но при русском дворе в эпоху Петра Великого, особенно к концу первого десятилетия XVIII в., личная близость к царю обязывала царедворцев к участию в кощунственных и обценных церемониях, грубо высмеивавших традиционные принципы организации московского придворного общества. Именно поэтому имеет смысл рассматривать шутовское избрание и рукоположение князь-папы П.И. Бутурлина и князь-кесаря И.Ф. Ромодановского в контексте карнавальной риторики, позволившей монарху и его советникам (светским и духовным) оправдать отсечение «уда гангренозного» — удаление Алексея Петровича из политической игры — и упразднение патриаршества, обезглавившее Русскую православную церковь. Анализ глумливых святочных торжеств 1717—1718 гг. демонстрирует в очередной раз, что церемонии Преображенного царства служили важнейшим инструментом власти для Петра и основным знаком избранности для его спутников.

Поведение царя осенью и зимой 1717—1718 гг. свидетельствует о его твердой решимости раз и навсегда определить судьбу царского и патриаршего престолов. В октябре 1717 г. Петру и его приближенным пришлось пережить смерть сразу двух своих товарищей по Всешутейшему собору: Н.М. Зотова и кн. Ф.Ю. Ромодановского⁵⁰. В самом начале октября возвратившийся из полугодового путешествия по Западной Европе царь был немедленно осведомлен о событиях в потешной столице Прешбурге. Печальные известия сообщил ему сын покойного князь-кесаря, последний из княжеского рода Ромодановских, кн. Иван Федорович (ок. 1687—1730)⁵¹. В послании к «Всемиловитейшему Великому Государю» от 21 сентября 1717 г., через четыре дня после смерти отца, тридцатилетний кн. Ромодановский писал:

Изволением всемогущего[,] отца моег[о] князь Федора Юрьевича посекала смерть настоящего сентября 17[,] в первом часу пополудни[,] и тело его до собственного вашего величества повеления поставлено при церкви Трех Святителей[,] что у Земляного города на Мясницкой. Со всегорестными слезами и конечным сиротством моим к вашему царского величества покрову притекая молю[,] дабы напоминанием служб к пресветлейшему вашему царского величества маэстату бывших от отца моего[,] я во всеконечном сиротстве моем милостивым вашего величества повелением и призрением не был оставлен. Вашего царского величества раб Ромаданафской Иван⁵².

В этом умело выстроенном письме совмещаются интонации чиновного прошения и чувствительной мольбы. Употребление молодым князем латинизированного обозначения имперского величия Петра («маэстат») намекало на заслуги его отца как антикесаря — шутовского государя, пародийного антипода главы Священной Римской империи, — и подчеркивало подлинное величие и имперское происхождение русского царя. Язык послания напоминает «слезные» молитвы благочестивых православных — «рабов» и «сирот», собирающихся в церкви в праздник Покрова испросить защиты у Богородицы⁵³. Используя излюбленную манеру речи петровского окружения, расчетливый придворный взывал не к Небесной Деве, но к земному царю — единственному, кто мог обещать Ромодановским спасение здесь и сейчас.

Несмотря на низкую лесть раболепного князя, тело старшего Ромодановского больше месяца пролежало в московской церкви Трех Святителей⁵⁴. Как мы увидим далее, задержка с похоронами прешбургского царя и жестокого начальника тайной полиции была вызвана не равнодушием Петра к посмертной судьбе бывшего любимца, но интенсивной подготовкой к расследованию дела царевича Алексея. Действительно, именно в это тяжелое время отец и сын Ромодановские были предметом постоянных забот царя. Вскоре после эпистолярного ответа скорбящему князю царь имел с ним личную беседу, во время которой пообещал передать ему и должность покойного отца, и полушутовское место в свите. В письменной форме Петр подтвердил это намерение только 21 февраля 1718 г., однако отцовским титулом стал именовать Ивана Федоровича сразу же после этого разговора. Стоит привести февральскую записку, подписанную именем Peter, которая наглядно демонстрирует выработанный царем механизм карнавального самозванства: «Sire,

Как словесно вашему величеству били челом так и писмено доносим[,] дабы благоволили дела приказу Преображенского принят[ь] так[,] как блаженныя памяти отец ваш управлял»⁵⁵. Собственноручная записка Петра, составленная в тоне верноподданнического прошения или рапорта, подкрепляла намерение царя поддерживать старые игровые отношения с новым князь-кесарем. В то же время она демонстрировала царское благоволение к самому князю, сумевшему сохранить за собой ключевой пост, несмотря на то что расследование дела царевича было поручено не Преображенскому приказу, на протяжении более двух десятилетий разбиравшему все дела об оскорблении величества, а особому органу под началом П.А. Толстого⁵⁶. Аудиенция, данная шутовскому преемнику «Плещбурхского» престола накануне следствия над законным наследником Московского царства, обозначила, таким образом, начало новой придворной эпохи — «царствования» князь-кесаря Ивана Федоровича Ромодановского.

В ходе розыска по делу царевича Алексея кн. И.Ф. Ромодановский послужил царским династическим замыслам не меньше, чем когда-то его отец, способствовавший исполнению амбициозных претензий Петра на имперский «маэстат». В обоих случаях Ромодановские действовали как двойники государя, совершавшие то, чего он не желал или не мог делать лично. Поведение Петра в отношении Ромодановского, получившего должность по наследству, вступает в резкое противоречие с его намерением лишить трона собственного первенца. Князя Ивана Федоровича задолго до смерти отца воспринимали в петровском окружении как наследника князь-кесарского звания: еще 21 июня 1706 г. царь, выступая под маской верноподданного «Piter'a», в письме к старшему Ромодановскому поздравлял «Вашему Величеству тезоименитством сего дня вашего сына, а нашего государя царевича и великаго князя Иоанна Федоровича, про котораго здравие чашу заздравную ваш государев дядя, Преосвященный Мишура⁵⁷, всем раздавал»⁵⁸. В письме к Ф.Ю. Ромодановскому от 21 ноября 1704 г. Петр «рабскою должностию» слал поздравления с рождением «вашего величества внука» (т.е. сына кн. И.Ф. Ромодановского), желая новорожденному долгой жизни и счастливого царствования (как оказалось, тщетно)⁵⁹. Сам Алексей Петрович, несмотря на уязвимость своего статуса, не отказывался от игровых титулований и в письме к кн. Ф.Ю. Ромодановскому в феврале 1708 г. именовал адресата «большим государем», а его сына — «малым». В свете актуальных дина-

стических затруднений шуточный титул «царевича» приобретал отчетливый политический смысл: признание за младшим Ромодановским прав на «престол» князь-кесаря подчеркивало незаконный статус наследника подлинного царя⁶⁰.

Чтобы параллель между настоящим и шутовским «царевичами» была очевидна всем участникам деликатного расследования личной жизни членов царствующего дома (не только царевича, но и его матери)⁶¹, Петр задумал собрать верных сынов Преображенного царства на очередном глумливом торжестве. Распоряжение о его подготовке царь отдал еще в декабре 1717 г., за месяц до возвращения беглого наследника на родину. 10 декабря государев кабинет-секретарь А.В. Макаров (ок. 1680—1740)⁶² послал А.И. Ушакову (1670/72—1747), офицеру Преображенского полка и одному из самых доверенных адъютантов царя⁶³, записку следующего содержания:

Царское величество указал вам отписать, чтоб хоромы его величества в Преображенском велели вы немедленно починить, дабы к пришествию его величества были совсем готовы. PS. Також извольте починить хоромы на Яузе в городке Пleshбурх, где бывает постановление цесаря и папы⁶⁴.

Поскольку Петр со свитой покинул Петербург 15 декабря, сразу по установлении санного пути, у Ушакова было совсем немного времени, чтобы привести в порядок обветшавшие строения до приезда государя. Петр прибыл в сочельник — об этом мы знаем из его письма к Меншикову, оставленному присматривать за новой столицей, пока царь разбирался с сыном в старой⁶⁵. Итак, в разгар рождественских праздников, прямо перед возвращением наследника и началом расследования его изменнического перехода под защиту Священной Римской империи, Петр занялся избранием нового «папы» в старой столице шутовского «кесаря».

Несмотря на изобилие архивных материалов (большей частью недатированных), описывающих обряд рукоположения преемника «Бахусоподражательного отца <...> всешутейшего Аникита [Никиты Зотова] <...>, князь-папы сумозброднейшего собора <...> великого Г[осударя] К[нязя] Ц[есаря]»⁶⁶, полную картину прешбургского праздника 1717—1718 гг. восстановить весьма затруднительно. Важнейшим источником на этом фоне оказывается полное непристойностей письмо новоизбранного князь-папы П.И. Бутур-

лина, бывшего «митрополита Санкт-Петербургского», ко «Всешумнейшей и всешутейшей матери, возлюбленной о Бахусе т[ѣ]щи» Д. Г. Ржевской:

Объявляем вам[,] что сего месеца в 28 день[,] изволением вселенского князя цесаря и всего сумазбродного собора; избран есмь я недостойный[,] а в 29 день возведен на превысочайший князь папин престол; и понеже наша неумерность всегда паству свою добре смотрети и во оной пещися обещахуся; того ради и о вас[,] яко древней монахуйне и великой наставнице не препомнил; но его величеству князь цесарю и всему собору предъявил ваши подвиги, чего ради его величество и собор соизволи[ли]; Аз же[,] аще и телом отстоим[,] обаче духом присудствуя[,] данною мне от Бахуса властию произвожду тя от степени князь игуменьиной в архи игуменьи; и яко присутвуя возглашаю[:] аксиос, аксиос, аксиос[.] По учинении же сего вам возвышения[,] на место ваше возведена монахиня, из дальних пустынь пришедшая[,] Анастасия. Дан в Плешбурхе, Месяца декабря в 28 день, 1717 года. Вселенский князь папа Петрохуй⁶⁷.

Итак, согласно противоречивым указаниям этого письма, Бутурлин был «изволением вселенского князя цесаря» «возведен на высочайший князь папин престол» 29 декабря 1717 г. Однако, поскольку письмо сохранилось в двух экземплярах и лишь один из них подписан самим Бутурлиным, трудно сказать, насколько достоверно приведенное описание. К тому же оно датировано 28 декабря, т.е. днем, предшествовавшим предполагаемому поставлению. Этот факт вызывает дополнительные сомнения в точности рассказа; тем не менее он сохраняет свою значимость в качестве сценария «потешной» церемонии.

Другой (недатированный) документ из того же архивного дела проливает свет не только на кошунственную церемонию 1717—1718 гг., но и на обряд поставления в митрополиты самого Бутурлина:

Понеже, по изволению великаго г[осударя] к[нязя] ц[есаря] Иоанна Ф[едоровича] и соизволением всего с[умазбродного] с[обора] избран есмь аз недостойный митрополит на превысочайший сей к[нязь] п[апин] престол[,] того ради ныне паки подтверждаю свое обещание[,] еже изрек при хиротонии моей[,] пред блаженныя и вечно достойныя памяти тогда отцем моим[,] ныне же братом великим господином Кир Никитою Прешпурским[,] Яузским и Калужским от самых мудудиших[?] и

пред всем сумазбродным собором[.] Ныне же к прежнему обещаю еще[:] обещаюсь вяще и вяще закон Бахусов не точию исполнять[.] но и врученное мне стадо денно и ночно тому поучать[.] еже да поможет мне честнейший отец наш Бахус предстательством антицесарев моих Милака и Аникиты[.] дабы их дар духа был сугуб во мне. Аминь⁶⁸.

Пародируя текст «архиерейского обещания», новоизбранный архиерей Всешутейшего собора в подобающем стиле «трезвого пианства» подтверждал свое право на престол «антицесарев» М.Ф. Нарышкина и Н.М. Зотова, мимоходом намекая на ожесточенную борьбу за пустующий престол действительного патриарха Русской православной церкви⁶⁹.

Хотя в нашем распоряжении нет свидетельств, подтверждающих рассказ Бутурлина, достоверное свидетельство карнавальная церемония 1717—1718 гг. все же сохранилось. В письме 12 января 1718 г. Петр сообщал Меншикову о полученном им известии, что «изчадие мое из Цесарской земли выехал и уже в Кросене, которого сюды ожидаем и з дятками [Толстым и А.И. Румянцевым]». Нам здесь важно не только то, что царь немедленно передает последние новости о местопребывании своего наследника своему любимцу, но и то, что для характеристики Алексея он преднамеренно использует слово «исчадие», напоминавшее об именовании воплощенного сатаны («исчадие ада»). Рассказав о странствованиях своего блудного сына, путешествовавшего как будто по аду, а не по землям Священной Римской империи, Петр сразу переходит к описанию прешпурских происшествий:

О возведении к[нязь] папы послана грамота к новой архи-игуменьи [Д.Г. Ржевской], где пространно описана, когда и каким образом учинено. Каково будет правление, а выбор был зело духоносен. К[нязь] цесарь 5 д. сего месяца помазан в князь игумен и калотофка посвящена. О прочем писать не имею, только, слава Богу, все добро⁷⁰.

Очевидно, что «посвященная калотофка», о которой здесь идет речь, не кто иная, как «монахиня Анастасия, из дальних пустынь пришедшая», упомянутая в той же шутовской грамоте «князь-папы Петрохуя». Действительно, на протяжении почти двух десятилетий, начиная с избрания на место «монахуйни» Ржевской в 1717 г. и до самой смерти, под этим шутовским псевдонимом скрывалась А.П. Голицына (урожд. Прозоровская)⁷¹. Княгиня Голицына, одна из

первых статс-дам и фрейлин русского двора, состояла в штате придворных шутих царицы (впоследствии императрицы) Екатерины Алексеевны, второй жены Петра. У нас недостаточно данных, чтобы объяснить, почему высокопоставленная особа из княжеского рода оказалась в унизительной роли «князь-игуменьи»; однако немногочисленные сохранившиеся сведения о биографии Голицыной позволяют полагать, что она и ее родственники были замешаны в деле царевича Алексея. По мнению С.Ф. Платонова, изучавшего историю одного из самых видных московских политических эмигрантов конца XVII — начала XVIII в., А.П. Прозоровского, Петр подозревал клан Прозоровских в сочувствии царевичу Алексею. Платонов приводит данные о том, что отбывший за границу в качестве петровского «волонтера» и оставшийся там Прозоровский подстрекал Алексея навсегда покинуть Россию⁷². Подозрения Петра насчет связей Прозоровских с партией царевича Алексея отразились на судьбе княгини Голицыной. Не исключено, что именно из-за них она была сослана в Москву и бита батогами в Преображенском приказе князь-кесаря (и новопомазанного князь-игумена) И.Ф. Ромодановского, а после зачислена в сумасбродный собор князь-папы с прозвищем «Анастасии, из дальних пустынь пришедшей»⁷³.

Письмо Петра к Меншикову показывает со всей очевидностью, что между возвращением блудного царевича и травестийным рукоположением существовала прямая связь. Пародия таинства хиротонии, устроенная между 28 декабря 1717 г. и 12 января 1718 г., имела вполне конкретное политическое значение. Разыгрывая состояние «трезвого пианства», члены сумасбродного собора всешутейшего князь-папы одновременно выставляли царевича и его сторонников исчадьями ада и подчеркивали собственную преданность подлинному постановщику святочных игр. Шутливые ссылки князь-папы на своих «антицесарей» напоминали всем прихожанам об их роли в инсценировке петровского завета и обязывали их вновь подтвердить веру и верность богоизбранному монарху. И церемония избрания нового князь-папы, и его шутовские известия членам сумасбродного собора, находившимся в Петербурге, должны были продемонстрировать царским сторонникам (и самим организаторам придворной «потехи»), что «слава Богу, все добро». Таким образом, «духоносное» избрание князь-папы на патриарший престол Преображенного царства и восстановление права первородства в царствующем доме князей-кесарей Ромодановских слу-

жило ироническим комментарием к наступающей кровавой развязке дела царевича Алексея.

Итак, Петр использовал короткий промежуток времени между смертями Зотова и Ромодановского и прибытием Алексея, чтобы приготовить своих «апостолов» к предстоящим испытаниям их веры в харизматическую власть Отца Отечества. Его «верные сыны» не подвели его: Бутурлин и Ромодановский в числе высших светских и духовных сановников России присутствовали в Кремле при оглашении манифеста, лишавшего Алексея права наследовать престол и передававшего это право царевичу Петру Петровичу⁷⁴. Они были и среди первых слушателей манифеста о «преступлениях» первой супруги царя, «бывшей царицы» Евдокии, 5 марта 1718 г.⁷⁵. Придворные, посвященные в вакхические таинства Преображенного царства, могли обратить внимание на то, что в этот день «князь-папа» Бутурлин и другие иерархи Всешутейшего собора соседствовали с членами действительного Освященного собора⁷⁶.

ЦАРЬ-ФАЛЛОС

Настойчивое употребление обценного обозначения мужского полового органа в пародийных посланиях и письмах, адресованных петербургской части Всешутейшего собора, подчеркивает непосредственную соотнесенность кощунственных пародий 1718—1719 гг. на таинство рукоположения с политической кастрацией Алексея и его «папистских» сторонников. Тот факт, что «служители» новоизбранного «Архи-Князь-Папы» (П.И. Бутурлина) адресовали друг другу обращение «хуй», говорит о том, что все члены сумасбродного собора — и мужчины, и женщины — метафорически олицетворяли собой жизненную оплодотворяющую мощь царского фаллоса⁷⁷. Непристойные псевдонимы «потешного» духовенства заставляют полагать, что царь и его приближенные стремились чуть ли не буквально осуществить идею о слиянии религиозной харизмы и политического могущества.

Эта стратегия репрезентации царской власти возникла в результате успешной борьбы Петра I против своего «непотребного» сына и — одновременно — споров Феофана Прокоповича, главного идеолога петровских церковных преобразований, с московскими «латинщиками». Евангельская тема обрезания, обеспечившая ключевую метафору для богословских споров об «оправдании», позволяет

понять, почему Петр сочинял пародийную церемонию избрания и поставления «князь-папы Петрохуя» в тот момент, когда закулисная борьба вокруг наследования царского и патриаршего престолов достигла критической стадии. Только сторонники царя обладали опытом обращения в новую «гражданскую» веру, соизмеримым с «обрезанием сердца» апостола Павла (Рим. 2, 29); вследствие этого только те члены государевой свиты, которые открыто объявляли о чистосердечной приверженности царю, могли стать жрецами императорского культа Отца Отечества и обладали сомнительной привилегией носить скабресный псевдоним в честь *membrum virile*.

Приближенные ко двору иностранцы также восхваляли мощь государева фаллоса, так что можно думать, что этот троп имел широкое хождение среди членов разношерстной «кумпании» Петра. Иллюстрацией к данному тезису служит изображение гигантского эякулирующего фаллоса, начертанное на обратной стороне обложки рукописной брошюры⁷⁸, в которой содержится устав и список участников пародийного религиозного ордена, известного как «Великобританский славный монастырь» или «Бенго-коллегия»⁷⁹ (см. илл. 12). Оценивая деятельность шутовской организации, описанную на страницах брошюры, можно сделать вывод, что «Великобританский монастырь» представлял собой ответвление Всешутейшего собора и, подобно ему, существовал только на словах и по праздникам. Собор высмеивал духовенство, и «сумазбродное братство» «монастыря» жило по законам римского бога вина. В качестве адептов Бахуса члены монастыря формально подчинялись шутовскому первосвященнику Преображенного царства, проживавшему как раз напротив «Великобританского славного монастыря» — на Большой Дворянской улице в Санкт-Петербурге. Как и другие лица из окружения князь-папы, члены монастыря также должны были принимать участие в ежегодных святочных процессиях, на протяжении всего петровского царствования составлявших важнейшую часть зимних придворных празднеств. Наконец, члены «монастыря», подобно своим русским собратьям, выказывали то, что исследователь «Бенго-коллегии» Энтони Кросс острожно именует «озабоченностью срамными органами». Красноречивым символом этой озабоченности и был вышеупомянутый рисунок⁸⁰.

С.Ф. Платонов, впервые опубликовавший и исследовавший устав Бенго-Коллегии, усмотрел в нем — а тем более в фаллическом рисунке, который он бегло упомянул при описании докумен-

та, — лишнее свидетельство господствовавших в петербургской британской колонии грубых нравов, не подобавших столь почтенным людям, как барон Генрих фон Хьюссен и будущий член Российской академии наук Иоганн Вернер Паус (в чьем личном фонде и был найден компрометирующий документ)⁸¹. Несмотря на несомненную непристойность рисунка, я не стал бы сводить его значение к циничному хулиганству. Чтобы избежать анахронистических суждений о (без)нравственности деятелей Петровской эпохи, следует установить, как современники отличали дозволенную правилами словесного и изобразительного искусства эротику от запрещенной государством и церковью порнографии. В действительности, как будет видно, не только иноземные наемники, но и сам царь могли истолковывать изображение «Моего Гаврилушки» как шутливый вариант барочной политической эмблемы.

Эмблематическая *picta poesis*, завоевавшая популярность при московском дворе не ранее середины XVII в., образовывалась сочетанием трех композиционных элементов: собственно рисунка (*pictura, imago*), обязательной латинской надписи-посвящения (*motto, lemma*) и подписи (*subscriptio, explicatio*). Сопоставление латинской надписи к «Моему Гаврилушке» («*Finis coronat opus*» = «Конец венчает дело») и русской подписи («Не покручинися что учинено не против препорций за умалением бумаги») обеспечивает правильное прочтение композиции и обнажает скрытый смысл эмблемы. Жанровое требование остроумия (*acumen*) предполагало, что этот скрытый смысл должен быть одновременно поучительным и забавным, особенно для посвященных⁸².

При дворе Петра Великого посвященными были непосредственные участники вакхических таинств Преображенного царства. Они хорошо знали о затруднениях, постигших царя после гибели под пытками царевича Алексея и скоропостижной кончины в апреле 1719 г. законного наследника, царевича Петра Петровича⁸³. К весне 1720 г., когда составлялся пародийный устав «Великобританского монастыря»⁸⁴, перед царем встала трудноразрешимая проблема, одновременно биологическая и политическая: отсутствие наследника мужского пола. Только появление на свет еще одного царевича могло разрешить непростую династическую ситуацию: на роль наследников одновременно претендовали сын убитого царевича Алексея и дочери самого Петра. Оба варианта не устраивали царя. Потомству крамольного царевича Алексея он, естественно, не доверял; точно так же не мог он санкционировать «женское прав-

ление», после того как сам в трудной борьбе с Софьей утвердил «мужской» облик своего царствования.

В ситуации угасания династии фаллическая символика «Моего Гаврилушки» приобретала нешуточное политическое значение. Латинская надпись дает нам один из ключей к этой эмблеме, темы которой повторяются в аллегорических празднествах октября 1721 г., посвященных окончанию многолетней Северной войны со Швецией. В первом русском эмблематическом сборнике, опубликованном в 1705 г., девиз «*Finis coronat opus*» был снабжен переводом на три языка: русский («Конец венчает дело»), немецкий («*Das Ende krönt die Arbeit*») и английский («*At the end You see the work*»). В книге, однако, этот девиз сопровождает иную картинку — изображение корабля, попавшего в бурю, но все-таки достигшего гавани. Сходным образом расшифровывалась еще одна эмблема — изображение собаки, убивающей пойманного кролика. Обе они говорили о триумфальном завершении смелого предприятия, о том, что «окончание дела приносит славу» (*gloria finis*). В то же время «корабельная» эмблема подчеркивала, что конечный успех важнее изобранных для его достижения средств⁸⁵.

Эта эмблема использовалась при разработке праздничных зрелищ и салютов в честь заключения Ништадтского мира в 1721 г.⁸⁶ Фридрих Вильгельм Берхгольц, автор бесценного для историков дневника, упоминает ее при описании одного из огромных огненных щитов, служивших аллегорическим комментарием к долгожданной победе России. В официальном «толковании» «фигур» торжественного фейерверка это изображение было прокомментировано следующим образом: «Корабль чрез волнуемое море перешед и в гавань вошел с надписанием конце дело венчало знаменует жестокую прошедшую войну и потом благополучный мир понеже каждое дело не может счастливо и благополучно назватца прежде своего конца»⁸⁷. Иллюминированный щит заключал в себе символический смысл, который любой компетентный зритель (такой, как Берхгольц) без труда мог расшифровать. Связывая русскую военную победу и с новыми титулами Петра («Император», «Отец Отечества» и «Великий»), фейерверк наглядно демонстрировал, что конец (войны) увенчал дело (преобразования России)⁸⁸.

Ввиду того что устав «Великобританского монастыря» завершался аналогичным девизом, можно предположить, что авторы изучаемой брошюры были осведомлены о значениях «корабельной» эмблемы, которую они подвергали трагической трансфор-

мации. Используя непристойную двусмысленность глагола «кончить», члены «монастыря» заместили корабль, достигший гавани, изображением извергающего сперму фаллоса, тем самым напоминая о сексуальном подтексте исходной аллегорической композиции. Подобно гигантскому фейерверку, на глазах у всех выстреливавшему свой заряд, «Мой Гаврилушка» символизировал царскую потенцию; ее мощь подчеркивалась и шутливой подписью, указывавшей на несоответствие масштабов рисунка внушительным размерам оригинала («учинено не против препорций»).

В свете того, что мы знаем о династических затруднениях Петра, можно предположить, что эта фаллическая эмблема не только символизировала харизматическую власть Отца Отечества, но и выступала своеобразным магическим талисманом, призванным способствовать самоутверждению этой власти. Фаллос одновременно представлял собой аллгорию животворящей силы Божьего промысла, даровавшего Петру победу над шведами, и символ веры в царя, призванного исполнить свой долг и успешно завершить предопределенное предприятие. На этом фоне стоит вспомнить евангельскую речь архангела Гавриила: «И се зачнеши во чреве, и родиши сына <...>. Сей будет великий <...> и даст ему Господь Бог престол Давида отца его» (Лк. 1:31—33). В такой перспективе «Мой Гаврилушка» может рассматриваться как аллегория могущества царя, сумевшего воплотить в жизнь самые масштабные политические замыслы, иными словами — возвращаясь к эротической метафорике — Царя-Фаллоса, ставшего Отцом Отечества.

Непристойная эмблема «Великобританского монастыря», олицетворение патриархальной власти Отца Отечества над Россией, с необычной откровенностью обнажает мужские фантазии придворной культуры петровского царствования. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить панегирики придворных проповедников Петра, в особенности Феофана Прокоповича. Как уже говорилось, в «Слове о власти и чести царской», произнесенном в присутствии царя и столичной знати в Вербное воскресенье 1718 г., Прокопович изобразил монарха обладателем огромной потенции, который «во всем обновил, или паче отродил, Россию»⁸⁹. В рамках московского барокко такого рода политические аллгории могли связываться как с античными мифами, так и с понятиями современной натуральной философии. Так, пристрастие царя и его придворных к атрибутике Бахуса объясняется, в частности, тем, что между употреблением спиртного и половой зрелостью предполагалась тесная

связь. Укрепляющее воздействие алкоголя на мужскую силу стало общим местом медицинских руководств начиная с эпохи Возрождения (сам этот мотив восходит к античности; ср. в комедии Теренция «Евнух»: «Без Вакха и Цереры и в Венере жару нет»)⁹⁰. В этих же текстах говорится о связи вина с мужским семенем; глухие отголоски таких представлений можно расслышать в богословских диспутах «о душе», происходивших в конце XVII в. при московском дворе, и даже в корреспонденции Петра с его приближенными. Во время упомянутого выше диспута между братьями Лихудами и Андреем Белободским о времени пресуществления Св. Даров обсуждался и следующий «философский» вопрос: «Рождается ли душа от семени мужеска или посылается от вне, рекши от Бога?»⁹¹ Как уже говорилось, среди слушателей этого диспута были придворные молодого Петра — в первую очередь братья Апраксины, позднее занимавшие высокие посты в «регулярном государстве», и свойственник патриарха боярин И.А. Мусин-Пушкин, слывший внебрачным сыном царя Алексея Михайловича, т.е. сводным братом Петра. Об осведомленности самого Петра в медицинских материях свидетельствуют отзвуки идей Гиппократ и Галена, заметные в его переписке с Г.И. Головкиным, например в письме царя от 24 июня 1696 г.⁹² Эротический подтекст присутствовал, таким образом, и в политическом богословии, и в вакхической метафоре петровского двора.

Конечно, новая Россия не явилась из головы Петра, как Афина — из головы Зевса, и не была вылеплена, как Галатея Пигмалионом, несмотря на популярность этого мотива в петровской иконографии⁹³. Не оплодотворил ее своим божественным семенем и Царь-Фаллос. Тем не менее, подобно античным мифам, российские фантазии на тему мужской силы государя обрели самостоятельную жизнь. Для нас они важны потому, что позволяют точнее описать государственное мышление основателей великодержавной Российской империи. Анализ фаллического культа личности Петра Великого показывает, что царю и его наиболее преданным сторонникам — и русского, и иностранного происхождения — преобразование России виделось не только результатом импорта рациональных бюрократических технологий власти и оптимизации государственного аппарата, но и следствием политической воли и мужской силы первого императора и членов его «кумпании».

Сам Петр находил непристойное остроумие вполне подходящим и забавным: об этом свидетельствуют неприличные псевдонимы

мы, которые он присвоил членам пародийного собора Преображенного царства. В списке слуг «Архикнязь-папы», датированном началом 1720-х гг., т.е. составленном одновременно с уставом «Великобританского монастыря», Петр фигурирует под следующим прозвищем: «архидьякон Пахом Пихай хуй Михайлов»⁹⁴. В этой словесной конструкции обыгрывается и средневековая традиция уничижительного написания имени с полуотчеством, и распространенное среди священнослужителей имя «Пахомий», по созвучию напоминающее о пахе.

Непристойный псевдоним Петра и его скромное место в организации князь-папы («архидьякон») в символическом плане прямо соотносились с принятой им на себя ролью отца и творца отечества. Можно предположить, что односложное «хуй» в составе царского прозвища отсылало к слову «кир», этикетному титулованию православных клириков. Выбирая для игрового полуотчества имя своего деда, основателя дома Романовых Михаила Федоровича⁹⁵ (вместо ставшего привычным именованья по отцу — «Петр Алексеев»), Петр увязывал свою детородную силу с династическим могуществом Романовых; оформленная таким образом имперская программа предполагала возвращение балтийских владений России, рождение достойного наследника престола и обновление православной церкви. Именуя себя «Пахомом Пихай хуй Михайловым», Петр одновременно выступал как представитель мужской линии фамилии Романовых и как харизматический основатель нового порядка — единственный член династии, способный исполнить свой долг перед Богом и царствующим домом.

Низкий ранг дьякона, который Петр неизменно сохранял в сумасбродном соборе князь-папы, также указывал на его особый статус⁹⁶. Как убедительно доказывает Б.А. Успенский, выбор этого ранга объясняется тем, что он обозначал положение византийского императора по отношению к константинопольскому патриарху в духовной иерархии и, таким образом, напоминал об особой харизматической роли Петра как дважды помазанного православного царя — единственного мирянина, который имел право получать причастие как священнослужитель, прямо из потира, в алтаре за царскими вратами⁹⁷. Незначительный по видимости духовный сан, как и скромный воинский ранг шкипера, фактически оттенял высокое императорское достоинство Петра. В церемониях Всепянейшего собора «патриарх» высмеивался наряду с «папой»; исходя из этого, можно предположить, что за царскими «потехами» стояли

вполне серьезные претензии Петра на роль противостоящего католичеству истинно христианского императора. Если так толковать петровский «сценарий власти», то принятая царем карнавальная роль дьякона выглядит издевательством над положениями как Восточной (апостольской), так и Западной (католической) церкви о преобладании священства над царством.

Известно, что вплоть до конца 1718 г. Петр не имел твердого намерения уничтожить патриаршество. Однако антикатолические выпады в личной переписке членов Всешутейшего собора и в непристойных церемониях в честь новых князь-кесаря и князь-папы показывают, что именно в это время Петр искал окончательное решение двух главных проблем последних лет его царствования, связанных с наследованием царского и патриаршего престолов. Еще до того, как кровавое расследование «Авессаломской злости» Алексея выявило связи несчастного царевича с некоторыми высокопоставленными духовными лицами, Петр на шаг приблизился к радикальному решению этих проблем. Он доверил Феофану Прокоповичу — главному панегиристу «удобоносимого ига» царской власти — составить план повторного усмирения православных иерархов⁹⁸ и разрубил наконец гордиев узел, мешавший окончательному апофеозу Отца Отечества.

¹ О Евдокии см.: *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII в. // *Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию ... Р.Г. Скрынникова.* СПб., 1995. С. 136—165. О биографии Алексея см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 402—411.

² О числе детей Петра см.: *Hughes L.* A Note on the Children of Peter the Great // *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter.* 1993. № 21. P. 10—16. Родословное древо Романовых см. в кн.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. XXI, 399—402.

³ О политическом значении «дела царевича Алексея» см.: *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 339—425.

⁴ О претензиях Петра на «духовное отцовство», составлявшее прерогативу патриарха, см.: *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 74—75.

⁵ О тесной связи между шутками и карнавальными богохульствами см.: *Douglas M.* Jokes // *Rethinking Popular Culture: Contemporary Perspectives in Cultural Studies.* Berkeley, 1991. P. 291—310. По мнению их первого исследователя, святочные игры 1717—1718 гг. представляли собой верх петровского черного юмора. См.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // *Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. Слово и дело! 1700—1725.* СПб., 1884. С. 278—334.

⁶ Текст письма см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 346—348. Перепиской царя с сыном открывается «Объявление в Санктпитебурхе отпращеннаго и по указу его величества в печать, для известия всенароднаго, сего июня в 25 день, 1718, выданное» (СПб., 1718). Общий тираж этого издания составил 4536 экземпляров, к тому же оно было немедленно переведено на немецкий и французский языки. См.: *Николаева В.М.* Тестамент Петра I царевичу Алексею // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 93—111, в особенности с. 96, примеч. 2.

⁷ См., напр.: *Посошков И.Т.* Завещание отеческое, к сыну своему [1712—1719]. СПб., 1893; *Татищев В.Н.* Духовная [1734] // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 133—145.

⁸ См.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 346—348.

⁹ Там же. С. 346.

¹⁰ Об этом значении слова см.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. С. 412.

¹¹ Об общеевропейских этических представлениях, связывавших воинскую службу с римскими государственными добродетелями, см.: *Oestreich G.* Neosticism and the Early Modern State. Cambridge, 1982. Гл. 2—5.

¹² *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 348.

¹³ См.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 374—380, в особенности 374.

¹⁴ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 348 (Петр — Алексею, 11 октября 1715 г.).

¹⁵ Там же. С. 347.

¹⁶ Там же. С. 348.

¹⁷ Там же. С. 349 (Петр — Алексею, 19 января 1716 г.).

¹⁸ Там же. С. 348.

¹⁹ О Феофане см.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Ничик В.М.* Феофан Прокопович. М., 1977; *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. P. 49—62; *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. М., 1994.

²⁰ О Стефане Яворском см.: *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 119—130.

²¹ См. письмо Феофана к преподавателям Киевской академии (после 8 июня 1718 г.): *Theophanis Procorovitsch. Epistolae... variis temporibus et ad varios amicos datae.* М., 1776. № 6. Перевод см.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 33—34, 41—43.

²² См., в частности, возражения 1—4 в работе: Послание местоблюстителю патриаршего престола, рязанского митрополита Стефана Яворского к преосвященному Варлааму Тверскому и Кашинскому, 1718 // *Чистович И.А.* Решилское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861. Прил. 1.

²³ Трактат Прокоповича был впервые опубликован лишь позднее в составе его «Богословских сочинений» (СПб., 1774), а также отдельным изданием в типографии Новикова (М., 1784). Библиографию трудов Прокоповича см.: *Cracraft J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of His Works // *Oxford Slavonic Papers.* 1975. Vol. 8. P. 1—36.

²⁴ Феофан — Я.А. Маркевичу, 1716. Цит. по: *Смирнов Н.Г.* Феофан Прокопович. С. 187. См. также: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 19, примеч. 2.

²⁵ Греческий глагол «иудействовать» встречается только в Новом Завете, в увещании Павла Петру (Гал. 2:14). В древних источниках слова «иудействующий» и «иудействовать» относятся к язычникам. Глагол мог обозначать насильственное обращение в иудаизм, но чаще всего описывал подражание необращенных язычников еврейским обычаям. Само понятие можно толковать более или менее расширительно, однако достоверно известно, что «иное благовествование» (Гал. 1:6) иудействующих подразумевало сохранение еврейских обрядов, в том числе обрезания («если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись», Деян. 15:1), а также соблюдение еврейского праздничного календаря и правил приема пищи. См.: *Aageson J.* Judaizing // *The Anchor Bible Dictionary*. New York, 1992. Vol. 3. P. 1089; *Donfried K. Peter* // *The Anchor Bible Dictionary*. Vol. 5. P. 251—263.

²⁶ Павел перед «апостолами и пресвитерами» опровергал тезис иудействующих и вопрошал: «Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши [иудеи], ни мы [христиане из евреев]? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они [необрезанные язычники]». Сходные суждения содержатся в Послании Павла к Галатам (2:7—9). См.: *Donfried K. Peter*. P. 254.

²⁷ Феофан — Я.А. Маркевичу, 1716. См.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 38.

²⁸ О первой встрече Феофана с Меншиковым см.: Там же.

²⁹ См.: *Феофан Прокопович*. Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 38—48, 463.

³⁰ Самовосхваления Феофана см.: Феофан — Я.А. Маркевичу, 1716. См.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 26.

³¹ См.: Слово похвальное, в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 38—39, 48.

³² См.: Слово о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие должествуют; кто же суть и коликий имеют грех противляющийся им // Там же. С. 76—93.

³³ Текст манифеста см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 443—444.

³⁴ *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 76—77, 90.

³⁵ «Авессаломов приклад [пример]» в связи с делом Алексея упоминается в указе Петра духовенству от 13 июня 1718 г. и в постановлении духовенства от 18 июня того же года (см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 516, 518—519, 520, 522—523). Эта же библейская параллель лежит в подтексте манифеста от 3 февраля 1718 г., лишившего Алексея прав на престол, указа от 13 июня 1718 г. светским чинам и их постановления от 24 июня того же года (см.: Там же. С. 438—444, 516, 529—536). «Авессаломская злость» Алексея упоминается в «Уставе о наследствии престола Российского» (1722; см.: Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 175). Об истории Авессалома в

связи с официальной концепцией дела Алексея см.: *Николаева В.М.* Тестамент Петра I царевичу Алексею. С. 96.

³⁶ *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 81.

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Там же. С. 79—80, 86, 88, 90.

³⁹ О критике Феофаном «польского красноречия» см.: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 9—13; *Cracraft J.* Feofan Prokopovich and the Kiev Academy // *Russian Orthodoxy under the Old Regime.* Minneapolis, 1978. P. 53—54.

⁴⁰ См.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 84—85. Прочитируем: «Бози и христы нарицаются <...> За власть убо свою, от бога данную, бози, сие есть наместницы божии на земли, наречены суть <...> Другое же имя христок, или помазанный <...>, сие есть: поставлен и оправдан от бога царствовать». В начале «Слова» Феофан как будто отрешивается от этой параллели: «Ниже да помыслит кто, аки бы намерение наше есть земнаго царя сравнити небесному», — однако далее говорит: «Имеем бо образцы в слове божии от божией части и заимствовати вину к чести и любве человеческой, не в равенство, но в приклад» (Там же. С. 76—77).

⁴¹ Там же. С. 82, 79.

⁴² Стоит заметить, что Феофан величал Петра этим титулом еще в 1709 г., в речи по поводу Полтавской победы, следуя уже установившейся панегирической практике. Еще более раннее упоминание этого титула указано в работе: *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 400—401.

⁴³ *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 87.

⁴⁴ Там же. С. 78.

⁴⁵ Там же. С. 91—93. Образцом в ораторском искусстве Феофан, по всей видимости, избрал апостола Павла, который, по его собственным словам, «так прилежно и домогательно увещевает, аки млатом толчет, тожде паки и паки повторяет: несть власть аки не от бога» (Там же. С. 84).

⁴⁶ Там же. С. 93.

⁴⁷ Там же. С. 67. См. более раннее «Слово в неделю осьмьюнадесят [23 октября 1717 г.], сказанное в Санктпитебурхе, в церкви живоначальныя Троицы, во время присутствия его царскаго величества, по долгом странствии возвратившагося, чрез ректора, честнейшаго отца Прокоповича».

⁴⁸ Там же. С. 77. Феофан говорит о «слепоте» апостолов и избранного народа: «...во времена Христова было уже у иудей слепая богословия, многими баснями наполненная, такожде и мессии ниже по ипостаси, ниже по деле ведущая» (Там же. С. 76).

⁴⁹ См.: *Starkey D.* Representation through Intimacy: A Study in the Symbolism of Monarchy and Court Office in Early Modern England // *Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism.* London, 1977. P. 187—224; *Idem.* Court History in Perspective // *The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War.* London, 1987. P. 1—24; *Adamson J.* The Making of the *Ancien-Régime* Court, 1500-1700 // *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500—1750.* London, 1999. P. 7—10. На русском материале те же проблемы исследуются в работах: *Bushkovitch P.* Peter the Great; *LeDonne J.P.*

Ruling Families in the Russian Political Order, 1689—1825 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. № 3—4. P. 233—322.

⁵⁰ Кн. Ромодановский скончался в Москве 17 сентября 1717 г., за шесть дней до кончины Зотова. См.: Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 36.

⁵¹ Биографию И.Ф. Ромодановского см. в работах: *Петров А.* Ромодановский, князь Иван Федорович // *Русский биографический словарь*. Т. 17. С. 120—124; *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701—1791 гг.). Исторический очерк по архивным документам. СПб., 1867. С. 52, 77.

⁵² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Гл. 2 (1717). Кн. 33. Л. 445—445об. Ответ Петра на жалобную эпистолю Ромодановского, см.: АСПБИИ. Ф. 270. Д. 84. Л. 179.

⁵³ О символических значениях праздника см.: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. Гл. 1.

⁵⁴ См. ответное письмо царя: АСПБИИ. Ф. 270. Д. 84. Л. 179.

⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 65. Л. 213. Копию, изготовленную в XIX в., см.: АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 87. Л. 185. Опубликовано в изд.: *Баранов П.* Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Сенатском архиве, 1704—1725. СПб., 1872. Т. 1. С. 48.

⁵⁶ О П.А. Толстом (1653—1729), хитром дипломате, выманившем блудного царевича из Италии в Россию, см.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 109—232, в особенности 188—204; *Tolstoy N.* The Tolstoys: Twenty Generations of Russian History, 1353—1983. New York, 1985. P. 83—90; *Серов Д.О.* Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 29, примеч. 50, 113—116, 129, примеч. 60, 251.

⁵⁷ Кн. М.Г. Ромодановский (1653—1713), стольник, воевода, будущий московский генерал-губернатор. Его жизнеописание и «духовный» псевдоним см. в работе: *Модзалевский Б.Л.* Ромодановский, князь Михаил Григорьевич // *Русский биографический словарь*. Т. 17. С. 126.

⁵⁸ Цит. по: *Петров А.* Ромодановский, князь Иван Федорович. С. 121. Ср.: *Письма и бумаги Петра Великого*. Т. 4. С. 305.

⁵⁹ См.: *Письма и бумаги Петра Великого*. Т. 3. С. 195.

⁶⁰ См.: Там же. Т. 7, ч. 1. С. 24—25.

⁶¹ В ходе выяснения связей царевича с матерью выяснилось, что бывшая царица не постриглась в монахини, хотя была послана в Суздальский монастырь еще за двадцать лет перед тем. Отказывая супругу в разводе, Евдокия Лопухина создала положение, угрожавшее не только легитимности брака Петра с Екатериной, но и династическому порядку в целом. Об этом важнейшем аспекте так называемого Суздальского дела см. в работах: *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII в. С. 136—165; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 388—390, 396—401; *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 60, 61, примеч. 75.

⁶² Об А.В. Макарове см.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 233—308; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 282—287.

⁶³ Об А.И. Ушакове см. в работах: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 427; *Серов Д.О.* Строители империи. С. 79, 96, примеч. 62, 252; *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в

России. С. 121. Незадолго до того Ушакову было поручено составить опись имущества, хранившегося в Ново-Преображенском дворце после смерти предыдущего князь-кесаря Ф.Ю. Ромодановского (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 34. Л. 364—368об.; подготовленный Ушаковым список см.: Там же. Л. 466—520об.).

⁶⁴ РО РНБ. Ф. 874 (Архив С.Н. Шубинского). Оп. 2. Кн. 207. Л. 38, 55 (рукою Г.В. Есипова). Две копии XIX в. см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Ч. 1.

⁶⁵ АСПБВИИ. Ф. 270. Кн. 85. Л. 3.

⁶⁶ См.: «Реэстр некоторым увеселительным письмам о Князь Папе и собора онаго; писанным рукою Государя Императора Петра Великого, и других» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 3. Кн. 67. Л. 1).

⁶⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 67. Л. 64 (черновик); Там же. Л. 65—65об. (беловик). Облагороженная версия письма опубликована в работе: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 311.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 67. Л. 18. Ср.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 310. О словесных и обрядовых параллелях между действительным и «потешным» чином рукоположения см.: *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. С. 402—416, в особенности примеч. 21.

⁶⁹ О полемике вокруг вдовствующего престола патриарха Русской православной церкви и изменений текста «архиерейского обещания» см.: *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.

⁷⁰ АСПБВИИ. Ф. 270. Кн. 87. Л. 22.

⁷¹ О княгине А.П. Голицыной (урож. Прозоровской) см.: *Серчевский Е.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853; С. 57, 292; *Есипов Г.В.* Княгиня-игуменя // Русская старина. 1870. Кн. 1. С. 400—403; *Карabanов П.Ф.* Статсдамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии. Ч. 1 // Русская старина. 1870. Кн. 2. С. 478—479; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 194, 201, 253, 261, 291, 504, примеч. 254, 516—517, примеч. 42—46.

⁷² См.: *Платонов С.Ф.* Б.И. Куракин и А.П. Прозоровский (1697-1720) // Доклады АН СССР. Серия истории и философии. 1929. Т. 12. С. 236—243, в особенности 241, 243.

⁷³ Об осуждении и наказании Голицыной см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 221, 222, примеч. 80, 225; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 400, примеч. 40.

⁷⁴ См.: Список лиц, засвидетельствовавших в совете 3 февраля, 1718 года // *Погодин М.П.* Царевич Алексей, по свидетельствам вновь открытым // *ЧОИДР. М.*, 1861. Т. 3, ч. 2. С. 318—319.

⁷⁵ См.: Повестка о собрании 5 марта [1718 г.] // Там же. С. 321—323, 325.

⁷⁶ Об обстоятельствах этих собраний, в том числе о присутствии членов Священного собора, см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 143—144, 477—487, в особенности 477.

⁷⁷ Список этих «служителей», составленный не позднее второй свадьбы Бутурлина 10 сентября 1721 г., см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 67. Л. 73. Опубликованная его версия заметно искажена в угоду языковым приличиям. См.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁷⁸ Оригинал брошюры хранится: ОР БРАН. Кн. 17.7.12. Л. 104—115, 110 (рисунк). Текст был впервые опубликован и проанализирован С.Ф. Платоновым: *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго-коллегия и Великобританский монастырь в Санкт-Петербурге при Петре Великом // *Известия Академии наук СССР.* 1926. № 7—8. С. 527—546. Также см.: *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век I первая половина XIX в.). М., 1982. С.74—76; *Cross A.G.* The Bung College or British Monastery in Petrine Russia // *Newsletter of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* 1984. Vol. 12. P. 14—24; *Idem.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997. P. 31—34.

⁷⁹ Исследование состава «Великобританского славного монастыря» показало, что в него входили иностранные финансисты, купцы и специалисты в различных областях, близко связанные с царем и оказывавшие ему различные «особые» услуги. Так, например, «медикус» Вильям Горн, хирург, оперировал царя незадолго до его смерти от почечной недостаточности в январе 1725 г. К «монастырю» принадлежал петровский официальный историограф и панегирист (по прозвищу «Фамусов» — возможно, от англ. «fame-sower» [букв. — сеятель славы]) барон Генрих фон Хьюссен. Пример Хьюссена показывает, что часть лиц, записанных в данный «монастырь» (по подсчетам Энтони Кросса, 18 из 46), не были англичанами.

⁸⁰ См.: *Cross A.* The Bung College or British Monastery. P. 33—34.

⁸¹ И.В. Паус (1670—1735) — немецкий ученый, приехавший в Москву в начале XVIII в. как миссионер пиеизма. Позже он продолжил свою карьеру в Петербурге как глава переводчиков при недавно основанной Российской академии наук. См. о нем: *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 143—246; *Топоров В.Н.* Глюк и «немецкая» русская поэзия первой трети XVIII в. // М.В. Ломоносов и русская культура. Тарту, 1986. С. 11—16; *Словарь русских писателей XVIII в.* СПб., 1999. Т. 2; рецензию М. Шиппана (M. Schippan) в изд.: *Study-Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter.* 1999. № 27. P. 71—75, в особенности 75.

⁸² О русской эмблеме см.: *Морозов А.А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 184—226; *Сазонова Л.И.* Общевропейские черты восточнославянского барокко. Из наблюдений над поэтикой: *Acumen, poesia artificiosa, emblema, picta poesis* // *Славяноведение.* 2002. № 2; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991.

⁸³ Об обстоятельствах гибели Алексея см.: *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 420—421; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 410. О смерти царевича Петра см.: *Ibid.* P. 400—401.

⁸⁴ Неизвестный составитель устава датирует его средой пасхальной недели (20 апреля) 1720 г. См.: *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. С. 530.

⁸⁵ См.: *Эмблемы и символы* / Ред. А.Е. Махов. М., 1995. С. 95—96 (№103), 218—221 (№591).

⁸⁶ Символическое оформление торжеств проанализировано в работах: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 272—274; *Агеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 72—77; *Погосян Е.А.* Петр I: Архитектор российской истории.

СПб., 2001. С. 149—163, 220—229; *Васильев В.Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII века). Л., 1960. С. 46—50; *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 91—93, 95.

⁸⁷ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 112.

⁸⁸ См.: *Дневник камер-юнкера Берхольца*. М., 1902. Т. 1. С. 140.

⁸⁹ См.: *Феофан Прокопович*. Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 93.

⁹⁰ См.: *Laquer T.* Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge, 1990. P. 116. Перевод А.В. Артюшкова из комедии Теренция.

⁹¹ См.: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность: Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С. 243—244; Памятники к истории протестантизма в России / Ред. Д. Цветаев. М., 1888. С. 240—241.

⁹² См.: Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 570. Как видно из Приложения к наст. изд., Мусина-Пушкина, Головкина и представителей клана Апраксиных можно найти в списке служителей «архи-князь-папы».

⁹³ См.: *Матвеев В.Ю.* К истории возникновения и развития сюжета: «Петр I высекающий статую России» // *Культура и искусство России XVIII века*. Л., 1981. С. 26—43; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. XII—XIII, 479.

⁹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Ед. хр. 67. Л. 73; *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁹⁵ Здесь можно отметить рефлекс старомосковской практики, когда крестильное имя деда использовалось в качестве одного из отчеств (так называемого «дедичества»). См.: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 25—26. Об обращении Петра I к данной практике см.: *Майкова Т.* Петр I и православная церковь // *Наука и религия*. 1972. № 7. С. 44, 46.

⁹⁶ Около 1710 г. пародийный «митрополит Ижоры и Санкт-Петербурга Петроуху» (П.И. Бутурлин) возвел «протодьякона Всешугейшего патриарха» (Петра I) в чин «архидьякона... нашей епархии» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Кн. 11 (1710). Л. 188).

⁹⁷ См.: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 156, примеч. 2; *Зызыкин М.М.* Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. М., 1995. Т. 1. С. 191.

⁹⁸ О петровской концепции церковной реформы, воплотившейся в «Духовном регламенте» 1721 г., см.: *Верховской П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношениях церкви и государства в России. Исследования в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Ч. 2. С. 6; *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. P. 60—62, 135, 147—153.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Священные пародии, ставшие специальным предметом нашего исследования, составляют особую и до сих пор малоизученную сферу московского политического богословия конца XVII — начала XVIII в. Как мы видели, вопреки общему мнению, за ними стояли не секуляризационные идеи, а культ божественной харизмы Отца Отечества. Однако, в отличие от традиционных для московского двора моделей сакрализации монарха, имперский культ царя-воина отправлялся не только придворными проповедниками и панегиристами, именовавшими Петра «богом и христом» России, но и участниками «духоносных» церемоний его «царственного священства», возносившего хвалу царю-фаллосу. В обоих случаях аллегорический язык, использовавшийся членами царской свиты как в частных письмах, так и в придворных зрелищах, фактически диктовался харизматическим сценарием власти и поддерживал само понятие о «величии» Петра.

Устройство придворных игр, приобщавших новых членов к вакхическим таинствам Преображенного царства, было делом рук старинных друзей царя. Однако, как и сам царь, они обычно занимали низшие позиции в игровой иерархии, уступая первенство — и сопряженные с ним унижительные обязанности — сановникам почтенного возраста, зачастую скептически смотревшим на нововведения Петра¹. Их приверженность к «старине» только подчеркивала полемический заряд совершавшихся при их участии обрядов, ставивших их в неловкое и смешное положение. Как показывает пример свадьбы Зотова, эта неловкость могла быть ключевым принципом все более торжественных и публичных «потех», во время которых прочие члены Всепьянейшего собора служили одновременно статистами и зрителями совершающегося преобразования Русского царства в Российскую империю.

Полемический заряд петровской карнавализации власти сказывался в ключевые моменты царствования Петра, как, например, во время императорской инвеституры 1721 г. в кафедральном Троицком соборе Петербурга. Как известно, при праздновании Ништадтского мира канцлеру Г.И. Головкину выпала почетная обязанность преподнести Петру титулы «императора Всея Руси», «Отца Отече-

ства» и «Великого» от имени Сената, Синода и всех подданных в ходе невиданной (и никогда более не повторявшейся) политической церемонии². В присутствии придворных, высших духовных лиц и иностранных послов (многие из них представляли государства, не признававшие притязаний московского двора на равенство с императором Священной Римской империи³) глава Коллегии иностранных дел самопровозглашенной «Российской империи» обратился к царю со следующими знаменитыми словами: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы, Ваши верные подданные, из тмы невежества на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политических народов присовокуплены»⁴.

В историографии дерзкая политическая эскапада Петра по традиции представляется кульминационным моментом его царствования, а сама церемония императорской инвеституры — верным воплощением общих процессов «секуляризации» и «вестернизации». Однако такая интерпретация событий наталкивается на два труднообъяснимых факта. Во-первых, погруженные в религиозную культуру своего времени организаторы и участники церемониального апофеоза Отца Отечества не могли не знать, в отличие от многих позднейших комментаторов и исследователей, что произнесенные Головкиным слова отсылали к одной из важнейших молитв православного богослужения, в которой говорится о том, как Господь отделил свет от тмы и бытие от небытия⁵. Во-вторых, тот факт, что сравнение между земным и небесным царем было провозглашено «пьяным протодиаконем Гавриилом» Всешутейшего собора⁶, заставляет увидеть в его речи больше, чем лесть дипломата, по долгу службы радеющего о европейской славе своего государя. Тем, кто был посвящен в фаллический культ русского помазанника и имел «уши слышать» (Мф. 25: 30), древнеримская имперская титулатура русского царя казалась не менее и не более карнавальная, чем его непристойное прозвище во Всешутейшем соборе Преображенского царства. Оба этих наименования провозглашали созидательную силу Отца Отечества на эзотерическом языке царской «кумпании», тем самым напоминая, быть может, о выстреливавшем свой оплодотворяющий заряд «Гаврилушке».

Итак, избранная нами методология позволяет не только объяснить оставшиеся до сих пор загадкой черты политической культуры конца XVII — начала XVIII в., но и заново истолковать центральные и, казалось бы, хорошо изученные эпизоды петровского

царствования, как, например, празднование Ништадтского мира. Даже беглый анализ речи Головкина демонстрирует, что сосуществование «потехи» и панегирика в языке царской «кумпании» определялось своеобразными риторическими практиками, выработанными еще в конце XVII в. Тем самым этот анализ только подтверждает наше заключение о важной роли членов «трезво-пьянной» «кумпании» Петра, сумевших задолго до официального провозглашения Петра императором в 1721 г. обратить придворные церемонии гражданского культа в пророчества о грядущем политическом завете. По знакомому библейскому сценарию, в поставленном ими же спектакле самодержавной власти, Петру отводилась роль «камня» (ср. Мф. 16:18), положенного Божьим промыслом в основу обновленного царства. Преображение Московии в регулярное государство было делом рук русского помазанника, жертвующего собой ради блага подданных. Именно его «трусами», по утверждению Феофана Прокоповича, одного из действительных авторов цитировавшейся выше речи Головкина, «почиваем, <...> походами стоим незыблемы, <...> многими смертями живем»⁷. Популярность этой аналогии как среди «апостолов» царя, так и среди обращенных их усилиями современников отчасти объясняет, почему барочный образ Петра как краеугольного камня российского имперского культа сохранял значение и для его преемников — даже тогда, когда вакхические таинства Преображенного царства были забыты или растворены в исторической легенде о «просветительских» реформах великого преобразователя⁸.

¹ «Митрополит» И.И. Хованский-Старший (ум. 1702), подвергшийся опале из-за своего родства с предполагаемыми руководителями московского бунта 1682 г., — самый яркий пример такого сановника. В литературе некритически используется памятное и часто цитируемое описание от первого лица его собственного рукоположения, несмотря на то что оно известно только из вторых рук. Текст допроса его сокамерника, знаменитого еретика Григория Талицкого, якобы передавшего собственные слова Хованского, см.: *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 68—69.

² *Агеева О.Г.* Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 112—140, в особенности С. 124—126.

³ О внешней и внутренней политике Петра в борьбе за императорский титул см.: *Madariaga I. de.* Tsar into Emperor: The Title of Peter the Great // *Madariaga I. de.* Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia. London, 1998. P. 15—39.

⁴ Речь, какова... его императорскому величеству от господина канцлера графа Головкина говорена в 22 день октября 1721 году. СПб., 1721. «Речь...» перепечатана в кн.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1869. Т. 1. С. 458—459. Анализ ее см.: Агеева О.Г. Имперский статус России. С. 112—140; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 56, 272—274; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 96.

⁵ О библейских и литургических источниках этой фразы см.: Hörstel H.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovic. Würzburg, 1970. S. 86; Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. С. 401—402.

⁶ См. о Головкине Приложение к наст. изд.

⁷ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 67.

⁸ См.: Rasmussen K. Catherine II and the Image of Peter I // Slavic Review. 1978. Vol. 37. P. 57—69; Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // Slavic Review. 1992. Vol. 51. P. 77—98.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Члены Всешутейшего собора

Исследуемый нами процесс превращения придворной партии Нарышкиных в новую церковь обожествленного Отца отечества хорошо описывается на примере Всешутейшего собора Преображенного царства. Действительно, историю петровского двора невозможно представить без этой пародии на почтенный Освященный собор Московской патриархии. Как мы видели, эта святотатственная составляющая священных пародий, устроенных в конце XVII столетия в Ново-Преображенском, стала одним из важнейших элементов карнавализованного мира, созданного Петром и его соратниками. Все перечисленные ниже «духовные персоны» были подчинены изобретенным самим царем правилам игры в князь-папу и князь-кесаря. Еще знаменательнее то, что все они занимали ответственные посты в военных, гражданских и придворных службах петровского «полицейского» государства. Именно поэтому имеет смысл прояснить, что скрывалось за непристойными номинациями высших лиц Российской империи конца XVII — начала XVIII в.

Прилагаемый список всех известных членов Всешутейшего собора — лишь предварительный шаг в этом направлении. Заведомая неполнота нашего перечня связана с двумя важнейшими причинами. Во-первых, формально списки Всешутейшего собора никогда не составлялись; до нас дошли только упоминания в частной переписке или — в лучшем случае — реестры приглашенных на те или иные празднества. Это объясняется тем фактом, что Всешутейший собор представляет собой не организацию, а определенную разновидность словесной и политической практики, благодаря которой непристойные прозвища тех, кто веровал в оплодотворяющую мощь богоизбранного Отца Отечества, превращались в насмешку, если их воспринимали всерьез, но обретали прямое значение, когда в них видели остроумную придворную игру. Во-вторых, поскольку разыгрываемые участниками Всешутейшего собора священные пародии предназначались для внутреннего употребления двора, корреспонденты не давали себе труда помимо шутовских

прозвищ приводить и подлинные имена «персон» (на это указывал еще М. М. Щербатов, первым занявшийся собиранием материалов вокруг Всешутейшего собора)¹. В настоящем списке мы попытались свести воедино все доступные нам сведения об участниках в священных пародиях Преображенного царства, однако составление полного перечня — дело будущего, когда личный состав и социальная структура петровской «кумпании» будут лучше освещены исторической наукой².

Стоит иметь в виду, что, если некоторые ключевые персонажи тогдашнего двора и не упомянуты в нашем списке, мы не можем быть уверены, что они не имели своих травестийных прозвищ и не принимали участия в кошунственных увеселениях своего царственного патрона. Таков, например, случай упоминаемого ниже в таблице «ключаря» Апраксина. Боярский род Апраксиных, один из знатнейших в государстве, считался родственным с царствующей фамилией; представители его имели непосредственный доступ к царю. Три брата Апраксиных были комнатными стольниками при государе; двое из них, Петр и Федор Матвеевичи, вошли в состав государственной Думы в высшей должности «бояр» (в 1710 и 1713 гг. соответственно), хотя такое назначение и стало к тому времени скорее почетным, чем ответственным³. Оба входили в круг высших сановников державы и приближенных монарха: Петр, старший, с 1711 г. был губернатором Казани, его более известный младший брат Федор занимал тот же пост в Воронеже и управлял флотом⁴.

---

¹ См.: РО РНБ. Эрмитажное собрание. Ед. хр. 450. Л. 11 («Известие о князь-папе и письмах его собора»). Первую попытку составить список членов петровской «кумпании» см. в работе: Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 200—206.

² См.: *Crummey R. O.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689—1700 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. № 8. P. 275—287; *Meehan-Waters B.* The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great // *Ibid.* P. 288—299; *LeDonne J. P.* Ruling Families in the Russian Political Order: The Petrine Leadership, 1689—1725 // *Sahiers du monde russe et soviétique*. 1987. Т. 28. № 3-4. P. 233—322; *Айрапетян И. Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

³ См.: *Айрапетян И. Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 99, 316, 321, 329.

⁴ О П. М. Апраксине см. работы: *Горфункель А. Х.* Андрей Белобочкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII века // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 191; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 115. О его брате «генерал-адмирале» Федоре

Как видно из неизданного письма 1707 г., «препочтеннейший Господин Адмирал» также состоял «сыном и сослужебником его мерности» князь-папы «Аникита», но не ясно, в каком чине⁵. Портрет Андрея, младшего из трех братьев (под именем «Андрея Бесящего»), в облачении важного духовного лица Всешутейшего собора помещался среди картин, украшавших царский дворец в Ново-Преображенском⁶. Весьма возможно, что прозвище «ключарь» относится именно к нему (хотя этот сан и был слишком низким для «пастыря» его ранга), однако утверждать это без дополнительных доказательств мы не можем. Итак, несмотря на большой объем информации о братьях Апраксиных, установить принадлежность прозвища упоминаемого в списке «служителей Архикнязь-папы» «ключаря Апраксина» все же чрезвычайно трудно.

Касааясь темы высокопоставленных членов государевой свиты, предположительно не связанных с Всешутейшим собором, невозможно не упомянуть царского любимца. А. Д. Меншиков явно участвовал в празднествах и был хорошо осведомлен о личном составе Всешутейшего собора, но мы не нашли ни единого упоминания о его церковном чине. Значит ли это, что он не был причастен к «кумпании» Петра? Здесь стоит вспомнить коллективное «послание», набросанное князь-папой Н. М. Зотовым до 1706 г. во время встречи всей «кумпании» у кн. Меншикова. Оно было посвящено проводам в действующую армию «мужа духоносного его милости господина нам возлюбленного сына и сослужителя первые степени достойного архиерея княжища Шаховского фамилии Ярославских первейших князей ебенях матерей» (Ю. Ф. Шаховского). Помимо высших лиц Всешутейшего собора: «Смиренного Аникита Киевского и Галицкого» (И. А. Мусина-Пушкина), «протопрезвитера пьяного Feodor'a Golovin'a», «Киевского протодиакона ей пьяного Гавриилы» — Головкина и «Смиренного преосвященного митрополита Мисаила Казанского и Свяяжского» (кн. М. Ф. Жирового-Засекина), документ подписали «добре пивший за

Апраксине см. в работах: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 115, 418—419; *Русский биографический словарь.* Т. 2. С. 256—258; *Дмитриев С. И.* Генерал-Адмирал граф Ф. М. Апраксин. Сподвижник Петра Великого. Пг., 1914; *Белавенцев П.* Генерал-Адмирал граф Федор Матвеевич: Краткий биографический очерк. Ревель, 1899.

⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Ч. I. № 7 (1707). Л. 932.

⁶ О портрете «Андрея Бесящего» см.: *Молева Н. М.* «Персоны» Всешутейшего собора // *Вопросы истории.* 1974. № 10. С. 209.

ваше здравие» П.П. Шафиров (вице-канцлер по иностранным делам), «при том быти щастие имевший» Якоб Брюс (глава Артиллерийского приказа), барон Иоганн Георг фон Кайзерлинг (прусский посланник) и даже сам неграмотный «Александр Меншиков»⁷. Нетрудно заметить, как легко шутовские «духовные персоны» «сумасбродного собора» князь-папы вошли в состав ключевых советников и сподвижников монарха — тех, кто помогал ему преобразовать Московское царство в регулярное государство. Числились выше-названные чиновники или нет во Всешутейшем соборе, в конечном счете не так уж важно; существенно то, что все они обязательно принимали участие в коллективных церемониях двора, как шутовских, так и серьезных, позволявших Петру воплощать свой харизматический сценарий власти.

Но в конце концов успех самих преобразований начал входить в противоречие с избранным Петром стилем правления. Превращение «кумпании» из придворной фракции нарышкинского кандидата в команду высших чиновников «регулярного» государства привело к одновременной рационализации и рассеиванию царской харизмы⁸. Это имело важные последствия для петровского сценария власти, определявшего отношения внутри его ближнего круга, а значит, и для состава и действий Всешутейшего собора. Чем больше появлялось ведомств, осуществлявших волю самодержца, чем сложнее становилась гражданская и военная иерархия, тем труднее становился регулярный и непосредственный доступ к царю как для

---

⁷ Текст письма хранится в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. (1710 г.). Д. 11. Л. 189—190об. Копию XIX в. см.: РО РНБ. Ф. 824. Оп. 2. Кн. 200. Л. 20—20об., 26. Архивная дата, по-видимому, ошибочна: письмо, скорее всего, было составлено до 1706 г. — года смерти подписавшегося Ф. А. Головина.

⁸ Под «рационализацией» я имею в виду возникновение той формы власти, которую Макс Вебер именует «рационально-легальной» или «бюрократической». Этот процесс отразился в таких основополагающих документах петровского законодательства, как «Устав воинский» (1716), указ об учреждении поста генерал-полицмейстера (1718), «Генеральный регламент» (1720), «Главный магистрат» (1721) и «Табель о рангах» (1722). Их тексты см.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 155—231, 630—633, 99—124, 393—402. О рассеивании харизмы см.: Shils E. Charisma // Shils E. Constitution of Society. Chicago, 1982. P. 117—118. Разработанная Вебером модель «рутинизации харизмы» скорректирована в исследованиях, демонстрирующих присутствие этого фактора власти даже в современных бюрократических государственных системах. См.: Geertz C. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages. Philadelphia, 1985. P. 13—38.

его подданных, так и для придворных⁹. Разбросав его первоначальных участников по всей империи, собор начал привлекать новых членов и стал предметом для подражания¹⁰. Этому способствовал и тот факт, что в новооснованном Петербурге вакхические таинства Преображенного царства, носившие дотоле — по крайней мере, наружно — характер частных увеселений, стали важным элементом публичных торжеств. Когда при дворе праздновали Святки, спуск на воду очередного корабля или последнюю победу, прибывавшие издалека члены «кумпании» привозили с собой новообращенных приверженцев имперского культа из числа провинциальных чиновников и младших офицеров, тем самым увеличивая число «духовных лиц» Преображенного царства до неслыханного ранее размера.

Даже при самом беглом анализе состава Всешугейшего собора бросается в глаза, что количество иерархов (т.е. митрополитов, епископов, игуменов, игумений и архимандритов), участвовавших в петербургских маскарадах 1720-х гг., намного превышает число лиц, упомянутых в письме Петра от конца XVII в., повествующем о Всешугейшем соборе¹¹. Так, помимо «Его Святейшества» («патриарха Аникита»), в письме царя к А.А. Виниусу от 9 июля 1698 г. Петр называет трех иерархов («Тихона», «Мисаила» и «Алексея»), «пресвитера Александра Волосатого» и «диакона Гавриила Долговещного». Даже если включить сюда «Андрея, патриарха Палестинского», вместе с тремя другими митрополитами, упомянутыми в письме царя, при сопоставлении этой группы церковников со списком прелатов и других духовных лиц, присутствовавших на

⁹ Показательно в этом отношении учреждение поста рекетмейстера (от фр. *maître de requêtes*), сопровождавшееся жесткой регламентацией процедуры обращения подданных к государю. Текст указа «О генерале рекет-мейстере» (1722) см.: Законодательство Петра I. С. 86—88. О рекетмейстере и растущем значении Кабинета и его секретаря в качестве источников осведомленности Петра см.: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. P. 94, 112—113, 128, 493, примеч. 263; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 282—286.

¹⁰ Здесь стоит прежде всего упомянуть женский аналог собора, возникший при дворе Екатерины Алексеевны и состоявший из ее фрейлин, а также т.н. Бенго-Коллегию, о которой идет речь в гл. 5 наст. изд. Сюда можно отнести и своеобразную «компанию» царевича Алексея, состоявшую из избранных придворных, носивших такие клички, как «Ангел», «Благодетель», «Сатана», «Ад» и «Молох». См.: *Павленко Н.И.* Петр I. М., 1990. С. 383.

¹¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 265, 741 (Петр — А.А. Виниус от 9 июля 1698 г.).

маскараде 1723 г.¹², становится ясно, что к концу петровского царствования личный состав верхнего слоя Всешутейшего собора увеличился более чем в четыре раза; соответственно, возросло и число низших должностных лиц — «служителей Архикнязь-папы»¹³.

Вместе с тем такая экспансия размывала первоначальное значение Всешутейшего собора. К концу петровского царствования его священные пародии мало чем выделялись среди прочих карнаваловых процессий, посвященных празднованию пришествия Преображенного царства. Уже при жизни Петра они стали лишь одним из многочисленных элементов петербургского церемониального календаря, напоминанием о юности царя, когда его положение при московском дворе и положение России в Европе было еще неопределенным¹⁴. И хотя в 1720-х гг. растягивавшиеся на три дня маскарады проходили с известной регулярностью при участии членов Всешутейшего собора и сотен масок и стоили тысячи рублей, шествия князь-папы стали достоянием прошлого так же быстро и неожиданно, как и их бессменный устроитель, «протодиякон Пахом Пихай хуй Михайлов». В этом отношении Всешутейший собор разделил судьбу Ново-Преображенского, где он когда-то возник. Как показывает Р. Уортман, сразу после смерти Петра его наследники предали забвению эту усадьбу, предпочтя ей иные «места памяти», больше соответствовавшие новым сценариям власти¹⁵.

¹² Список прелатов и других духовных лиц, присутствовавших на маскараде 1723 г., см. в документе: Компания машкарада в Санкт Питер Бурхе 1723 года (20 августа — 6 сентября 1720 г.) // РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 27об., 30об.

¹³ Неполный список «служителей Архикнязь-папы» см.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист // Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700—1725. СПб., 1884. С. 278—334.

¹⁴ См.: *Hollingsworth P.* Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great (доклад на ежегодном съезде Американской исторической ассоциации, декабрь 1985 г.). P. 13. О становлении имперского придворного календаря см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. xxix, 270—279; *Idem.* The Petrine Year: Anniversaries and Festivals in the Reign of Peter I (1682—1725) // *Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century.* Lewiston, 2000; *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 23—182, 287—327.

¹⁵ Беглое упоминание о кошунственных «потехах» петровского двора в исследовании Уортмана в известной степени продолжает традицию умолчаний, свойственных источникам, на которые эта работа опирается. См.: *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2006. P. 19—20. О «местах памяти» см.: *Realms of Memory: Rethinking the French Past.* Vol. 1—3. N.Y., 1996—1998. [См.

«Ориентация» на петровскую традицию карнавального празднования величия и обширности империи могла еще составлять «основу официальной культуры» русского двора, но уже в 1740 г. «реальные формы ее бытования и базовые идеологические посылки были очень далеки от тех, которые существовали при Петре»¹⁶.

Члены ВСЕШУТЕЙШЕГО СОБОРА

	Имя	Официальная должность/чин	Шутовское прозвище
1.	П.А. Романов (1672—1725)	Царь	Смиренный диакон Петр ¹ ; протоиерей Питер ² ; протоиерей Питирим ³ ; протоиерей Пахом пихай хуй Михайлов; служитель Архикнязь-Папы ⁴
2.	В.А. Соковнин	Комнатный стольник Петра (1683—1697) ⁵ ; занимал посты ярославского, ростовского, переяславского воеводы (в 1692—1694 гг., во время кораблестроительной деятельности Петра в Переяславле) ⁶	Пророк ⁷

также: Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапасовой. СПб., 1999. — *Примеч. ред.*]; Живов В.М. О превратностях истории, или о незавершенности исторических парадигм // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 713—716.

¹⁸ См.: *Погосян Е.* «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры // *Toronto Slavic Quarterly*. 2006. Vol. 15. <http://www.utoronto.ca/tsq/15/pogosyan15.shtml>

3.	Г.Н. Стрешнев (1649—1719)	Дядька Петра; боярин (с 1688 г.), глава Сыского, Владимирского Судного и Конюшенного приказов, а также приказа Большого дворца; начальник Разрядного приказа (с 1690 г.); московский губернатор (с 1708 г.); сенатор (с 1711 г.) ⁸	Преосвященный Тихон ⁹ ; Митрополит Новгородский ¹⁰
4.	Князь Ф.Ю. Ромодановский (1640—1717)	Комнатный стольник Петра; глава Преображенской потешной избы (с 1686 г.), ставшей с 1695 г. Преображенским приказом — петровской тайной полицией ¹¹	Генералиссимус Фридрих; король Прешбургский ¹² ; Князь-Кесарь, Анти-Цезарь ¹³
5.	М.Ф. Нарышкин (ум. в 1692 г.)	Комнатный стольник Петра; окольный (1688—1690); боярин (1690—1692) ¹⁴	Патриарх Миллак ¹⁵
6.	И.А. Мусин-Пушкин (1661—1729)	Окольный (с 1682 г.); смоленский, а затем астраханский воевода (с 1692 г.); глава Монастырского приказа (с 1701 г.), de facto управлявшего всем церковным имуществом; тайный советник (с 1709 г.); граф (с 1710 г.); сенатор (с 1711 г.); президент Штате-контор-коллегии (с 1717 г.); член Высшего суда (с 1723 г.); глава Московского отделения Сената (с 1725 г.) ¹⁶	Ианникий, митрополит Киевский и Галицкий ¹⁷ ; Смиренный Аникит Киевский и Галицкий ¹⁸

7.	Ф.А. Головин (1650—1706)	Боярин; граф; глава Оружейной палаты и придворных мастерских (с 1697 г.); второй посол Великого посольства (1697—1698); глава Воинского морского флота; первый кавалер ордена Св. Андрея (1699); второй генерал-адмирал флота (1699); глава Посольского приказа (с 1700 г.) и всех подчиненных Посольскому приказу ведомств; первый генерал-фельдмаршал армии (1700) ¹⁹	Поп Фетка ²⁰ ; священник Федор ²¹ ; протопресвитер Федор Головин ²²
8.	Г.И. Головкин (1660—1734)	Комнатный стольник Петра (с 1698 г.); постельничий и верховный комнатный (с 1689 г.); глава Казенного приказа (1689—1694); кавалер ордена Св. Андрея (с 1703 г.); глава Посольской канцелярии (с 1706 г.); граф (с 1707 г.); президент Коллегии иностранных дел (с 1717 г.); сенатор (с 1718 г.) ²³	Диакон Гавриил Долговещный ²⁴ ; Гавриил гей пьяный протоиерей ²⁵
9.	Н.М. Зотов (1643/1644—1717)	Дядька Петра; думный дьяк (1683—1698); глава походной канцелярии (1695—1696); думный дворя-	Святейший патриарх ²⁷ ; Великий господин святейший кир Ианикит, архиепископ Преш-

		нин и печатник (1698—1701); глава Ближней канцелярии (с 1701 г.) — раннего аналога Ревизион-коллегии; граф и геи генерал-президент Ближней канцелярии (с 1710 г.); фискал (с 1711 г.) ²⁶	бургский и патриарх Кокуйский и всея Яузы ²⁸ ; Князь-Папа (ок. 1693—1718)
10.	И.И. Бутурлин-старший (ум. в 1710 г.)	Комнатный стольник Петра (1682—1710); глава Семеновского приказа, позднее Семеновской канцелярии приказа Земских дел (ответственной за соблюдение закона и порядка в Москве) ²⁹	Генералиссимус Семеновского полка ³⁰ ; Царь Семеновский; Польский король
11.	А.П. Протасьев	Окольничий; мангазейский, сибирский воевода (1686—1690); глава Владимирского Судного приказа (1692—1695, 1697—1700); «адмиралтеец» во время Азовского похода (1696) ³¹	Пресвитер Александр Волосатый ³²
12.	Князь М.Ф. Жировой-Засекин	Окольничий ³³	Преосвященный [митрополит] Мисаил ³⁴ ; Смиренный Преосвященный митрополит Мисаил Казанский и Свяяжский ³⁵

13.	Ф.П. Шанский	Стряпчий (1692); рядовой стольник [1694—1699] ³⁶	Пристав и соборанин Андрея, патриарха Палестинского ³⁷
14.	Князь Ю.Ф. Шаховской (ок. 1672—1713)	Рядовой стольник (с 1687 г.); комнатный стольник Петра (1696—1710); боярин (1710—1713); генерал-гевальдигер (глава военной полиции) в Прутском походе (1711) ³⁸	Архидиакон Гидеон ³⁹ ; кавалер ордена Иуды (1709—1713) ⁴⁰
15.	И.И. Хованский-старший (ум. в 1701 г.)	Боярин	Митрополит ⁴¹
16.	Князь М.Г. Ромодановский (1653—1713)	Боярин, глава Разбойного, затем Владимирского Судного приказов; воевода псковский (1685—1687) и киевский (1689—1692); глава Провиантского приказа (1705—1707) и наместник Белгородский; московский губернатор (1712—1713) ⁴²	Преосвященный [митрополит] Мишура ⁴³
17.	Князь И.Ф. Ромодановский (ок. 1678—1730)	Ближний стольник; глава Преображенского приказа (с 1718 г.: унаследовал должность после смерти отца); действительный тайный советник и кавалер ордена Св. Андрея (1725); московский генерал-губернатор ⁴⁴	Второй Князь-Кесарь; Князь-игумен (оба с 1718 г.) ⁴⁵

18.	П.И. Бутурлин (ум. в 1723 г.)	Боярин (с 1711 г.) ⁴⁶	Митрополит Петроух Ижорский и Прешбургский ⁴⁷ ; архиерей Санкт-Петербургский ⁴⁸ ; третий Князь-папа (с 1718 г.) ⁴⁹
19.	И.М. Головин (1672—1737)	Обор-сарваир флота	Князь Иоаган; князь-Бас ⁵⁰
20.	Д.Г. Ржевская (урожд. Соковнина)	Статс-дама Екатерины I ⁵¹	Князь-игуменя; архи-игуменя ⁵²
21.	Княгиня А.П. Голицына (урожд. Прозоровская) (1655—1729)	Статс-дама Екатерины I ⁵³	Князь-игуменя (1718—1729) ⁵⁴
22.	Степан Васильев Медведев (ум. в 1722 г.)	Сторож Сержантского двора в Ново-Преображенском; рядовой Преображенского гвардейского полка; служитель в доме царского величества ⁵⁵	Медведь; посошник; иподиакон ⁵⁶
23.	С.Я. Тургенев	Рядовой стольник (1692—1710); думный дворянин (с 1711 г.); служитель в доме царского величества ⁵⁷	Грозный; иподиакон ⁵⁸
24.	Неизвестный		Архиерей Андрей ⁵⁹ ; Андрей Палестинский (или патриарх Палестинский) ⁶⁰
25.	Неизвестный		Преосвященный [митрополит] Алексий ⁶¹

26.	Неизвестный		Преосвященный [митрополит] Гедеон Киевский и Галицкий ⁶²
27.	Неизвестный		Наминат Куська; духовник Козьма ⁶³
28.	Стрешнева		Архи-игуменя ⁶⁴
29.	Муханов		Служитель Архи-князь-папы ⁶⁵
30.	[И.И.?] Бутурлин		Диакон Ион; служитель *Архикнязь-папы
31.	Апраксин		Ключарь
32.	Хилков		Ключарь
33.	Суббота		Ключарь
34.	Мусин-Пушкин		Ризничий
35.	Репнин		Уставщик
36.	Шушерин		Поп Феофан
37.	Головин		Диакон
38.	[А.М.?] Воейков ⁶⁶		Диакон
39.	Ронов		Диакон
40.	Шемякин		Диакон
41.	Прозоровский		Иподиакон Филарет
42.	Юшков		Благочинной; иподиакон
43.	Колтовский		Кречетник; иподиакон
44.	Палибин		Лопатчик; иподиакон
45.	Губин		Иподиакон
46.	Васильев		Иподиакон
47.	Тимашев		Иподиакон
48.	Ключарев		Иподиакон
49.	Лихарев		Иподиакон
50.	Козырев		Новгородский подьячий; иподиакон

51.	Григорий Кашнин		Сибирский комендант; Иподиакон
52.	Прокопий Ушаков	Думный дворянин	Шутик или дурачок [хуй? чок ⁶⁷
53.	Троханиатов		Иподиакон
54.	Иван Лосев		Дьяк
55.	Осип Метлин		Дьяк
56.	Ф.П. Шереметев		Архиерей ⁶⁸
57.	Князь Ю.Ф. Щербатов (1686—1737)	Окольничий; бригадир (с 1704 г.) ⁶⁹ ; товарищ начальника одного из подразделений Ингерманландской канцелярии Ю.Ф.Шаховского (1710) ⁷⁰ ; хозяин одной из первых ассамблей в Санкт-Петербурге ⁷¹	Архиерей
58.	М.В. Колычев		Архиерей
59.	Михайло Собакин		Архиерей
60.	Князь Я.И. Лобанов-Ростовский (1660—1732)	Комнатный стольник [1672—1682]; в 1696 г. отправлен за границу; майор Семеновского полка; капрал Казачьего полка ⁷²	Архиерей
61.	Матвей Головин		Архиерей
62.	Василий Ржевский		Архиерей
63.	Антон Савелов		Архиерей
64.	Иван Денисов, сын Субота, он же Данилов		Ключарь

65.	Федор Протасьев		Ключарь
66.	Князь М.М. Оболенский	Стольник царя Ивана Алексеевича (с 1687 г.); в 1696 г. от- правлен за границу ⁷³	Поп
67.	Василий (он же Самойла) Глебов		Поп
68.	И.Р. Стрешнев		Поп
69.	Лев Воейков		Диакон
70.	Строев	Офицер комиссариата ⁷⁴	Архидиакон, слу- житель Архи- князь-папы ⁷⁵ ; Ар- хидиакон иди на хуй Строев ⁷⁶ ; пос- ледний Князь- папа ⁷⁷

¹ См. письмо Петра к Ф.М. Апраксину (предположительно от апреля 1695 г.) в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 28.

² См. коллективное письмо марта 1706 г. к А.Д. Меншикову: Там же. Т. 4. С. 184.

³ Там же. Т. 2. С. 126—128.

⁴ Недатированный список «служителей архикнязь-папы» (ок. 1722 г.) см.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁵ *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 334.

⁶ *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001. P. 197.

⁷ См. главу 2 наст. изд.

⁸ *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 250; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 115.

⁹ См. письмо Петра к А.А. Виниусу от 9 июля 1698 г. в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т.1. С. 265, 741.

¹⁰ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д.129. Л. 22.

¹¹ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 423—424; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 10, 12.

¹² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 29—30.

¹³ Походный журнал 1713 года. СПб., 1854. С. 53 («Антицезарь»).

¹⁴ Айрапетян И. Ю. Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 101, 103—104, 317, 323, 333; Нарышкины // Русский биографический словарь. Т. 11. С. 94—95.

¹⁵ См. главу 2 наст. изд.

¹⁶ Серов Д. О. Строители империи. С. 241; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 418.

¹⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. С. 126—128; Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 406, примеч. 14.

¹⁸ Письмо Н. М. Зотова к Петру (до 1706 г.): РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. (1710 г.). Д. 11. Л. 189—190об.; РО РНБ. Ф. 824. Оп. 2. Кн. 200. Л. 20—20об., 26.

¹⁹ Серов Д. О. Строители империи. С. 226—227.

²⁰ См. письмо Ф. А. Головина к Петру (февраль 1700 г.) в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 788.

²¹ См. в письме «патриарха Андрея Палестинского» к Петру — упоминание «священника Федора» как одного из «соборян»: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 1. Кн. 53. Л. 504; (ок. 1690-х гг.).

²² См. письмо Н. М. Зотова к Петру (до 1706 г.): РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. (1710 г.). Д. 11. Л. 189—190об.; РО РНБ. Ф. 824. Оп. 2. Кн. 200. Л. 20—20об., 26.

²³ Серов Д. О. Строители империи. С. 227; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 420—421.

²⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 265, 741.

²⁵ См. письмо Н. М. Зотова к Петру (до 1706 г.): РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. (1710 г.). Д. 11. Л. 189—190об.; РО РНБ. Ф. 824. Оп. 2. Кн. 200. Л. 20—20об., 26.

²⁶ Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 423; Корсаков В. Зотовы // Русский биографический словарь. Т. 7. С. 476—481; Любимов С. Зотовы // Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 80—90; [Токарев Н.] Ближняя канцелярия при Петре Великом и ее дела // Описание документов и бумаг хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1888. Т. 5. С. 43—75; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 22—25.

²⁷ См. письмо Петра к Ф. М. Апраксину от 11 октября 1693 г.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 17—18, 491. Судя по этому свидетельству, спустя всего год после смерти патриарха Милака думный дьяк Н. М. Зотов занял его место во главе Всешутейшего собора Преображенного царства.

²⁸ В письме Петра к кн. Ф. Ю. Ромодановскому от 10 июня 1695 г. (см.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 31—32) титул Зотова звучит так: «отец наш великий господин святейший кир Ианикит, архиепискуп Прешпурский и всея Яузы и всего Кокою патриарх» (травестия полного титула подлинного патриарха; ср.: «всесвятейший кир Адриан, Божию милостию архиепископ Московский и всея России и всех северных стран патриарх»). См. письмо Петра к патриарху Адриану от 19 июля 1695 г. (Там же. С. 41). Географическая часть зотовской номинации пополнилась произвольно: ср., например, «Архиепископ Парижский» (Там же. С. 520—521), «Ианикит Прешбургский и Азовский и всех тамошних понизовых стран патриарх» (Там же. С. 532—533).

²⁹ *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 77, 98, 329, 347; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 26; АСПБИИ. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 35—36, 57, 115—116; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 60, 493, 506, 530—533, 652, 683—684, 814—815, 835; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 10.

³⁰ См. письмо И.И. Бутурлина-старшего к Петру (август 1695 г.): Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 523—524.

³¹ *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 180, 186, примеч. 44.

³² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 265, 741.

³³ См. портрет М.Ф. (?) Жирового-Засекина в Новопреображенской серии в изд.: *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера». Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. М., 1965. С. 15—16. Рис. 4.

³⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 265, 631—632, 644, 741. В т. 1 названного издания письмо ошибочно приписано кн. М.Н. Львову. Корректная атрибуция приведена в изд.: Там же. Т. 4, ч. 2. С. 730—731, 751.

³⁵ См. письмо Н.М. Зотова к Петру (до 1706 г.): РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. (1710 г.). Д. 11. Л. 189-190об.; РО РНБ. Ф. 824. Оп. 2. Кн. 200. Л. 20—20об., 26.

³⁶ *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 431; *Иванов П.П.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 464.

³⁷ См. письмо «патриарха Андрея Палестинского» к Петру: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 1. Кн. 53. Л. 504 (ок. 1690-х гг.).

³⁸ *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 319, 336, 432; АСПБИИ. Ф. 83. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 3—5.

³⁹ См. в письме «патриарха Андрея Палестинского» к Петру (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 1. Кн. 53. Л. 504 — ок. 1690-х гг.) упоминание «диакона князя Юрия» в числе «соборян».

⁴⁰ См. главу 3 наст. изд.

⁴¹ *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел Канцелярии. СПб., 1861. С. 68—69.

⁴² *Серов Д.О.* Строители империи. С. 246; Русский биографический словарь. Т. 17. С. 124—126.

⁴³ Русский биографический словарь. Т. 17. С. 121.

⁴⁴ Там же. С. 120—124; *Серов Д.О.* Строители империи. С. 246.

⁴⁵ См. письмо Петра к А.Д. Меншикову от 12 января 1718 г.: АСПБИИ. Ф. 270. Кн. 87. Л. 22. См. также главу 5 наст. изд.

⁴⁶ *Айрапетян И.Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 98, 110, 316.

⁴⁷ См. письмо П.И. Бутурлина к Петру от 5 января 1709 г.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 288.

⁴⁸ Походный журнал 1712 года. С. 5—6; *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 286—287.

⁴⁹ См. главу 5 наст. изд.

⁵⁰ *Hughes L.* «For the Health of the Sons of Ivan Mikhailovich»: I.M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Cologne, 2001. P. 43—51.

⁵¹ Краткую биографию Д.Г. Ржевской можно найти в изд.: *Долгорукий П.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4. С. 31—35; *Карабанов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // Русская старина. 1870. № 2. С. 478—479; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 253.

⁵² См. письмо П.И. Бутурлина к Д.Г. Ржевской от 28 декабря 1717 г.: РГА-ДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 67. Л. 664—665. Также см.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 311.

⁵³ О кн. А.П. Голицыной см.: Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 57, 292; *Есинов Г.В.* Княгиня-игуменя // Русская старина. 1870. № 1. С. 400—403; *Карабанов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии. С. 478—479; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 194, 201, 253, 261, 291, 504 (прим. 254), 516—517 (примеч. 42—46).

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 31об.

⁵⁵ *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. Ч. 1: Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др. // Известия АН СССР. 1926. № 6. С. 655—678 (в особенности 659—663). Дату смерти Медведева см.: Там же. С. 662.

⁵⁶ См. недатированный список «служителей архикнязь-папы» (ок. 1722 г.): *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁵⁷ *Айрапетян И.Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. С. 67, 328, 421; *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. Ч. 1: Любимцы Петра Великого. С. 664.

⁵⁸ См. недатированный список «служителей архикнязь-папы» (ок. 1722 г.): *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁵⁹ См. письмо Петра к А.А. Виниусу от 17—28 сентября 1696 г. в изд.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 110, 606.

⁶⁰ См. письмо «патриарха Андрея Палестинского» к Петру от 23 июля 1697 г.: Там же. С. 628.

⁶¹ См. письмо Петра к А.А. Виниусу от 9 июля 1698 г.: Там же. С. 256, 741.

⁶² См. письмо Петра к Ф.М. Апраксину от 29 августа 1694 г.: Там же. С. 25—26. См. также письмо Петра к Апраксину (около апреля 1695 г.): Там же. С. 28.

⁶³ См. «патент» Уильяму Питеру Лойду: *Платонов С.Ф.* Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго-коллегия или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Известия АН СССР. 1926. № 7—8. Платонов предположил тождество упомянутого здесь «номината Куськи» с «попом Козьмой», о котором говорится в письме П.И. Бутурлина к Петру (см.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 290—291).

⁶⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед.хр. 186. Л. 31об.

⁶⁵ Ниже (№ 29—55) перечислены «служители Архикнязь-папы» по недатированному списку (ок. 1722 г.), опубликованному Семевским: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁶⁶ См. портрет Аверкия Воейкова («Алексея Васикова») в Новопретворенной серии в изд.: *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера». С. 16.

⁶⁷ См.: «Шутошный патент Петра Великого думному дворянину Прокопию Ушакову» (б.д.) // Русский архив. 1865. № 5. С. 673—674.

⁶⁸ Ниже (№ 56—70) перечислены лица, поименованные в письме П.И. Бутурлина к вице-губернатору Воейкову от 23 апреля 1723 г. (см.: *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 312—313).

⁶⁹ Русский биографический словарь. Т. 24. С. 128—129; Шербатовы // Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 210.

⁷⁰ *Платонов С.Ф.* Орден Иуды 1709 года // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии. 1927. Т. 1. С. 196.

⁷¹ *Агеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга I четверти XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 325.

⁷² *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 366; Лобановы-Ростовские // Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 290—291.

⁷³ Оболенские // Там же. С. 171; *Богословский М.М.* Петр I. Т. 1. С. 366.

⁷⁴ *Schuyler E.* Peter the Great. New York, 1884. Vol. 2. P. 507; *Hollingsworth P.* «The All-Drunken, All-Joking Synod»: Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great. Доклад на семинаре «The Image of Peter the Great in Russian History and Thought» (University of California, Berkeley, 1982). P. 4, 59 (примеч. 13).

⁷⁵ См. недатированный список «служителей архиерей-папы» (ок. 1722 г.): *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист. С. 313—314.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Кн. 186. Л. 30об.

⁷⁷ В 1725 г. Екатерина I заказала портрет («персону»), на котором среди прочих повелела изобразить «князь-папу Строева». См.: *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера». С. 9—10, 177.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСПБИИ — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ОР БРАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

СИРИО — Сборник Императорского Русского исторического общества

Источники и литература

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Москва

РГАДА

Ф. 9 — Кабинет Петра

Ф. 156 — Исторические и церемониальные дела

РГВИА

Ф. 846 — «Журнал ... Генерала Патрика Гордона»

Санкт-Петербург

ОР БРАН

Ф. 356 — Собрание гравюр

МС 24.5.38 — Собрание И.И. Срезневского

МС 17.7.12 — Рукописный сборник ... И.-В. Пауса

РО РНБ

Ф. 874 — С.Н. Шубинский

Соловецкое собрание (Сборник житий русских святых)

Эрмитажное собрание

РГИА

Ф. 1329 — Именные высочайшие указы

РГА ВМФ

Ф. 315 — генерал-адмирал Ф.М. Апраксин

АСПБ И

Ф. 279 — Комиссия по изданию «Писем и бумаг Петра I»

Колл. 238 — Коллекция Н.П. Лихачева

Колл. 277 — Документы Петра I

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
2. *Арсеньев К. И.* Страдалец по своей воле за двоеперстное крестное знамение (1737) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1872. Т.9. С.114—132.
3. *Аввакум.* Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост. А.Н. Робинсон. М., 1991.
4. *Бакланова Н. А.* «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. 1951. Т. 6. С.143—155.

5. *Бассевич Г.-Ф. фон*. Записки Голштинского министра графа Бассевича (о Петре Великом), 1713—1725 // Русский архив. 1865. № 1. Стб. 6—54; № 2. Стб. 141—204; № 5. Стб. 567—636.
6. *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. М., 1902—1903.
7. *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.
8. *Бруин К. де*. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Под ред. О.М. Бодянского. М., 1873.
9. *Вебер Х.Ф.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1057—1168; № 7. Стб. 1334—1457; № 9. Стб. 1613—1704.
10. Графы Зотовы // Гербовед. 1914, сентябрь. С. 131—135.
11. Дворцовые разряды. Т. 1—4. СПб., 1850—1855.
12. Дело о поданных царю тетрадах строителем Андреевского монастыря Авраамием. Допросы Авраамия, Посошкова, и др // Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков: жизнь и деятельность. М.; Л., 1950. С.173—181.
13. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при Русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г // СИРИО. 1885. Т. 49.
14. *Желябужский И.А.* Записки /// Россию поднял на дыбы / Под ред. Н.И. Павленко. Т. 1. М., 1987. С. 391—460.
15. Законодательные акты Петра I / Под ред. А. Воскресенского. М.; Л., 1945.
16. Законодательство Петра I / Под ред. А.А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997.
17. Записные книги Московского стола. 1633, сентябрь — 1634, август // Русская историческая библиотека. 1884. Т. 9. С. 550—551.
18. *Иоаким Савелов*. Житие и завешание. СПб., 1879.
19. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статуты / Сост. Е.Е. Замысловского, И.И. Петрова. Т. 1—2. СПб., 1892.
20. Кожуховский поход, 1694. (Современное описание) // Военный сборник. 1860. Т. 11. № 1. С. 49—106.
21. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997.
22. Куншты корабельные. СПб., 1718.
23. *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е. В. Анисимова. М., 1993. С. 53—84.
24. *Матвеев А.А.* Записки // Записки русских людей: События времен Петра Великого / Под ред Н. Сахарова. СПб., 1841. С.1—94.
25. Материалы для истории Гангутской Операции. Т. 1—2. Пг., 1914.
26. Объявление розыскного дела и суда по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича в Санктпитебурхе отправленного и по указу Его величества в печать, для известия всенародного, сего июня в 25 день, 1718, выданное. СПб., 1718.
27. Описание великого и страшного бою, который был в нынешнем 200 году октября 6 и в 7 и в 9 числа у его пресветлейшего генералиссимуса Фридриха Ромодановского // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 486—490. [Ср.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 93].

28. Описание высочайших повелений по придворному ведомству (1701—1740 гг.). СПб., 1888.
29. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1—49. СПб., 1869—1914.
30. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Сенатском архиве, 1704—1725 / Сост. П. И. Баранова. СПб., 1872.
31. Отрывок обличения на всешутейший собор // Материалы для русской истории / Под ред. С.А. Белокурова. М., 1888. С. 539—540.
32. Памятники к истории протестантства в России / Под ред. Д. В. Цветаева. М., 1888.
33. Памятники литературы древней Руси. XVII век. Кн. 1—3. М., 1989.
34. Памятники русского права: Законодательные акты Петра I. М., 1961.
35. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого / Под ред. В.Н. Перетца. СПб., 1903.
36. Первые пьесы русского театра / Под ред. А.Н. Робинсона и др. М., 1972.
37. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Под ред. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. Л., 1979.
38. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1—13. СПб.; Л.; М., 1887—1992.
39. Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Т. 1. (Переписка императора Петра I с государынею Екатериной Алексеевною).
40. *Плейер О.А.* О нынешнем Состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1874. Кн. 2. № 2. С. 1—21.
41. Повесть временных лет. Ч. 1—2 / Под ред. В.П. Адриановой—Перетца. М.; Л., 1950.
42. *Поликарпов Ф. П.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, сллиногреческих и латинских сокровище. Из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное. М., 1704.
43. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1—55. СПб., 1830—1884.
44. *Посошков И.Т.* Завещание отеческое, к сыну своему (1712—1719) / Под ред. Е.М. Прилежаева. СПб., 1893.
45. *Посошков И.Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Под ред. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951.
46. Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне / Под ред. Е.Д. Лермонтовой. М., 1910.
47. Походные и путевые журналы Императора Петра I. Т. 1—4. СПб., 1853—1855.
48. Предисловие к морскому регламенту // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 397—401. [Ср.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 38].
49. Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.) / Под ред. А.Н. Робинсона. М., 1972.
50. Речь, какова... его императорскому величеству... от господина канцлера графа Головкина говорена в 22 день октября 1721 году. СПб, 1721.
51. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1—4. СПб., 1884—1893.

52. Российское законодательство X—XX веков. М., 1985.
53. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в / Под ред. О.А. Державиной и др. М., 1972.
54. Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Сост. В.П. Адриановой-Перетц. Л., 1970.
55. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. Т. 1—2 / Сост. Н.С. Тихонравова. СПб., 1874.
56. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1—2 / Под ред. Г.В. Есипова. М., 1872.
57. *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1953.
58. Сказание о гаере гарликине Российском. Старинные действия и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И.А. Шляпкиным // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1921. Т. 97. № 1. С. 200—212.
59. *Стефан Яворский*. Проповеди. Т. 1—2. М., 1804.
60. *Татищев В.Н.* Избранные произведения / Под ред. С.Н. Валка. Л., 1979.
61. Труды Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909.
62. *Феофан Прокопович*. Книжница, в ней же Повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими, и трудность слова Петра апостола о неудоносом законном иге пространно предлагается. М., 1784.
63. *Феофан Прокопович*. Рассуждение св. Синода о браках правоверных с иноверными. СПб., 1721.
64. *Феофан Прокопович*. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961.
65. *Фокеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. 1874. Кн. 2. С.1—120.
66. Шутошный патент Петра Великого // Русский архив. 1865. № 5. Стб. 673—674.
67. *Шереметев Б.П.* Письма к государю императору Петру Великому. Ч.1—4. М., 1778—1779.
68. Эмблемы и символы / Под ред. А.Е. Махова. М., 1995.
69. *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // Чтения Московского общества истории и древностей Российских. 1899. Кн. 189. № 2.
70. *Collins, S.* The Present State of Russia... London, 1671.
71. [*Jordin, Th.*] Bacchus Festival; or, A New Medley Being a Musical Representation at the Entertainment of His Excellency the Lord General Monck, at Vinters'—Hall, April 12. 1660 // Illustrations of Early English Popular Literature / Ed. by J.P. Collier. London, 1864. Vol.2. № 6.
72. *Perry, J.* The State of Russia under the Present Tsar. London, 1716.
73. *Shafirov, P.P.* A Discourse Concerning the Just Causes of the War between Sweden and Russia: 1700—1721 / Ed. by W.E. Butler, D. Ferry. New York, 1973.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Агеева О.Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга I четверти XVIII в. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Институт истории РАН, 1990.

2. *Айрапетян И. Ю.* Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987.
3. *Вилинбахов Г. В.* Государственная геральдика России конца XVII — первой четверти XVIII века. (К вопросу формирования идеологии абсолютизма в России). Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. ЛГУ, 1982.
4. *Гайнуллина Н. И.* Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах Императора Петра Великого». (К проблеме освоения слов иноязычного происхождения в петровскую эпоху). Дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Казахский Государственный Университет им. С. М. Кирова, 1973.
5. *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682). Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987.
6. *Садыкова Д. М.* Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедии. Дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. наук. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1956.
7. *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в России в 70—80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. ЛГУ, 1985.
8. *Bennett, D. J.* The Idea of Kingship in Seventeenth-Century Russia. Ph.D. diss. Harvard University, 1967.
9. *Chrissidis, N. A.* Creating the New Educated Elite: Learning and Faith in Moscow's Slavo-Greco-Latin Academy, 1685—1694. Ph.D. Diss. Yale University, 2000.
10. *Herd, G.* General Patrick Gordon of Auchleuchries — a Scot in Seventeenth-Century Russian Service. Ph.D. thesis. Aberdeen University, 1994.
11. *Hollingsworth, P.* The «All-Drunkен, All-Joking Synod»: Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great. Доклад, прочитанный в рамках семинара «The Image of Peter the Great in Russian History and Thought» (University of California, Berkeley) 10 июня 1982 г.
12. *Hollingsworth, P.* Carnival and Rulership in the Reign of Peter the Great. Доклад, прочитанный на общенациональном съезде Американской Исторической Ассоциации (The National Convention of the American Historical Association) в декабре 1985 г.
13. *Hopkins, W. H.* The Development of «Pornographic» Literature in Eighteenth- and Early Nineteenth-Century Russia. Ph.D. diss., Indiana University, 1977. P. 39—41.
14. *Levin, E.* False Miracles and Unattested Dead Bodies: Investigations into Popular Cults in Early Modern Russia.
15. *Martin, R. E.* Dynastic Marriage in Muscovy, 1500—1729. Ph.D. diss. Harvard University, 1996.
16. *Merguerian, B. J.* Political Ideas in Russia during the Period of Peter the Great (1682—1730). Ph.D. diss. Harvard University, 1970.
17. *Potter, C. J.* The Russian Church and the Politics of Reform in the Second Half of the Seventeenth Century. Ph.D. Diss. Yale University, 1993.
18. *Smith, A. F.* Prince V. V. Golitsyn: The Life of an Aristocrat in Muscovite Russia. Ph.D. diss. Harvard University, 1987.
19. *Strakhov, O. B.* The Reception of Byzantine and Post-Byzantine Culture and Literature in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620s—1705). Ph.D. diss. Brown University, 1996.

20. *Zelensky, E.K.* Sophia the Wisdom of God as a Rhetorical Device during the Regency of Sofia Alekseevna, 1682—1689. Ph.D.diss. Georgetown University, 1992.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999.
2. *Агеева О.Г.* Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // *Царь и царство в русском общественном сознании* / Под ред. А.А. Горского. М., 1999.
3. *Агеева О.Г.* Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII века: На примере царских свадеб // *Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени* / Под ред. А.Н. Копылова. М., 1992. С. 89—103.
4. *Агеева О.Г.* Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в // *Мир истории. Российский электронный журнал.* 1999. № 5. (<http://www.tellur.ru/~historia/archive/05/ageyeva.htm>).
5. *Алабин П.В.* Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф (1661—1738) // *Русская старина.* 1878. Кн. 23. С. 161—186.
6. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. [Литературное наследство. Т. 91].
7. *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990.
8. *Алексеева М.А.* Жанр конклюдии в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в // *Русское искусство барокко. Материалы и исследования.* М., 1977. С. 7—29.
9. *Амелин Г.* «Се Моисей твой, о Россие!» (О семиотике имени в «Слове на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича) // *В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана.* Тарту, 1992. С. 20—29.
10. *Анисимов Е.* Время петровских реформ. Л., 1989.
11. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
12. *Астров Н.П.* Первоначальное образование Петра Великого (по новооткрытым бумагам) // *Русский архив.* 1875. Т. 2. № 8. Стб. 470—488; Т. 3. № 8. Стб. 90—102; Т. 3. № 10. Стб. 212—221.
13. *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // *Исторические записки.* 1955. Т. 33. С. 158—172.
14. *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985.
15. *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* «Князь» и «княгиня» в русском свадебном величании (к семантике обрядовых терминов) // *Русская филология.* 1975. Т. 4. С. 58—76.
16. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836.
17. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
18. *Белавенец П.И.* Генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Ревель, 1899.

19. *Белоброва О.А.* Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Спафарий Н.Г. Эстетические трактаты. Л., 1978.
20. *Берков П.Н.* Из истории театральной терминологии XVII—XVIII вв. («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1955. Т. 11. С.280—289.
21. *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977.
22. *Бобровский П.О.* Потешные и начало Преображенского полка (По официальным документам). СПб., 1899.
23. *Богданов А.П.* Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (Вопросы происхождения) // Материалы XV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1977. С. 39—48.
24. *Богданов А.П.* Литературные панегирики как источник изучения соотношения сил в правительстве России периода регентства Софьи (1682—1689 гг.) // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1979. С.71—79.
25. *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.
26. *Богданов А.П.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1981 г. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1982. С. 225—246.
27. *Богданов А.П.* Разум против власти // Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 231—383.
28. *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С.84—98.
29. *Богданов А.П.* София—Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна: Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. 1994. Вып. 7. С. 399—428.
30. *Богданов А.П.* Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 59—77.
31. *Богословский М.М.* Детство Петра Великого // Русская старина. 1917. Кн. 1. С.1—29.
32. *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 1—5. М.; Л., 1940—1946.
33. *Богословский П.С.* К номенклатуре и топографии свадебных чинов (По данным этнографической литературы и рукописным материалам Географического Общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. С.1—64.
34. *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914.
35. *Бугров А.* Старо-Преображенский дворец // Московский архив. Историко—краеведческий альманах. 1996. Вып. 1. С. 42—58.
36. *Бусева-Давыдова И.Л.* К интерпретации идейного замысла Коломенского дворца // Архитектура мира. М., 1993. Вып. 2. С. 28—31.
37. *Бусева-Давыдова И.Л.* Царские усадьбы XVII в. в русской архитектуре // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1994. № 1. С. 140—144.
38. *Бутурлин Иван Иванович* // Русский биографический словарь. New York, 1962. Т. 3. С. 549—551.
39. *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика, XI—XVII века. М., 1995.

40. Бычкова М.Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: Воплощение идеи власти государя // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. № 1—2. P. 245—256.
41. Валуев Д.А. Разрядная книга от 7067 [1559] до 7112 [1604] года. Введение // Симбирский сборник. Историческая часть / Под ред. Д.А. Валуева и др. Т. 1. М., 1845.
42. Василевская С.А. Терминология местничества и родства // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 155—179.
43. Васильев В.Н. Старинные фейерверки в России (XVII—первая четверть XVIII века). Л., 1960.
44. Васильчиков А. Род Нарышкиных // Русский архив. 1871. № 9. Стб. 1487—1519.
45. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.
46. Верховской П.В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. 1—2. Ростов-на-Дону, 1916.
47. Вилинбахов Г.В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюции его знака // Культура и искусство петровского времени: публикации и исследования. Л., 1977. С. 144—158.
48. Вилинбахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. 1984. Вып. 18. С. 46—55.
49. Вилинбахов Г.В. Отражение идеи абсолютизма в символике петровских знамен // Культура и искусство России XVIII века. Л., 1981. С. 7—25.
50. Волков М.Я. Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период реформ Петра I / Под ред. Н.И.Павленко. М., 1973. С. 311—336.
51. Воронков Н. Пашковы // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 12. С. 444—445.
52. Востоков А.А. О делах Генерального двора // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 1—42.
53. Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр: от истоков до середины XVIII в. М., 1957.
54. Гаврилова Е.И. О методах атрибуции двух групп произведений петровской эпохи (живопись, рисунок) // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975. Вып. 2. С. 54—55.
55. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (Историко-лингвистический аспект). Алматы, 1995.
56. Гирс И.В., Фаворов Б.П. Потешная флотилия Петра // Судостроение. 1972. № 6. С. 72—74.
57. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 1—12. М., 1788—1789.
58. Голиков И.И. Дополнения к «Деяниям Петра Великого...». Т. 1—18. М., 1790—1797.
59. Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сборник статей к 70—летию Б.Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 243—280.

60. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: по материалам Преображенского приказа. М., 1957.
61. Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века / Под ред. А.А. Горского и др. М., 1987. Ч. 2. С. 44—108.
62. Голицын М.М. Материалы для истории рода князей Прозоровских // Русский архив. 1899. № 7. Стб. 21—39.
63. Голубцов Н. Крест Петра Великого, хранящийся в Архангельском Кафедральном Соборе // Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909.
64. Горчаков М. Монастырский приказ (1649—1725). СПб., 1868.
65. Горфункель А.Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в // Труды отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 188—213.
66. Горфункель А.Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого // Труды отдела древнерусской литературы. 1965. Т. 21. С. 39—64.
67. Гребенюк В.П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). М., 1976. С. 133—145.
68. Гребенюк В.П. Эволюция символов российского абсолютизма (от Симеона Полоцкого до М.В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в / Под ред. А.Н. Робинсона. М., 1989. С. 188—200.
69. Гребенюк В.П., Державина О.А., Елеонская А.С. Античное наследие в русской литературе XVII — начала XVIII века // Славянские литературы / Под ред. М.П. Алексеева и др. М., 1978. С. 194—213.
70. Гудзий Н.К. Украинские интермедии XVII—XVIII вв // Украинские интермедии XVII—XVIII ст. : Памятники давней украинской литературе. Киев, 1960. С.5—30.
71. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.
72. Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993.
73. Долгоруков П.А. Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4.
74. Демин А.С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // Труды Отдела древнерусской литературы. 1972. Т. 27. С. 273—283.
75. Державина О.А. Русский театр 70—90-х годов XVII в. и начала XVIII в // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века / Под ред. О.А. Державиной и др. М., 1972. С. 5—52.
76. Державина О.А. Театр и драматургия // Очерки русской культуры XVII века / Под ред. А.В.Арциховского. М., 1979. С. 126—141.
77. Дмитриев С.И. Генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин. Сподвижник Петра Великого. Пг., 1914.
78. Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788—1789.
79. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
80. Дуров В.А. Русские боевые награды за Полтавское сражение // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5.
81. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995.
82. Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969.

83. *Есипов Г.В.* Княгиня-игуменя // Русская старина. 1870. Кн. 1. С.400—403.
84. *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной Розыскных дел канцелярии. СПб., 1861.
85. *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию ... Р.Г. Скрынникова / Под ред. С.В. Лобачева, А.С. Лаврова. СПб., 1995. С. 136—165.
86. *Желудков Д.* Новые материалы о дворцовом строительстве в Москве петровского времени // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 120—133.
87. *Желудков Д., Трубникова О.* Деревянное чудо в Коломенском // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. 1996. Вып.1. С. 12—28.
88. *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004.
89. *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 528—583.
90. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
91. *Живов В.М.* Церковные преобразования в царствование Петра Великого // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 364—380.
92. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
93. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 4. С. 449—536.
94. *Забелин И.Е.* Детские годы Петра Великого // Опыт изучения российской древности и истории. М., 1872—1873. Т. 1. С. 1—50.
95. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. Т. 1—2. М., 1872—1873.
96. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1990. Т. 2 («Государев двор, или дворец»).
97. *Забелин И.Е.* История и древности Москвы // Опыт изучения российской древности и истории. М., 1872—1873. Т. 2. С. 107—153.
98. *Забелин И.Е.* Преображенское или Преображенск: московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883.
99. *Зазыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч.1—3. М., 1995.
100. *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев / Под ред. Б.В. Левшина. М., 1989.
101. *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев и правительственная среда петровского времени // Россия в период реформ Петра I / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1973. С. 172—198.
102. *Зашук Г.В.* «Орден Иуды» // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 212—215.
103. *Зенковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
104. *Зицер Э.* Орденосцы и отступники: рыцарская идея в политической практике «компаний» Петра Великого // Петр Великий: Сб. статей / Под ред. Е.В. Анисимова. М., 2007.
105. *Иванов П.П.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853.
106. *Ивлева Л.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

107. История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петрова. Т. 1—2. СПб., 1886.
108. *Кагарлицкий Ю.* Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 66—77.
109. «Как сделана история» (Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии») // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42—66.
110. *Калязина Н.Г., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990.
111. *Каменева Т. Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. 1959. Т. 3. С. 228—284.
112. *Каменева Т. Н.* Орнамента и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII вв // Книга. Исследования и материалы. 1974. Вып. 29. С.171—181.
113. *Карabanов П.Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // Русская старина. 1870. Кн. 2.
114. *Кафенгауз Б.Б.* И.Т. Посошков: жизнь и деятельность. М.; Л., 1950.
115. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1—9. М., 1987—1990.
116. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.
117. *Козлов О.Ф.* Дело царевича Алексея // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 214—220.
118. *Козловский И.П.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895.
119. *Колкина И.Н.* Яков Вилимович Брюс // Соратники Петра / Под ред. Н.И. Павленко и др. М., 2001. С. 433—476.
120. *Коллман Н.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001.
121. *Корсаков В.* Зотов, гр. Никита Моисеевич // Русский биографический словарь. New York, 1962. Т. 7. С. 476—481.
122. *Корсаков В.* Соковнины // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. 19. С. 48—50.
123. *Крылова Т. К.* Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947.
124. *Крюгер А.* Самодеятельный театр при Петре I // Старинный спектакль в России / Под ред. В.Н. Всеволодского-Гернгросса. Л., 1928. С. 358—385.
125. *Лауров А.С.* Колдовство и религия в России, 1700—1740 гг. М., 2000.
126. *Лауров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. М., 1999.
127. *Левин В.Д.* Петр I и русский язык (К 300-летию со дня рождения Петра I) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 3. С. 217—227.
128. *Левин П.* Восточнославянские интермедии // Древнерусская литература и ее связи с новым временем / Под ред. О.А. Державиной. М., 1967. С. 194—205.
129. *Лихачев Е.* Шаховские // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22. С. 571, 578—579.
130. *Лихачев Д. С.* Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. 1969. № 2. С. 18—45.
131. *Лихачев Д. С.* Была ли эпоха петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций, XVIII — XIX вв. М., 1978. С. 170—174.

132. *Лихачев Д.С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
133. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей: сад как текст. Л., 1991.
134. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в древней Руси. Л., 1984.
135. *Лихачев Н.П.* Родоприсхождение дворян Головкиных // Известия Русского Генеалогического общества. 1903. № 2. С. 103—139.
136. *Лихницкий И.М.* Освященный Собор в Москве в XVI—XVII веках. СПб., 1906.
137. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1—2. СПб., 1895.
138. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. М., 1991.
139. *Лотман Ю.М.* Несколько слов о статье В.М. Живова «"Кошунственная" поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века» // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 4. С. 755—762.
140. *Лотман Ю., Успенский Б.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3.
141. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982.
142. *Любимов С.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.
143. *Майкова Т.* Петр I и православная церковь // Наука и религия. 1972. № 7. С. 38—46.
144. *Мамышев В.Н.* Генерал-фельдмаршал и Генерал-Адмирал граф Федор Алексеевич Головин. СПб., 1904.
145. *Матвеев В.Ю.* К истории возникновения и развития сюжета «Петр I, высекající статуя России» // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследование. Л., 1981. С. 26—43.
146. Медали и монеты Петровского времени / Под ред. И.Г. Спасского, Е.С. Шукиной Л., 1974.
147. *Медушевский А.Н.* Реформы Петра I и судьбы России. М., 1994.
148. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
149. *Миллер Г.-Ф.* Известие о начале Преображенского и Семеновского полков // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Велико-го. Ч. 1—2. СПб., 1787. С. 299—328.
150. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
151. *Михайлов Г.А.* Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»: Реальность и вымысел // Панорама искусств. 1988. № 11. С. 20—55.
152. *Модзалевский Б.* Ромодановский, кн. Михаил Григорьевич // Русский биографический словарь. New York, 1962. Т. 17. С. 124—126.
153. *Молева Н.М.* Персоны всешутейшего собора // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 206—211.
154. *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера»: Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965.
155. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986.
156. *Морозов А.А.* Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века // Русская литература. 1962. № 3. С. 3—38.

157. *Морозов А.А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 184—226.
158. *Некрасов А.И.* Древние подмосковные. Александрова слобода, Коломенское, Измайлово. М., 1923.
159. *Николаев С.И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.
160. *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 584—594.
161. *Николаева М.В.* «Тестамент» Петра I царевичу Алексею // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 93—111.
162. *Ничик В.М.* Феофан Прокопович. М., 1977.
163. *Огородников С.* Второе посещение Петром Великим Архангельска в 1694 г // Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. С. 24—30.
164. *Одесский М.П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: эпоха Петра I. М., 1999.
165. *Павленко Н.И.* Идея абсолютизма в законодательстве XVIII века // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сборник статей к 70-летию Б.Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 389—427.
166. *Павленко Н.И.* Петр I (К изучению социально—политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I / Под ред. Н.И.Павленко. М., 1973. С. 40—102.
167. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990.
168. *Павленко Н.И.* Полудержавный властелин. Историческая хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М., 1991.
169. *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
170. *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
171. *Павлова-Сильванская М.П.* Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947—1970 гг.) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 362—382.
172. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. Т. 1—2 / Подг. текста А.П. Богданова. М., 1983.
173. *Панченко А.М.* Литература второй половины XVII в // История русской литературы X—XVIII веков / Под ред. Д.С. Лихачева, Г.П. Макогоненко. Л., 1980. Т. 1. С. 372—446.
174. *Панченко А.М.* Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 503—518.
175. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 9—261.
176. *Панченко А.М.* Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в древней Руси. Л., 1984. С. 72—153.
177. *Панченко А.М.* Церковная реформа и культура Петровской эпохи // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 486—502.
178. *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха. Статья первая // Труды Отдела древнерусской литературы. 1983. Т. 37. С. 54—78.

179. Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1—2. СПб., 1862.
180. Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1—3. СПб., 1900—1902.
181. Петр Великий и Москва: каталог выставки. М., 1998.
182. Петров А. Ромодановский, кн. Иван Федорович // Русский биографический словарь. New York, 1962. Т. 17. С. 120—124.
183. Платонов С. Ф. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720) // Доклады АН СССР. Серия истории и философии. 1929. № 12. С. 236—243.
184. Платонов С. Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго—коллегия или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Известия АН СССР. 1926. № 7—8. С. 527—546.
185. Платонов С. Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи: Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др // Известия АН СССР. 1926. № 9. С. 655—678.
186. Платонов С. Ф. Орден Иуды 1709 года // Летопись занятий постоянной историко—археологической комиссии. 1927. Т. 1. С. 193—198.
187. Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры / Под ред. А. Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 380—459.
188. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
189. Погосян Е. А. Петр I: Архитектор российской истории. СПб., 2001.
190. Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого, 1672—1689. М., 1875.
191. Погодин М. П. Царевич Алексей Петрович, по свидетельствам вновь открытым // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1861. Кн. 3. № 2. С. 1—22.
192. Подмошковые: памятные места в истории русской культуры XIV—XIX веков / Под ред. С. В. Веселовского и др. М., 1962.
193. Подьяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археологический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 56—70.
194. Подольский Р. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследие. 1951. № 1. С. 14—55.
195. Полосин И. И. «Игра в царя» (Отголоски смуты в московском быту XVII века) // Известия Тверского педагогического института. 1926. № 1. С. 59—63.
196. Поньрко Н. В. Русские святки XVII в // Труды Отдела древнерусской литературы. 1977. Т. 32. С. 84—99.
197. Поньрко Н. В. Святочный и масленичный смех // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в древней Руси. Л., 1984. С. 154—174.
198. Поссельт М. Адмирал Русскаго флота Франц Яковлевич Лефорт, или начало Русскаго флота. СПб., 1863.
199. Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896.
200. Протп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
201. Пушкиарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982.
202. Пушкиарева Н. Л. Женщина в русской семье X—начала XIX в.: динамика социо—культурных изменения. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. д. ист. наук. М., 1997.

203. *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
204. *Робинсон А.Н.* Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху петровских реформ // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978. С. 176—182.
205. Русский биографический словарь. Т. 1—25. СПб., 1896—1918. Репринтное изд.: New York, 1962.
206. *Савелов Л.М.* Род дворян Савеловых (Савелковы). М., 1895.
207. *Савлущинский П.* Русская духовная литература первой половины XVIII века и ее отношение к современности (1700—1762) // Труды Киевской Духовной Академии. 1878. № 4. С. 128—190; № 5. С. 280—326.
208. *Сазонова Л.И.* Общеευропейские черты восточнославянского барокко. Из наблюдений над поэтикой: *асumen, poesia artificiosa, emblema, picta poesis* // Славяноведение. 2002. № 2. С. 98—110.
209. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991.
210. *Самарин Н.Ф.* Бутурлины и Юшковы. Заметки из бумаг семейного архива Н.Ф. Самарина // Русская старина. 1872. Кн. 6. С. 559—563.
211. *Свиридов М.Г.* Сокращенное описание служб благородных Российских дворян... М., 1810. Т. 1.
212. *Седов П.В.* Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Рус: Сборник научных статей к 65-летию... Р.Г. Скрынникова / Под ред. С.В. Лобачева, А.С. Лаврова. СПб., 1995. С. 77—93.
213. *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист (Новые материалы для характеристики Петра) // Светоч. 1861. Кн. 9. № 2. С. 1—50 (втор. паг.).
214. *Семевский М.И.* Петр Великий как юморист (1690—1725) // Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700—1725. СПб., 1884. С. 278—334.
215. *Семевский М.И.* Шутки и потехи Петра Великого. Петр Великий — как юморист // Русская старина. 1872. Кн. 6. С. 855—892.
216. *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, 1692—1724. СПб., 1884.
217. *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России, первая половина XVIII века. Л., 1982.
218. *Серман И.З.* Литературно—эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 37—54.
219. *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
220. *Серчевский Е.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853.
221. *Синицын П.В.* Преображенское и окружающее его места: их прошлое и настоящее. М., 1895.
222. *Скрицкий Н.В.* Первый кавалер Ордена Св. Андрея Адмирал Ф.А. Головин (1650—1706). Биографический очерк. М., 1995.
223. *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.
224. Славяне и их соседи. Имперская идея в странах центральной, восточной и юго—восточной Европы. Тезисы XIV конференции / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 1995.
225. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999.

226. *Сменцовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни кон. XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
227. *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. М., 1994.
228. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Т. 1—15. М., 1988—1995.
229. *Спиридов М.Г.* Сокращенное описание служб благородных Российских дворян... Собранные из статейных, разрядных, степенных, летописных, служебных и некоторых других родословных книг. Ч. 1—2. М., 1810.
230. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1901—1903.
231. *Старикова Л.М.* Русский театр петровского времени. Комедиальная хранилища и домашние комедии царевны Натальи Алексеевны // Памятники культуры. Новые открытия. 1990. М., 1992. С. 137—156.
232. *Старостина Т.В.* Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорных писем // Труды Карело-Финского Государственного Университета. Т. 2. Вып. 1. Петрозаводск, 1948.
233. *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра I и его идеология. М.; Л., 1943.
234. *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб., 1994.
235. *Терновский Ф.А.* Император Петр I в его отношении к католицизму и протестантизму // Труды Киевской Духовной Академии. 1869. № 1. С. 373—403.
236. *Терновский Ф.А.* Русское проповедничество при Петре Великом // Руководство для сельских пастырей. 1870. Т. 3 № 36. С. 13—28; № 37. С. 43—60; № 39. С. 119—129; № 44. 290—304; № 48. С. 487—494.
237. *Тихомиров Н. Я.* Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955.
238. *Тихонов Ю.А.* Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сборник статей ... памяти А.А. Новосельского / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1975.
239. [Токарев Н.] Ближняя канцелярия при Петре Великом и ее дела // Описание документов и бумаг хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1888. Т. 5. Ч. 2. С. 43—75.
240. *Топоров В.Н.* Э.Глюк и «немецкая» русская поэзия первой трети XVIII века // М.В. Ломоносов и русская культура / Под ред. М.Б. Плехановой. Тарту, 1986. С. 11—16.
241. *Труворов А.Н.* Волхвы и ворожеи на Руси, в конце XVII века // Исторический вестник. 1889. № 6. С. 710—715.
242. *Уртман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. Т. 1.
243. *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 460—476.
244. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
245. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
246. *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982.

247. *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // Из истории русской культуры / Под ред. А.Д. Кошелева. М., 1996. Т. 3. С. 519—527.
248. *Успенский Б.А., Живов В.М.* «Царь и Бог»: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 205—337.
249. *Уссас Б.* Желябужский, Иван Афанасьевич // Русский биографический словарь. New York, 1962. Т.5. С. 25—26.
250. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1—6. СПб., 1858—1859.
251. *Устрялов Н.Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 1.
252. *Фейгина С.А.* Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Петр Великий. Сборник статей / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 390—423.
253. *Флашар М.* Sobria ebrietas // Сборник. Универзитет у Београду. Филозофски факултет. 1959. Т. 4. № 2. С. 287—335.
254. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
255. *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701—1791 гг.). Исторический очерк по архивным документам. СПб., 1867.
256. *Хромов О.Р.* Подмосковные вотчины Алексея Михайловича. Предварительные тезисы к восприятию стиля царских усадеб // Герменевтика древнерусской литературы. 1989. Вып.2. С. 285—301.
257. *Хромов О.Р.* Царский дом в цикле Симеона Полоцкого на новоселье // Герменевтика древнерусской литературы. 1989. Вып.2. С. 217—243.
258. *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI—XVII века /* Под ред. В.В. Бычкова. М., 1996.
259. *Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001.
260. *Черная Л.А.* Пародии на церковные тексты в русской литературе XVII века // Вестник Московского Университета. Сер.2. История. 1980. № 2. С. 53—63.
261. *Чечот И.Д.* Корабль и флот в портретах Петра I. Риторическая культура и особенности эстетики русского корабля первой четверти XVIII века // Отечествонное и зарубежное искусство XVIII века. Л., 1986. С. 54—82.
262. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
263. *Чистович И.А.* Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861.
264. *Чубинская В.Г.* Новое об эволюции русского портрета на рубеже XVII—XVIII вв // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 317—328.
265. *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Ч. 9—10 // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 330. Июль—август. С.209—234.
266. *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Ч. 13 // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч.340. Март—апрель. С. 421—439.
267. *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Ч. 15 // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 341. Май—июнь. С. 241—256.

268. *Шукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962.
269. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1—2. М., СПб., 2001.
270. *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002.
271. *Adamson, J.* The Making of the *Ancien-Régime* Court, 1500—1700 // *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien-Régime, 1500—1700* / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 7—41.
272. *Aercke, K.P.* Gods of Play: Baroque Festive Performances s Rhetorical Discourse. Albany, 1994.
273. *Alexander, J.T.* Catherine I, Her Court and Courtiers // *Peter the Great and the West: New Perspectives* / Ed. by L. Hughes. Houndmills, 2001. P. 227—249.
274. *Anderson, M.S.* Peter the Great. London, 1995.
275. *Asch, R.G.* Court and Household from the Fifteenth to the Seventeenth Century // *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, c. 1450—1650* / Ed. by R.G. Asch, A.M. Birke. Oxford, 1991. P. 1—38.
276. *Baehr, S.L.* The Paradise Myth in Eighteenth—Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991.
277. *Berelowitch, A.* Chasse et rituel en Russie au XVIIe siècle: le «Règlement de la fauconnerie» d'Alexis Mixajlovich // *Russes, Slaves et Soviétiques. Pages d'histoire offerte à Roger Portal* / Ed. by C. Gervais-Francelle. Paris, 1992. P. 85—121.
278. *Berger, P.* The Heretical Imperative. Garden City, New Jersey, 1979.
279. *Blanc, S.* The Economic Policy of Peter the Great // *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin* / Ed. by W.L. Blackwell. New York, 1974. P. 21—49.
280. *Blitzer, C.* Age of Kings. New York, 1967.
281. *Boulton, D.* The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325—1520. New York, 1987.
282. *Boureau, A.* Le simple corps du roi: L'impossible sacralité des souverains français: XVe—XVIIIe siècle. Paris, 1998.
283. *Boym, S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, 1994.
284. *Burke, P.* Popular Culture in Early Modern Europe. New York, 1978.
285. *Bushkovich, P.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690s // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1995. Bd. 50. S.80—120.
286. *Bushkovitch, P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001.
287. *Bushkovitch, P.* Power and the Historian: The Case of Tsarevich Aleksei (1716—1718) and N.G. Ustrialov (1845—1859) // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1997. Vol. 141. June. P. 177—212.
288. *Bushkovitch, P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, 1992.
289. *Buzzi, G.* The Life and Times of Peter the Great. London, 1968.
290. *Cannadine, D.* Introduction: Divine Rites of Kings // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* / Ed. by D. Cannadine, S. Price. Cambridge, 1987. P. 1—19.
291. *Cherniavsky, M.* Old Believers and the New Religion // *The Structure of the Russian History: Interpretive Essays* / Ed. by M. Cherniavsky. New York, 1970. P. 140—188.
292. *Cherniavsky, M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961.

293. *Cracraft, J.* The Church Reform of Peter the Great. London, 1971.
294. *Cracraft, J.* Empire versus Nation: Political Theory under Peter the I // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. December. P.524—540.
295. *Cracraft, J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of His Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. Vol. 8. P. 1—36.
296. *Cracraft, J.* Feofan Prokopovich and the Kiev Academy // Russian Orthodoxy under the Old Regime / Ed. by G. Stavrou, R.L. Nichols. Minneapolis, 1978. P. 44—64.
297. *Cracraft, J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, 1988.
298. *Cracraft, J.* The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago, 1997.
299. *Cracraft, J.* Prokopovyc's Kiev Period Reconsidered // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol.2. June. P.138—157.
300. *Cross, A.G.* The Bung College or British Monastery in Petrine Russia // Newsletter of Study Group on Eighteenth—Century Russia. 1984. Vol. 12. P. 14—24.
301. *Cross, A.G.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997.
302. *Crummey, R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1983.
303. *Crummey, R.O.* Court Spectacles in Seventeenth—Century Russia: Illusion and Reality // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985. P. 130—158.
304. *Crummey R.O.* Peter and the Boiar Aristocracy // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. № 2. Summer. P. 274—87.
305. *Curtius, E.R.* European Literature in the Latin Middle Ages. New York, 1953.
306. *Davis, N.Z.* Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975.
307. *Dolbilov, M.* The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of Autocrat // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. № 4. Fall. P. 773—795.
308. *Douglas, M.* Jokes // Rethinking Popular Culture: Contemporary Perspectives in Cultural Studies / Ed. by Ch. Mukerji, M. Schudson. Berkeley, 1991. P. 291—310.
309. *Duindam, J.* Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.
310. *Dukmeyer, F.* Korbs Diarium Itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Vol. 1—2. Historische Studien 70, 80. Berlin, 1909—1910.
311. *Dunning, Ch.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park, 2001.
312. *Dunning, Ch.* Who Was Tsar Dmitrii? // Slavic Review, Vol. 60. № 4. 2001. Winter. P. 705—729.
313. *Dvorkin, A.L.* Ivan the Terrible as a Religious Type: A Study of the Background, Genesis and Development of the Theocratic Idea of the First Russian Tsar, and His Attempts to Establish "Free Autocracy" in Russia. Erlangen, 1992. [Oikonomia. Quellen und Studien zur orthodoxen Theologie. Bd. 31].
314. *Dvornik, F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, 1958.
315. *Ebbinghaus, A.* Образ Бахуса в контексте русской культуры XVIII и начала XIX веков // Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln, 2001. P. 186—99.
316. *Eekman, Th.* Seven Years with Peter the Great: The Dutchman Jacob de Bie's Observations // Peter the Great and the West: New Perspectives / Ed. by L. Hughes. Houndmills; New York, 2001. P. 218—219.

317. *Emmerling-Skala, A.* Bacchus in der Renaissance. Vol. 1—2. Hildesheim, 1994.
318. *Etienvre, J.-P.* Du jeu comme métaphore politique: Sur quelques textes de propagande royale diffusés en Espagne à l'avènement des Bourbons // Poétique. 1983. Vol. 56. P. 397—415.
319. *Evans, R.J.W.* The Court: A Protean Institution and an Elusive Subject // Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, c. 1450—1650 / Ed. by R.G. Asch, A.M. Birke. Oxford, 1991. P. 481—491.
320. *Farrow, L.A.* Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 3. P. 430—447.
321. *Fedotov, G.* The Russian Religious Mind. Vol.1—2. Belmont, 1975.
322. *Foucault, M.* Truth and Power // Foucault, M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972—1977 / Ed. by C. Gordon. New York, 1980. P. 109—133.
323. *Franko, M.* Dance as Text: Ideologies of the Baroque Body. Cambridge, 1993.
324. *Geertz, C.* Centers, Kings, and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages / Ed. by S.Wilentz. Philadelphia, 1983. P.13—38.
325. *Geertz, C.* Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. Princeton, 1980.
326. *Gilman, S.L.* The Parodic Sermon in European Perspective: Aspects of Liturgical Parody from the Middle Ages to the Twentieth Century. Wiesbaden, 1974.
327. *Girard R.* Violence and the Sacred. Baltimore, 1977.
328. *Gonneau, P.* La Maison de la Sainte-Trinité: Un grand monastère russe du Moyen Âge tardif (1345—1533). Paris, 1993.
329. *Härtel, H.-J.* Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovic. Würzburg, 1970. [Das östliche Christentum. Bd. 23].
330. *Hellie, R.* The Petrine Army: Continuity, Change and Impact // Canadian American Slavic Studies. 1974. Vol. 7. № 2. P. 237—253.
331. *Hughes, L.* «Between Two Worlds»: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the «Emancipation» of Petrine Women // Window on Russia / Ed. by M. di Salvo, L. Hughes. Rome, 1996. P. 29—36.
332. *Hughes, L.* Biographies of Peter // Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives / Ed. by A.G. Cross. Cambridge, 1998. Vol. 1. P. 13—24.
333. *Hughes, L.* 'For the Health of the Sons of Ivan Mikhailovich': I.M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln, 2001. P. 43—51.
334. *Hughes, L.* A Note on the Children of Peter the Great // Newsletter of Study Group on Eighteenth-Century Russia. 1993. Vol.21. P. 10—16.
335. *Hughes, L.* The Petrine Year: Anniversaries and Festivals in the Reign of Peter I (1682—1725) // Festive Culture in Germany and Europe from the Sixteenth to the Twentieth Century / Ed. by K. Friedrich. Lewiston, New York, 2000. P.149—168.
336. *Hughes, L.* Playing Games: The Alternative History of Peter the Great. SSEES Occasional Papers. № 41. London, 2000.
337. *Hughes, L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998.
338. *Hughes, L.* Shaklovityi, Fedor // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / Ed. by J.L.Wieczynski. Gulf Breeze, Florida, 1983. Vol.34. P. 146—148.
339. *Hughes, L.* Sophia, Regent of Russia, 1657—1704. New Haven, 1990.

340. *Jacobson, R.O.* While Reading Fasmer's Dictionary // *Jacobson, R.O. Selected Writings*. The Hague, 1971.
341. *Kaganov, G.* As in the Ship of Peter // *Slavic Review*. 1991. № 50. P. 354—367.
342. *Kantorowicz, E.H.* Frederick the Second, 1194—1250. London, 1931.
343. *Kantorowicz, E.H.* The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.
344. *Kantorowicz, E.H.* Mysteries of State: An Absolutist Concept and Its Late Mediaeval Origins // *The Harvard Theological Review*. 1955. Vol. 48. January. P. 65—91.
345. *Karlinsky, S.* Russian Drama: From its Beginnings to the Age of Pushkin. Berkeley, 1985.
346. *Kaufmann, Th.* DaCosta. Court, Cloister, and City: The Art and Culture of Central Europe, 1450—1800. Chicago, 1995.
347. *Keenan E.L.* The Kurbsky—Grozny Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, 1971.
348. *Keenan, E.L.* Muscovite Political Folkways // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. P.115—181.
349. *Keenan, E.L.* Royal Russian Behaviour, Style and Self-Image // *Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance* / Ed. by E. Allworth. New York, 1980. P. 3—16.
350. *Keep, L.H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874. Oxford, 1988.
351. *Kentrschznskyj, B.* Propagandakriget i Ukraina, 1708—1709 // *Karolinska Förbundets Ersbok*. Stockholm, 1958.
352. *Kivelson, V.A.* Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early—Eighteenth-Century Political Culture // *Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Ed. J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington, 1998. P. 5—31.
353. *Klingensmith, S.J.* The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life, and Architecture at the Court of Bavaria, 1600—1800. Chicago, 1993.
354. *Kollmann, N.C.* By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, 1999.
355. *Kollmann, N.C.* Pilgrimage, Procession, and Symbolic Space in Sixteenth—Century Russian Politics // *Medieval Russian Culture* / Ed. by M.S. Flier, D. Rowland. Berkeley, 1994. Vol. 2. P. 163—181.
356. *Kollmann, N.S.* The Seclusion of Elite Muscovite Women // *Russian History*. Vol. 10. № 2. 1983. P.170—187.
357. *Krieger, L.* Kings and Philosophers, 1689—1789. New York, 1970.
358. *Krivocheine, B.* Le thème de l'ivresse spirituelle dans la mystique de Saint Syméon le Nouveau Théologien // *Studia Patristica*. 1962. Vol. 5. P. 368—376.
359. *Laqueur, Th.* Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge, 2000.
360. *LeDonne, J.P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order 1700—1825. New York, 1991.
361. *LeDonne J.P.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689—1825 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. № 3—4. July—December. P. 233—322.
362. *Levin, E.* From Corpse to Cult in Early Modern Russia // *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars* / Ed. by V.A. Kivelson, R.H. Greene. University Park, 2003.

363. *Levin, E.* Sex and Society of the Orthodox Slavs. Ithaca, 1989.
364. *Lewin, P.* Jan Kochanowski: the Model Poet in Eastern Slavic Lectures on Poetics of the 17th and 18th Centuries // The Polish Renaissance in its European context / Ed. by S. Fiszman. Bloomington, 1988. P. 429—443.
365. *Lewitter, L.R.* Peter the Great, Poland, and the Westernization of Russia // Journal of the History of Ideas. 1958. Vol. 19. № 4. October. P. 493—506.
366. *Lewitter, L.R.* Peter the Great's Attitude toward Religion: From Traditional Piety to Rational Theology // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed. by R. Bartlett, A.G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, Ohio, 1988. P. 62—77.
367. *Lewitter, L. R.* Poland, the Ukraine and Russia in the 17th Century // The Slavonic and East European Review. 1948. Vol. 27. № 68. P. 157—171; 1949. № 69. P. 414—429.
368. *Lewitter, L.R.* The Russo—Polish Treaty of 1686 and Its Antecedents // Polish Review. 1964. Vol. 9. № 3—4. P. 5—29, 21—37.
369. *Lewy, H.* Sobria Ebrietas. Untersuchungen zur Geschichte der antiken Mystik. Giessen, 1929.
370. *Madariaga, I. de.* The Staging of Power // Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics. 1996. Vol. 31. № 2. P. 228—240.
371. *Madariaga, I. de.* Tsar into Emperor: The Title of Peter the Great // Madariaga, I. de. Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia. London, 1998.
372. Major Problems in the History of Imperial Russia / Ed. by J.Cracraft. Lexington, Mass., 1994.
373. *Marin, L.* Portrait of the King. Minneapolis, 1988.
374. *Marrese, M. L.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861. Ithaca, 2002.
375. *Mazzeo, J.A.* Cromwell as a Davidic King // Mazzeo, J.A. Renaissance and Seventeenth-Century Studies. New York, 1964. P. 189—191.
376. *McGuckin, J.A.* The Transfiguration of Christ in Scripture and Tradition. Lewiston, New York, 1986. [Studies in the Bible and Early Christianity. Vol.9].
377. *Meehan-Waters, B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. Brunswick, New Jersey, 1982.
378. *Meehan-Waters, B.* Aristocracy and the Reforms of Peter the Great // Canadian-American Slavic Studies. 1974. № 8. Summer. P. 288—302.
379. *Michels, G.B.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999.
380. *Miller, D.B.* The Coronation of Ivan IV // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. Bd. 15. № 4. S. 559—574.
381. *Monod, P.K.* The Power of Kings: Monarchy and Religion in Europe, 1589—1715. New Haven, 1999.
382. *Morson, G.S.* Parody, History and Metaparody // Rethinking Bakhtin: Extensions and Challenges. Ed. G.S. Morson, C. Emerson. Evanston, Illinois, 1989. P. 63—86.
383. *Oestreich, G.* Neostoicism and the Early Modern State. Cambridge, 1982.
384. *Oliva, J.L.* Russia in the Era of Peter the Great. Englewoods Cliffs, New Jersey, 1969.
385. *Orso, S.N.* Velásquez, «Los Barrachos», and Painting in the Court of Philip IV. Cambridge, 1993.
386. *Perrie, M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge, 1995.

387. *Peterson, C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979.
388. *Phillips, E. J.* The Founding of Russia's Navy: Peter the Great and the Azov Fleet, 1688—1714. Westport, Connecticut, 1995.
389. *Pope, R.W. F.* Fools and Folly in Old Russia // *Slavic Review*. Vol. 39. № 3. P. 476—481.
390. *Raeff, M.* Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Pedagogical Leadership, and the Enlightenment in 18th—Century Russia // *Alteuropa—Ancien Régime—Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung* / Ed. by H.E. Bödeker, e. Hinrichs. Stuttgart, 1991. P. 99—115.
391. *Raeff, M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983.
392. *Raeff, M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth— and Eighteenth—Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80. № 5. P. 1221—1243.
393. *Rasmussen, K.* Catherine II and the Image of Peter I // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. № 1. March. P. 57—69.
394. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol.1—3. New York, 1996—1998.
395. *Riasanovsky, N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York, 1985.
396. *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages* / Ed. by S. Wilentz. Philadelphia, 1983.
397. *Rowland D.* Moscow — The Third Rome or the New Israel? // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 591—614.
398. *Rowland, D.* The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles // *Russian History*. 1979. № 6. P. 259—283.
399. *Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives*. Vol. 1—2 / Ed. by A.G.Cross. Cambridge, 1998.
400. *Ryan, W.F.* The Bathhouse at Midnight: An Historical Survey of Magic and Divination in Russia. University Park, 1999.
401. *Schafly, D.L.* The Popular Image of the West in Russia at the Time of Peter the Great // *Russia and the World of the Eighteenth Century* / Ed. by R.P.Bartlett, A.G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, Ohio, 1988. P. 2—21.
402. *Schaub M.-K.* Les couronnements des tsars en Russie du XVI—e au XVIII—e siècle. Essai d'historiographie // *La royauté sacrée dans le monde chrétien* / Ed. par A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 137—148.
403. *Schuyler, E.* Peter the Great: Emperor of Russia: A Study of Historical Biography. Vol. 1—2. New York, 1884.
404. *Seemann, K.-D.* Allegorical-Exegetical Devices in Kievan Literature // *Canadian-American Slavic Studies*. 1991. Vol. 25. № 1—4. P. 27—41.
405. *Serech, J.* [Шевелов Ю.] On Theofan Prokopovich as Writer and Preacher in His Kiev Period // *Harvard Slavic Studies*. 1954. Vol. 2. P. 211—233.
406. *Sharot, S.* The Sacredness of Sin: Antinomianism and Models of Man // *Religion*. 1983. № 13. P. 37—54.
407. *Shils, E.E.* The Constitution of Society. Chicago, 1982.
408. *Smith, J.Z.* To Take Place: Toward Theory in Ritual. Chicago, 1987.
409. *Solignac, A.* Ivresse spirituelle // *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: Doctrine et histoire*. T. 7(2). Col. 2312—2337. Paris, 1971.

410. *Spielman, J.P.* Leopold I of Austria. New Brunswick, New Jersey, 1977.
411. *Stallybrass, P. & White, A.* The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca, 1986.
412. *Starkey, D.* Court History in Perspective // The English Court: From the Wars of Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 1–24.
413. *Starkey, D.* Representation through Intimacy: a Study in the Symbolism of Monarchy and Court Office in Early Modern England // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism / Ed. by I. Lewis. London, 1977. P. 187–224.
414. *Stevens, C.B.* Evaluating Peter's Military Forces // Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives / Ed. by A.G. Cross. Cambridge, 1998. Vol. 2. P. 89–103.
415. *Stökl, G.* Der zweite Salomon. Einige Bemerkungen zur Herrschervorstellungen im alten Russland // Canadian—American Slavic Studies. 1979. V. 13. № 1. P. 23–31.
416. *Strong, R.* Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650. Woodbridge, Suffolk, 1984.
417. *Subtelny, O.* Mazepa, Peter I, and the Question of Treason // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol. 2. № 2. P. 158–183.
418. *Sumner, B.H.* Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1958.
419. *Szefiel, M.* The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1–2. P. 59–81.
420. *Thompson, E.P.* Rough Music // Thompson, E.P. Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture. New York, 1993. P. 467–538.
421. *Thyrét, I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, Illinois, 2001.
422. *Tolstoy, N.* The Tolstoys: Twenty Generations of Russian History, 1353–1983. New York, 1985.
423. *Trevor-Roper, H.* The Culture of Baroque Courts // Europäische Hofkultur in 16. und 17. Jahrhunderten / Ed. by A. Buck et. al. Hamburg, 1981. P. 11–23.
424. *Turner, V.* Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca, 1974.
425. *Uspenskij, B.A. & Fivov, V.M.* Zur Spezifik des Barock in Rußland: Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts // Slavische Barockliteratur II: Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977) / Ed. by R. Lachmann. München, 1983. S. 25–56.
426. *Vasselin, M.* Des fastes de Bacchus aux beuveries flamandes: l'iconographie du vin de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIe siècle // Nouvelle revue du seizième siècle. 1999. T. 17. № 2. P. 219–251.
427. *Ware, T.* The Orthodox Church. Baltimore, 1963.
428. *Warner, R.H.* The Kozukhovo Campaign of 1694; or, The Conquest of Moscow by Preobrazhenskoe // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1965. № 13. S. 487–496.
429. *Weber, M.* From Max Weber: Essays in Sociology. Ed. by H.H. Gerth, C. Wright Mills. New York, 1958.
430. *Weber, M.* Max Weber on Charisma and Institution Building: Selected Papers. Ed. by S.N. Eisenstadt. Chicago, 1968.
431. *Weinberg, F.* The Wine and the Will: Rabelais' Bacchic Christianity. Detroit, 1972.
432. *Whittaker, C.H.* The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 1. Spring. P. 77–98.

433. *Wittram, R.* Peter I, Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Vol.1—2. Göttingen, 1964.
434. *Wittram, R.* Peters des Grossen Verhältnis zur Religion und den Kirchen: Glaube, Vernunft, Leidenschaft // *Historische Zeitschrift*. 1952. Vol. 173. S. 261—296.
435. *Wyjck, Z.* From the Peace of Oliwa to the Truce of Bakhcisarai. International Relations in Eastern Europe, 1660—1681 // *Acta Poloniae Historica*. 1976. № 34. P. 255—280.
436. *Wortman, R.S.* Redefinition of the Sacred: Eighteenth-Century Russia Coronations // *La royauté sacrée dans le monde chrétien* / Ed. par A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 149—156.
437. *Wortman, R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2006.
438. *Wortman, R.S.* Reply to Mikhail Dolbilov // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol.2. Fall. P. 797—801.
439. *Wortman, R.S. & Kasinec E.* The Mythology of Empire: Imperial Russian Coronation Album // *Biblion: Bulletin of the New York Public Library*. 1992. Vol. 1. Fall. P. 77—100.
440. *Yates, F.* *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century*. London, 1985.
441. *Zguta, R.* Peter I's Drunken Synod of Fools and Jesters // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. Bd. 21. № 1. P. 18—28.
442. *Zitser, E.A.* Politics in the State of Sober Drunkenness: Parody and Piety at the Court of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Vol. 51. № 1. January. S. 1—15.
443. *Zwicker, S.N.* The King and Christ: Figural Imagery in Dryden's Restoration Panegyrics // *Philological Quarterly*. 1971. Vol. 50. P. 582—598.

Справка об иллюстрациях

1. Государственный Русский музей. Воспроизводится по: *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера»: Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965.
2. Воспроизводится по: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Ред. Г.В. Есипов. М., 1872.
3. Оружейная палата Московского Кремля. Фото из: *Buzzi, Giancarlo.* The Life and Times of Peter the Great / Trans. B. Johnson. London: Hamlyn Publishing Group LTD, 1968.
4. Куншты корабельные. СПб., 1718.
5. Воспроизводится по: Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.
6. ОР БРАН, Санкт-Петербург.
7. ОР БРАН, Санкт-Петербург.
8. Государственный Русский музей. Воспроизводится по: *Молева Н.М., Белютин Э.М.* «Живописных дел мастера»: Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965.
9. ОР БРАН, Санкт-Петербург.
- 10–11. Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва.
12. ОР БРАН, Санкт-Петербург.

Именной указатель

- Аввакум (А. Петров) 142
Август II Сильный, король 109
Авраамий, настоятель 20
Адриан, патриарх 79
Александр Невский 105, 112
Алексеев М. 98, 110
Алексеев Ф. 110
Алексей Михайлович, царь 11, 16, 27, 30, 32, 34, 36, 39, 40, 42, 48, 53—58, 62, 63, 68—70, 80, 87, 93, 94, 106, 109, 120, 123, 170
Алексей Петрович, царевич 19, 83, 119—120, 146—148, 150—154, 156, 158—160, 163—165, 167, 172, 174, 175, 178, 188
Анисимов Е.В. 80
Анна Иоанновна, императрица 121
Апраксин (?) 196
Апраксин П.М. 185
Апраксин Ф.М. 107, 110, 124, 129, 185, 198, 201
Апраксины 49, 179, 185, 186
Арсений Грек 39
Афанасий (Любимов), архиепископ Холмогорский 44, 88
Ахмед III, султан 97
- Баранович. См. Лазарь Баранович
Бахтин М.М. 21
Белободский А. 39, 40, 49, 170
Белокуров С.А. 20
Берхгольц Ф.В. 168
Би Я. де 144
Богдановский Я. 43, 50
Болотников И.И. 102
Борис Годунов 45
Боцис 121
Бранкован К. 94
Бруин К. де 117, 118
Брюс Я. 129, 187
Бутурлин И.И. 62, 64, 65, 78, 107, 117, 128, 139, 142, 193, 196, 200
Бутурлин П.И. 113, 122, 123, 124, 129, 137, 140, 141, 143, 158, 161, 162, 165, 179, 195, 200—202
Бушкович П. 8, 138
- Васильев (?) 196
Вассиан, св. 86—91
Вебер М. 22, 187

- Вебер Ф.-Х. 129, 131, 133
Вейде А.А. 111, 129
Веласкес Д. 15
Виниус А.А. 188, 198, 201
Витворт Ч. 123, 139, 141
Виттрам Р. 79
Воейков [А.М.?] 196, 201
Воейков Л. 198
Волконский С.Г. 97
Воронков Н. 142
- Габсбурги, династия 15, 62, 92, 130
Гагины 116
Глебов В. 198
Голицын Б.А. 34, 37, 47, 59
Голицын В.В. 47
Голицына (Прозоровская) А.П. 125, 141, 163, 164, 177, 195, 201
Голицыны 34, 116
Головин (?) 196
Головин И.М. 121, 140, 195
Головин М. 197
Головин Ф.А. 11, 92, 94, 108, 128, 187, 192, 199
Головкин Г.И. 96, 97, 99, 109, 128—131, 170, 179—183, 186, 192
Головкины 109
Гордон П. 52, 53, 60, 61, 65, 66, 74, 76, 79, 80, 115
Горн В. 178
Губин 196
- Данилов. См. Денисов И.
Денисов И. (сын Субота, Данилов) 197
Дмитрий, царевич 29
Дмитрий Ростовский (Туптало), митрополит 107
Долгоруков В.В. 129
Долгоруков Г.Ф. 129
Долгоруков Я.Ф. 113, 123, 124, 129, 137, 141
- Евдокия Федоровна (Лопухина), царица 33, 34, 66, 119, 139, 146, 165, 172, 176
Евфимий Чудовский 42, 44, 50
Екатерина I, императрица 114, 119, 120, 122, 139, 143, 164, 176, 188, 202
Екатерина II, императрица 23
- Желябужский И.А. 115, 116
Живов В.М. 25, 79
Жировой-Засекин М.Ф. 186, 193, 200

- Заозерский А.И. 21, 22, 117
 Зотов Н.М. 10, 12, 34, 47, 89, 113, 117, 122, 125—128, 132, 135, 136, 139, 141,
 143, 158, 161, 163, 165, 176, 186, 192, 199, 200
 Зубов А.Ф. 82, 122, 140
 Иван Алексеевич, царь 19, 28—35, 37, 41, 45, 52, 57, 58, 70, 85, 87, 102, 121
 Иван III, царь 92
 Иван IV, Грозный, царь 52, 74, 87
 Иоаким (Савелов), патриарх 28, 32, 39, 40, 44, 49, 71, 79
 Иона, св. 86—91
 Иржи (Georgius) Д. 48
 Йейтс Ф. 15
 Кайзерлинг И.Г. фон 187
 Канторович Э. 14, 24
 Карл II, король 130
 Карл XII, король 95—98, 101
 Кашнин Г. 197
 Кикин А.В. 83
 Ключарев (?) 196
 Козырев (?) 196
 Коллинз С. 54, 55
 Колтовский (?) 196
 Колычев М.В. 197
 Константин Великий, император 93, 94
 Корб И.Г. 9, 10, 16, 20, 92, 93
 Крейкрафт Дж. 79
 Кросс Э. 166, 178
 Крюйс К. 121
 Куракин Б.И. 66, 67, 69, 78, 103, 104
 Курбский А.М. 74
 Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский 31, 43, 46
 Леопольд I, император 62, 93
 Лефорт Ф.Я. 9, 107, 139
 Лжедмитрий I 30, 44, 46
 Лихуды, Иоанникий и Софроний 32, 39, 40, 42, 170
 Лобанов-Ростовский Я.И. 197
 Ллойд У.П. 201
 Лопухина А.Ф. 33
 Лопухина Е.Ф. См. Евдокия Федоровна
 Лопухина К.Ф. 66
 Лопухины 33, 120, 151
 Лосев И. 197
 Лосский В.Н. 145

- Львов М.Н. 200
Людовик XIV, король 15, 54
Мазепа И.С. 94—99, 101, 109
Макаров А.В. 161, 176
Маркелл, митрополит Псковский 79
Марфа Матвеевна (Апраксина), царица 39, 40, 49
Медведев С.В. 195
Меншиков А.Д. 73, 83, 96—99, 103, 110, 111, 129, 132, 142, 161, 163, 164, 186, 187, 198, 200
Метлин О. 197
Миллер Г.-Ф. 25
Милославские 27, 29, 30, 34, 35, 38, 57, 58, 63
Михаил Федорович (Романов), царь 27, 44, 70, 77, 102, 120, 171
Молева Н.М. 138
Монк, генерал 25
Морозова Ф.П. 67
Мусин-Пушкин (?) 196
Мусин-Пушкин И.А. 12, 40, 50, 103, 111, 129, 170, 179, 186, 191
Мусины-Пушкины 50
Муханов (?) 196

Нарышкин И.К. 35, 45
Нарышкин Л.К. 37, 59, 142
Нарышкин М.К. 59
Нарышкин М.Ф. 65, 67, 70, 81, 116, 163, 191
Нарышкин Ф.К. 59
Нарышкины 19, 27—29, 33, 34, 37—40, 44, 45, 48, 52, 57—59, 63, 70, 71, 74, 184
Наталья Алексеевна, царевна 128, 142
Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица 30, 58
Никон, патриарх 87

Оболенский М.М. 198
Орсо С. 15

Павленко Н.И. 25
Паисий Лигарид 39
Палибин (?) 196
Пашков А.Ф. 142
Пашков Е.А. 142
Пашкова А. См. Стремоухова А.
Пашковы 133
Паус И.В. 167, 178
Петр I, император 8—37, 40—42, 44, 47, 49, 50, 52—53, 57—67, 69—74, 76, 77, 79, 84—111, 113—129, 131—176, 179—182, 184, 186—190, 198—201

- Петр Петрович, царевич 165, 167
 Платонов С.Ф. 164, 166
 Полицаров Ф.М. 115
 Прасковья Федоровна (Салтыкова), царица 102, 121
 Прозоровский (?) 196
 Прозоровский А.П. 164
 Прокопович. См. Феофан Прокопович
 Протасьев А.П. 193
 Протасьев Ф. 198
- Репнин (?) 196
 Ржевская (Соковнина) Д.Г. 130, 131, 143, 162, 163, 195, 201
 Ржевский В. 197
 Романовы, династия 27, 29, 34, 35, 37, 41, 43, 44, 56, 70, 71, 87, 101, 102, 119, 120, 146, 171
 Ромодановский И.Ф. 158—161, 164, 165, 176, 194
 Ромодановский М.Г. 160, 176, 194
 Ромодановский Ф.Ю. 11, 58, 60—65, 76, 103, 105, 107, 117, 121, 125, 133—136, 139, 141, 144, 145, 158—160, 165, 176, 177, 191, 199
 Ромодановские 78, 158—160, 164
 Ронов (?) 196
 Румянцев А.И. 163
 Рюриковичи, династия 61, 87
- Савелов А. 197
 Семевский М.И. 13
 Сильвестр (Медведев С.А.) 31, 32, 38—44, 46, 49, 50, 71
 Симеон Полоцкий 31, 34, 39, 41, 55, 56, 63, 64, 75, 79
 Симеон Фессалоникийский 42
 Скаврнская М. См. Екатерина I
 Скляев Ф.М. 121
 Скоропадский И. 97
 Смит Дж. 7
 Собакин М. 197
 Соковнин А.П. 143
 Соковнин В.А. 67—69, 72, 80, 131, 190
 Соммер С. 58, 76
 Софья Алексеевна, царевна 28, 30—44, 46, 48, 50, 52, 57—62, 71, 74, 76, 147, 168
 Спафарий (Милеску-Спафариос) Н. 40
 Срезневский И.И. 110
 Станислав Лещинский, король 96, 99, 109
 Стефан Яворский, митрополит Рязанский 82, 97, 109, 110, 152, 154, 173
 Стремоухова А. 128, 130, 133, 135, 142
 Стремоухов И. 128
 Стрешнев И.Р. 198

- Стрешнев Т.Н. 12, 22, 34, 47, 89, 107, 129, 191
Стрешнева 196
Стрешневы 49
Строев (?) 198
Стронг Р. 15
- Талицкий Г. 82, 182
Тарасевич А. 43, 50
Тимашев (?) 196
Толстой П.А. 109, 160, 163, 176
Троекуров И.Б. 33, 47
Троекуров Ф.И. 47
Трубецкие 116
Тургенев С.Я. 195
Тургенев Я.Ф. 115, 116, 118, 137, 138
- Уортман Р.* 14, 22, 24, 189
Урусова Е.П. 67
Успенский Б.А. 145, 171
Ушаков А.И. 161, 176, 177
Ушаков П. 197
- Федор Алексеевич, царь 27, 28, 39, 49, 57
Феофан Прокопович 26, 79, 82—83, 109, 137, 152—157, 165, 169, 172—175, 182
Филарет (Романов), патриарх 70, 81, 102
Филипп IV, король 15
Филипп (Колычев), митрополит, св. 87
Фредерик IV, король 101
Фуко М. 24
- Хилков (?) 196
Хованский И.А. 37
Хованский И.И. 82, 182, 194
Хьюз Л. 112
Хьюссен Г. фон 167, 178
- Черкасская И.М. 141
Черкасский М.Я. 141
Черкасский М.А. 129, 143
Чижинский С. 68, 80
Чудовский. См. Евфимий Чудовский
- Шакловитый Ф.Л. 33, 37, 38, 43, 47—49, 52, 147
Шанский Ф.П. 115—117, 138, 194
Шарлотта Вольфенбюттельская, принцесса 140

- Шаховской Г.П. 102
 Шаховской М.Ф. 102
 Шаховской Ю.Ф. 100—105, 111, 122, 186, 194
 Шаховские 101, 102, 104, 111
 Шафиров П.П. 187
 Шемякин (?) 196
 Шереметев Б.П. 83, 93, 111, 135, 141
 Шереметев Ф.П. 197
 Шереметевы 116
 Шушерин (?) 196
 Шхонбек А. 139, 140

 Щербатов М.М. 13, 23, 185
 Щербатов Ю.Ф. 24, 197
 Щукин А.Я. 97—99, 110

Элиас Н. 15, 24

- Юль Ю. 100
 Юшков (?) 196

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Источники	12
Историография	15
<i>Глава 1</i>	
НАРЫШКИНСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ	27
Сделка 1682 г.	28
Высочайшая троица	30
Нарышкинский манифест	32
Царское таинство	38
<i>Глава 2</i>	
ЦАРСТВЕННОЕ СВЯЩЕНСТВО	52
Самодержавие под Москвой	53
Делу время, потехе час	57
Воинственное царство мира	60
«От Петра святочное благовествование»	65
<i>Глава 3</i>	
АПОСТОЛЫ И ОТСТУПНИКИ	84
Случайное паломничество	85
Орден ловцов	91
Польза отступничества	95
Кавалер ордена Иуды	99
<i>Глава 4</i>	
ПАРОДИИ СЕДЬМОГО ТАИНСТВА	113
Женихи-шуты	114
Царь Петр и рыцари Круглого стола	118
Брак по расчету	122
Царское шаривари	130

Глава 5

ОТЦЫ ОТЕЧЕСТВА	146
«Завещание отеческое»	147
Иго веры	151
Жрецы имперского культа	157
Царь-Фаллос	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
ПРИЛОЖЕНИЕ. Члены Всепутейшего собора	184
Список сокращений	203
Источники и литература	204
Справка об иллюстрациях	229
Именной указатель	230
Глава 1	
НАРЫШКИНСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ	27
Сарай 1681	28
Воскресенский трапезный	30
Нарышкинский манифест	32
Царское танго	36
Глава 2	
ЦАРСТВЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО	32
Самодержавие под Москвой	33
Два года, полвека	37
Воскресенские лагуны мира	60
«О Трех святохъ Государевыхъ»	62
Глава 3	
АПОСТОЛЫ И ОТСУТСТВИИ	81
Судьбыное националистство	82
Один и много	91
Полтава отсутивает	92
Кавалер ордена Никиты	99
Глава 4	
ПАРОДИИ СЕДЬМОГО ЛАНКЕСТВА	111
Желто-липы	114
Царь Петр и рыцари Крестового строя	118
Брак по расчету	122
Царское танго	130

Эрнест Зицер
**ЦАРСТВО ПРЕОБРАЖЕНИЯ:
СВЯЩЕННАЯ ПАРОДИЯ И ЦАРСКАЯ ХАРИЗМА
ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Л. Белова*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (495) 976-47-88
факс (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Представительство в С.-Петербурге
Лиговский пр., д. 27/7
Тел.: +7 (812) 579 50 04

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 11. Тираж 1500. Заказ №3552

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

HISTORIA ROSSICA

ЦАРСТВО ПРЕОБРАЖЕНИЯ: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого

В новаторском исследовании российской придворной культуры конца XVII — начала XVIII века американский историк Эрнест Зинер выступает с методологически изощренной трактовкой карнавальных действий, выявляющих со «Всеипутейшим и всешляхетнейшим собором» и фаллопатристическим культом личности Петра Великого. «Поддельной» мир мнимых монархов, рыцарей и клириков предстает театр сферой, где создавались «компании» уверовавших в новое «Евангелие от Петра». Освещая аспекты петровской полемической теологии, до этого игнорировавшиеся историками, данная работа доказывает, что превращение Московии в императорскую Россию было столько же предметом бюрократического переустройства, сколько и переходом в новую веру, то есть столько же преобразованием, сколько и *преображением*. Книга оспаривает многие из распространенных представлений о религиозной и кадровой политике Петра I и стимулирует дальнейшее изучение его правления в общеевропейском контексте барочной придворной культуры раннего Нового времени.

ISBN 978-5-86793-603-7

9 785867 936037